

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 2 (14) 2020

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2020

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

№ 2 (14) 2020

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77—69590 от 02.05.2017

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени
доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по каталогу Роспечать 39897. Цена свободная.

Издается с мая 2017 года
Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел. (3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Грибунов О. П., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Шаевич А. А., кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Ответственный секретарь:

Третьякова Е. И., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Варданян А. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Ростовского юридического института МВД России;

Васюков В. Ф., доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова;

Жакулин А. Б., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова;

Железняк Н. С., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Зайцева Е. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России;

Николок В. В., заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия;

Никонович С. Л., доктор юридических наук, доцент, профессор высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса;

Росинский С. Б., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Степаненко Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. В текстах статей сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несёт ответственности за возможные неточности.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях.

Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 июня 2020 г. Дата выхода в свет 30 июня 2020 г.

Формат 60 × 84/8

Цена: свободная

Усл. печ. л. 31,0. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 20

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

FORENSICS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

№. 2 (14) 2020

The founder of the journal is Federal State Budget Institution
for Higher Education
“East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation”

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

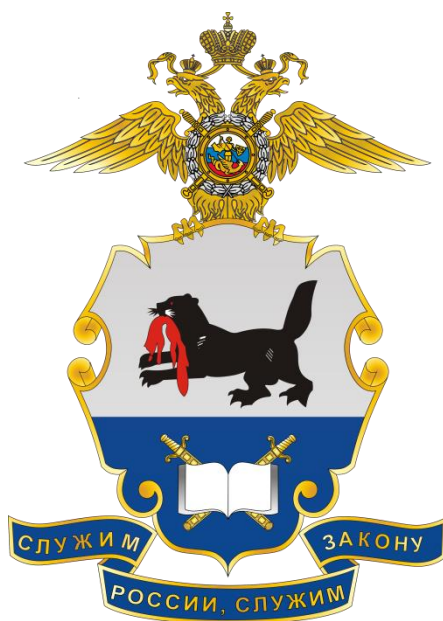
Registration: The Federal service for supervision in the sphere
of mass communications

PI No. FS 77—69590 dated 02 May, 2017

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which
the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published,
for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Subscription index in the Rospechat catalogue 39897. The price of free.

Published since may 2017.
Issued four times a year

Address of the editorial office, publisher:
664074, Irkutsk, Lermontova St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
<https://вси.мвд.рф/>
e-mail: esiirk-kafkrim@mvd.gov.ru

© East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 2020

Editorial staff

Chief Editor:

Gribunov O. P., Doctor of Law, Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science.

Deputy Chief Editor:

Shaevich A. A., Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Executive Secretary:

Tretyakova E. I., Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia.

Members of the Editorial Board:

Vardanyan A. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russia;

Vasyukov V. F., Doctor of law, Professor of the Department of criminology and preliminary investigation in the police Department of the Orel law Institute of the MIA of the Russia named after V. V. Lukyanov

Zhakulin A. B., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of technical and forensic support of disclosure and investigation of crimes of Karaganda Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

Zheleznyak N. S., Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the MIA of the Russia;

Zaytseva E. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Volgograd Academy of the MIA of the Russia;

Nikolyuk V. V., Honored Scientist of Russia, Doctor of Law, Professor, Chief Scientific Officer of the Department of Criminal Procedures Problems, Russian State Justice University;

Nikonovich S. L., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the higher school of business, management and law of the Russian state University of tourism and service;

Rossinsky S. B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Stepanenko D. A., Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia.

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is free of charge. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29th June 2020. Date of publication on 30th June 2020.

Format 60 × 84/8

Price: free

Conventional printed sheets — 31,0. Issue 1000 copies

Fist issue 60 copies. Order No. 20.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Авдеев М. Е. Исторический взгляд на развитие теории криминалистической характеристики преступления	12
Айвазова О. В. К вопросу о сущности понятия «раскрытие преступления» в контексте норм действующего законодательства	19
Бобков А. И., Назырова Н. А. Тенденции, обуславливающие криминализацию незаконного образования юридического лица и приоритетные направления борьбы с ним	28
Богун О. Н. Ситуационный подход и решение следователем тактических задач предварительного расследования.....	37
Габзалилов В. Ф., Кузнецов Е. В., Омелин В. Н. О понятии и классификации правил конспирации в оперативно-розыскной деятельности	45
Гамзина А. В. К вопросу о территориальном разделении инспекций по делам несовершеннолетних и подразделений уголовного розыска как одном из факторов, ухудшающих их взаимодействие при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних	52
Гераськин М. Ю., Плотникова Г. В., Шеков А. А. Особенности обнаружения, изъятия и предварительного исследования вещественных доказательств при осмотре места поджога	59
Головин А. Ю. Программирование расследования — криминалистический фантом?	66
Горшкова В. С. Особенности производства осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти	74
Давыдов В. О., Тишутина И. В. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	81

Дёмина М. Л. Возможности вербальной судебно-психологической экспертизы.....	92
Зубенко Е. В., Лантух Э. В., Сериков С. Н. О состоянии и дальнейших перспективах развития исследований, касающихся расследования дорожно-транспортных преступлений.....	100
Ильина Е. В., Мелихов А. И. Оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий	108
Конин В. В., Марьина Е. В. Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела	116
Кудра Д. М. Оперативно-розыскное мероприятие снятие информации с технических каналов связи при осуществлении розыска лиц, пропавших без вести	131
Лузько Д. Н. Розыск военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы: правовые и практические аспекты	138
Панфилов П. Б., Панфилова З. Ю., Фиронова Ю. С. Способ химической экстракции фракции полярных липидов биологических сред и выделений человека при пробоподготовке и особенности производства ольфакторной судебной экспертизы с его использованием (методические аспекты).....	145
Подольный Н. А. Следственная тайна — общее условие предварительного расследования и тактико-криминалистическое средство установления обстоятельств совершения преступления	164
Пороховой Э. Ю. Некоторые аспекты международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью.....	173
Репин А. В. К вопросу о понятии и сущности контакта, устанавливаемого следователем в ходе допроса	180
Соколов А. Б., Шаевич А. А. Жайтуменова А. Р. Криминалистическая характеристика преступлений: неразрешенные вопросы.....	186
Третьякова Е. И., Трубкина О. В. Правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа.....	195

Шеметов А. К., Васюков В. Ф. О роли осмотра
места происшествия при разоблачении инсценировок самоубийств 201

Яцкина И. А. Криминалистическая сущность преступлений,
связанных с пропагандой экстремизма, и особенности проведения
различных следственных действий в процессе их расследования 209

Уголовный процесс

Емельянова А. А. К вопросу о заключении под стражу
несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого 218

Михайлова Т. Н., Грибунов О. П. Эволюция развития
нормативно-правовой основы ювенального судопроизводства
в России 225

Россинский С. Б. Является ли потерпевший
субъектом доказывания по уголовному делу? 237

Информация для авторов 244

CONTENTS

Criminalistics. Forensic expertise. Operatively-search activity

Avdeev M. E. Historical look back at the development of the theory of forensic characteristics of the crime	12
Aivazova O. V. To the question of the concept of "crime detection" in the context of the present legislation.....	19
Bobkov A. I., Nazyrova N. A. Trends that lead to the criminalization of illegal formation of a legal entity and priority areas for combating it.....	28
Bogun O. N. Situational approach and addressing organizational aspects of preliminary investigation by the investigator.....	37
Gabzalilov V. F., Kuznetsov E. V., Omelin V. N. About the concept and classification of the rules of conspiracy in operational-search activities	45
Gamzina A. V. On the issue of the territorial division of juvenile inspections and criminal investigation units as one of the factors that worsen their interaction during the operational search activities for juveniles	52
Geraskin M. Yu., Plotnikov G. V., Shekov A. A. Features of detection, seizure and preliminary investigation of physical evidence at the scene of an arson	59
Golovin A. Yu. Investigation programming — a forensic phantom?	66
Gorshkova V. S. Characteristics of the crime scene search upon detection of a dead baby without outward appearances of violent death	74
Davydov V. O., Tishutina I. V. About topical problems of forensic skills of investigation and detection of fraud committed using information and telecommunication technologies	81
Dyomina M. L. The opportunities of verbal forensic psychological examination.....	92
Zubenko E. V., Lantuh E. V., Serikov S. N. On the status and future prospects of research related to the investigation of traffic offences.....	100

Ilyina E. V., Melikhov A. I. Investigative support for the production of urgent investigative actions.....	108
Konin V. V., Marina E. V. Tactical-forensic support of the verification of statements and reports on the stage of criminal case initiation	116
Kudra D. M. Operational search event removal of information from technical communication channels in the search for missing persons.....	131
Luzko D. N. Search for military personnel who avoid military service: legal and practical aspects	138
Panfilov P. B., Panfilova Z. Yu., Fironova Yu. S. Method of chemical extraction of polar lipid from human biological medium and excretion during sample preparation and features of explosive scent forensic examination with its use. methodical aspect	145
Podol'nyy N. A. Investigative secrecy is a general condition of the preliminary investigation and tactical-forensic means to establish the circumstances of the crime.....	164
Porokhovoy E. Yu. Some aspects of international cooperation in the fight against transnational crime	173
Repin A. V. On the concept and essence of contact established by the investigator during interrogation.....	180
Sokolov A. B., Shaevich A. A., Zhaitumenova A. R. Criminalistic characteristic of crimes: unsolved issues.....	186
Tretyakova E. I., Trubkina O. V. Legal problems of the fraud investigation using electronic means of payment	195
Shemetov A. K., Vasyukov V. F. On the role of scene search in exposing of faking suicides.....	201
Yatskina I. A. Criminalistic nature of crimes related to extremist propaganda and features of various investigative actions during the investigation	209

Criminal proceeding

Emelyanova A. A. To the issue of the detention of a juvenile suspect, accused	218
Mihailova T. N., Gribunov O. P. Evolution of the development of the legal framework for juvenile court proceedings in Russia	225
Rossinskiy S. B. Is a victim a subject of criminal evidence?	237
Information for authors	244

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10021

Максим Евгеньевич Авдеев,

аспирант Байкальского государственного университета

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Аннотация. В статье исследуется вопрос о современном знании категории криминалистической характеристики преступления с позиции ее исторического генезиса. Автором указывается о том, что в различные исторические периоды исследуемой категории придавалось своеобразное значение. Так, в настоящее время как указывает автор, данную категорию считают «фантомом». Также в статье подчеркивается особая практическая актуальность исследования вопросов криминалистической характеристики преступлений, необходимой для раскрытия и расследования уголовных дел.

Ключевые слова: преступление, расследование, раскрытие, криминалистическая характеристика преступления.

Maksim Evgenyevich Avdeev,

Graduate Student of Baikal State University

**HISTORICAL LOOK BACK AT THE DEVELOPMENT
OF THE THEORY
OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE CRIME**

Abstract. The article examines the question of up-to-date knowledge of the category of forensic characteristics of the crime with a view of its historical development. The author indicates that in various historical periods increased importance has been given to the category under study. The author states that

this category is considered to be a “phantom”. Moreover, the article stresses particular practical relevance of the research of the issues of forensic characteristics of the crime needed to investigate and solve criminal cases.

Keywords: crime, investigation, crime detection, forensic feature of the crime.

Роль криминалистической характеристики преступлений в разработке методик по расследованию уголовных дел очевидна и бесспорна, но она в настоящее время продолжает быть предметом научной полемики.

Учитывая то, что сегодня в отношении данной категории существуют различные точки зрения, необходимо исследовать генезис данного понятия в криминалистике.

Вопросы тактики и методики расследования и раскрытия преступлений, включающие в себя аспекты криминалистических характеристик преступлений, всегда занимали умы ученых-криминалистов.

Так, в XX веке некоторыми учеными-криминалистами отмечалось, что в теории «началось повальное увлечение криминалистами отдельных родов, видов, подвидов преступлений, заговорили о криминалистической характеристике преступления. Этим термином стали обозначать различные по содержанию понятия, фактически ничего не имеющего общего с криминалистической характеристикой преступлений» [1].

В то же время по многим вопросам криминалистической характеристики преступлений не выработано концепции, принимаемой большинством ученых, продолжается оживленная дискуссия, которая продолжается и по сей день [2, 3, 4, 5].

В любом исследовании, в том числе и научном, необходим исторический подход. Как считал В. И. Ленин, «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [6, с. 67].

Первым, по мнению ученых-криминалистов, впервые исследовавших определение и содержание криминалистической характеристики преступлений, был Л. А. Сергеев [7]. Именно в его научном исследовании имеет место первое в криминалистике упоминание о данном понятии. Однако дальнейшая практическая разработка исследуемой категории долгое время не получала основательного в практическом плане научного исследования.

Ранее практическими работниками, например, Лебедевым В. Н., в целях эффективного раскрытия и расследования уголовных дел разрабатывались соответствующие методики применительно к отдельному виду преступления, включающие их криминалистическую характеристику.

Так, им были разработаны следующие методики расследования: «о подлогах векселей», «о мошенничествах путем объявления себя банкротом», «об убийстве с целью завладения наследством» [8].

Таким образом, криминалист В. Н. Лебедев в своих практических разработках дал полную характеристику отдельных составляющих криминалистической характеристики в часто встречающихся на то время преступлениях.

В исследованиях П. И. Люблинского нашли свое отражение условия, выполнение которых ведет к успешному расследованию и раскрытию преступлений. В связи с этим ученым указывалось, что «для успешного раскры-

тия преступлений следует ориентироваться на известную семиэлементную формулу, составленную римскими криминалистами: кто, что, где, с чьей помощью, почему, каким образом, когда» [9].

Среди ученых-криминалистов долгое время данная римская «формула», содержащая семь элементов, не приветствовалась. Но вскоре известный криминалист И. Н. Якимов в своем учебнике упоминает о ней, именуя ее контрольными вопросами [10].

Позже, в 1951 году известный криминалист, выпускник Иркутского государственного университета в работе, посвященной предмету криминалистики, писал, что следователи «должны установить целый ряд закономерностей, которые обеспечивают успешное раскрытие преступлений, и он видит определенные связи между временем и местом совершения преступления», тем самым им высказано мнение об отдельных структурных элементах криминалистической характеристики и об определенных зависимостях между ними [11, с. 25].

Таким образом, если исходить из современной терминологии, можно сказать, что происходило формирование эмпирических моделей различных видов преступлений.

Второй этап развития криминалистической характеристики преступления можно назвать теоретическим. В этот период ученые, исследовав криминальную практику и выработав видовую криминалистическую характеристику и используя корреляционные зависимости между отдельными структурными элементами, выстраивают звенья недостающих структурных элементов.

Следует отметить, что в этот период ученые-криминалисты Н. С. Селиванов, В. Г. Танасевич и Л. Г. Видонов разрабатывали криминалистическую характеристику конкретного преступления.

Так, Л. Г. Видонов, работая в это время прокурором-криминалистом Горьковской области, разработал взаимосвязи между отдельными структурными элементами криминалистической характеристики убийств, совершенных в условиях неочевидности выдвижении версии на основании этого [12].

Другие ученые-криминалисты, такие как Р. С. Белкин, И. Е. Быховский и А. В. Дулов, считали, что криминалистическая характеристика — научная абстракция и не может являться криминалистической характеристикой конкретного преступления [1, с. 56].

В 70—80 гг. В. А. Образцов, И. М. Лузгин, В. И. Шиканов обратили внимание на междисциплинарный подход к проблеме криминалистической характеристики [13, 14].

В конце 80-х — начале 90-х годов при изучении криминалистических характеристик преступления наблюдается конструирование объемных моделей преступления за счет изучения отдельных структурных элементов.

Подобный подход, без сомнения, открыл новые возможности для изучения отдельных структурных элементов криминалистической характерис-

тики преступлений, что позволит представить практическим работникам следствия аргументированные рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в условиях неочевидности [15, 16].

Но вот в 2001 г. профессор Р. С. Белкин высказался о нецелесообразности выделения в качестве основного элемента частной методики расследования криминалистической характеристики преступления и о замене его на специфические особенности предмета доказывая по данной категории дел, высказав мнение, что это «фантом» [17, с. 22].

Аналогичное мнение было высказано профессором А. В. Дуловым, который считал, что «криминалистическая характеристика преступлений не способна обеспечить криминалистическое изучение» [18, с. 73].

Как при появлении в криминалистической науке категории криминалистической характеристики, так и сегодня исследуемое понятие является весьма дискуссионным среди ученых-криминалистов, придерживающихся различных взглядов.

Анализируя замечания Р. С. Белкина, называющего криминалистическую характеристику «фантомом», профессор А. М. Головин указывает на то, что данные замечания Р. С. Белкина представляют собой не отрицание им данной научной категории, а всего лишь замечание по поводу качества научных исследований в этой области [19, с. 5]. Аналогичное мнение в этом плане высказано Л. В. Бертовским, оно заключается в том, что «в современных условиях вопрос должен ставиться не в плане нужности или ненужности указанной характеристики, а лишь с точки зрения повышения ее качественного уровня и эффективности применения» [20, с. 46].

Вместе с тем, рассуждая о будущем криминалистической характеристики преступлений в современный период, профессор А. В. Варданян выдвинул точку зрения о том, что «криминалистическая характеристика преступлений, систематизированно отражая в себе механизм преступной деятельности и выступая информационной моделью соответствующей категории преступления, служит источником для выдвижения и проверки криминалистических версий» [21, с. 10].

Главным прикладным значением частной криминалистической характеристики преступления является ориентирование следователя и оперативно-го работника при выдвижении версий на первоначальном этапе расследования при обнаружении признаков совершенного преступления.

Криминалистическая характеристика преступления особо актуальна в настоящее время, т. к. научно-технический прогресс связан с появлением новых видов преступлений, появлением новых, более совершенных и эффективных, с точки зрения правонарушителей, способов и средств совершения преступления. Все это влечет изменения сведений, составляющих содержание криминалистических характеристик отдельных видов преступлений — они постоянно дополняются, корректируются, уточняются.

Например, на сегодня особо актуальными представляются разработки криминалистических характеристик преступлений коррупционной направленности.

Коррупционная преступность совершенствует не только способы совершения преступлений, но и сферу их распространения. Так, несмотря на государственные меры противодействия коррупции, растет их количество в государственных и далее в негосударственных структурах, в том числе и в бизнесе. Изменяясь, они приобретают характер организованной преступности посредством юридических лиц, направленной на хищение бюджетных средств. Рассматривая современные виды коррупции, нельзя с уверенностью утверждать, что расследование данных преступлений подлежит по общим методикам расследования взяточничества. В связи с чем, как отмечает профессор Н. П. Яблоков, «методы современных видов коррупции требуют изучения и совершенствования» [22], что также должно повлечь разработку современных криминалистических характеристик новых разновидностей преступлений коррупционной направленности.

Между тем современным исследователям криминалистической характеристики следует согласиться с позицией профессора И. Ф. Пантелеева, полагающего, что «криминалистическая характеристика преступлений должна представлять такую совокупность структурных элементов, которые могут способствовать его раскрытию» [23].

И мнение И. Ф. Пантелеева, как нам представляется, должно быть взято за основу современных разработок криминалистической характеристики преступлений.

Таким образом, можно подвести итог историческому развитию научной категории «криминалистическая характеристика преступлений в XXI веке», и, несмотря на постоянную дискуссию по поводу значения данной научной категории, принципиальных изменений нет. Примечательно, что никем из ученых не ставится под сомнение развитие этой теории для содействия в раскрытии и расследовании преступлений.

Полагаем, что криминалистическая характеристика преступлений, как теоретическая и методико-практическая категория, требует дальнейшего развития. Так, по нашему представлению, необходимо выявить связи между структурными элементами криминалистической характеристики и их связи и взаимосвязи, определить, какой характер носят эти связи и т. д. Важным моментом в исследованиях необходимо установить соотношения выявления, раскрытия преступлений, а также алгоритмов расследования.

Подобный подход, на наш взгляд, открывает новые возможности для изучения отдельных элементов криминалистической характеристики и позволит представить практическим разработкам соответствующие рекомендации по выявлению, раскрытию преступлений, совершенных в условиях неочевидности, а также замаскированных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белкин Р. С. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) / Р. С. Белкин., И. Е. Быховский., А. В. Дулов // Социалистическая законность. — М.: Известия, 1987. — № 9. — С. 56—58.
2. Шмонин А. В. Современное представление о криминалистической характеристике преступлений / А. В. Шмонин // Следователь. — 2005. — № 2. — С. 43—45.
3. Самойлов А. В. Современное состояние учения о криминалистической характеристике преступлений / А. В. Самойлов // Российский следователь. — 2010. — № 22. — С. 5—6.
4. Ишигеев В. С., Пузикова А. В. Криминалистическая характеристика преступлений: фантом или реальность / В. С. Ишигеев, А. В. Пузикова // ЮРИСТЪ—ПРАВОВЕД. — 2018. — № 3. — С. 160—163.
5. Коновалов С. И. Учение о криминалистической характеристике преступлений: итоги научной дискуссии / С. И. Коновалов // Криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики: Материалы второго Всероссийского круглого стола. — Ростов н/Д.: ДЮИ, 2009. — С. 3—7. Круглый стол 15—16 мая 2009 г. — Ростов н/Д., 2009. — С. 3—7.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. Т. 39. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. — 624 с.
7. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Л. А. Сергеев. — М., 1966. — 16 с.
8. Крылов И. Ф. Из истории криминалистики / И. Ф. Крылов. — Л.: Изд-во: Ленингр. ун-та, 1982. — 106 с.
9. Крылов И. Ф. Криминалистическая характеристика и её место в системе науки криминалистики и в вузовской программе / И. Ф. Крылов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. — М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. — С. 32—33.
10. Якимов И. Н. Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. — М.: «ЛексЭст», 2003. — 496 с.
11. Шавер Б. М. О предмете советской криминалистики / Б. М. Шавер. — М., 1951. — С. 25.
12. Видонов Л. Г. Система типовых версий о лицах, совершивших убийства. — Горький, 1977. — 108 с.
13. Образцов В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути решения / В. А. Образцов // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. — М., 1984. — С. 7—15.
14. Шиканов В. И. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений: сб. науч. тр. / В. И. Шиканов. — М., 1984. — С. 40—43.
15. Трухачев В. В. Мотивация как элемент криминалистической характеристики преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. В. Трухачев. — Воронеж, 1990. — 24 с.
16. Аббасова И. С. Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики: дис. ... канд. юрид. наук / И. С. Аббасова. — Томск, 1992. — 22 с.
17. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М.: НОРМА, 2001. — 240 с.
18. Дулов А. В. Криминалистика: учеб. пособ. / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. — Минск: Экоперспектива, 1998. — 415 с.

19. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений / А. Ю. Головин // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 3. — С. 3—8.

20. Бертовский Л. В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Л. В. Бертовский; Моск. гос. юрид. акад. — М., 2005. — 526 с.

21. Варданын А. В. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости / А. В. Варданын, И. Г. Гнетнев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 2—2. — С. 10—16.

22. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: моногр. / Н. П. Яблоков. — М.: Изд-во Юрид. норма, 2016. — 192 с.

23. Пантелеев И. Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики: учеб. пособ. / И. Ф. Пантелеев. — М.: Изд-во ВЮЗИ, 1980. — 96 с.

УДК 343.985.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10022

Ольга Владиславовна Айвазова,

профессор кафедры криминалистики и ОРД

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ НОРМ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Автор обращается к результатам многолетней научной дискуссии относительно термина «раскрытие преступлений» и его соотношения с близкими по значению терминами «расследование преступлений», «уголовное преследование». Уголовно-процессуальное законодательство, сформулировав в качестве одного из ключевых принципов принцип состязательности сторон и наделив следователя функцией уголовного преследования, отказалось от возложения на следователя задачи по раскрытию преступления. Однако конструкция целого ряда статей Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ, а равно уголовно-процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве предусматривает в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности (либо обстоятельства, смягчающего наказание) различные варианты его содействия раскрытию преступления. Это побудило автора рассмотреть термин «раскрытие преступлений» в указанном ракурсе и предложить выводы и рекомендации по оптимизации соответствующей следственно-судебной практики.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, расследование преступлений, обвиняемый, обвинение, уголовное преследование, криминалистика, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, содействие раскрытию преступления

Olga Vladislavovna Aivazova,

Professor of the Department of Criminalistics and Operational and Search Activities

of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law, Associate Professor

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF "CRIME DETECTION" IN THE CONTEXT THE PRESENT LEGISLATION

Abstract. The author refers to the results of long-term scientific discussion on the term "crime detection" and its relationship with the terms "crime investigation" and "criminal prosecution" that are similar in meaning. The criminal procedure law refused to assign tasks of crime detection to the investigator by formulat-

ing as one of the key principles principle of adversarial proceedings and giving the investigator the function of criminal prosecution. However, the construction of a number of articles of General and Special conditions of the Russian Criminal Code and Criminal Procedure Institute of pre-trial agreement on cooperation provides as a ground for excluding criminal responsibility (or circumstances that could mitigate the punishment) various options for his/her contribution to crime detection. This led the author to consider the term "crime detection" from this perspective and to offer conclusions and recommendations for optimizing the relevant investigative and judicial practice.

Keywords: crime detection, crime investigation, accused, prosecution, criminal prosecution, criminalistics, criminal process, operational search activity, assistance in the investigation of the offence.

Дискуссия о сущности и содержании понятия «раскрытие преступления», его соотношении с близким по значению термином «расследование преступления» продолжается на протяжении десятилетий [1, с. 228—260; 2]. Однако ученым по сей день так и не удалось достичь единства. Не приводя в рамках настоящей работы доводы сторонников всех альтернативных точек зрения, поскольку в целом они хорошо известны, лишь кратко обозначим, что различия в авторских интерпретациях констатации момента раскрытия преступления дифференцируются на следующие аспекты.

Во-первых, они обусловлены представлением о расследовании как о процессе, имеющем соответствующие этапы, каждому из которых присущи характерные задачи, а также имеющаяся исходная и добываемая доказательственная и ориентирующая информация. При этом, в свою очередь, в научной литературе так и не достигнуто единообразие в отношении периодизации этапов: их количестве, сущности, соотношении. Хотя все авторы признают наличие первоначального и последующего этапов [3, с. 155 — 160; 4, с. 36 — 39], однако далеко не так всё однозначно в отношении этапа проверки сообщения о преступлении (как элементе частных криминалистических методик) и заключительного этапа расследования (с точки зрения уголовно-процессуального закона соответствует ознакомлению обвиняемого и иных заинтересованных лиц с результатами расследования, подготовке обвинительного заключения).

С учетом данной периодизации и достигаемых процессуальных и тактических задач представления о моменте раскрытия преступления связываются с: а) обнаружением следов преступления и иной информации, позволяющей определить причастность к совершению данного деяния конкретного лица; б) появлением в уголовном деле достаточных оснований для предъявления лицу обвинения; в) завершением предварительного расследования с формулированием обвинительного заключения; г) вынесением обвинительного приговора. Говоря иными словами, временной диапазон анализируемо-

го термина включает различные аспекты: от поступления исходной информации о преступлении и лице, предположительно его совершившем, до признания обвиняемого виновным на основании судебного решения.

Во-вторых, содержание термина «раскрытие преступления» связывается с отраслью юридической науки и ее предмета, в рамках которого рассматривается данное понятие, а также присущего ему научного инструментария. Традиционно термин «раскрытие преступления» разрабатывался науками уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, с позиций каждой из которых он наполняется специфическим содержанием.

Закономерно, что ранее действовавший УПК РСФСР 1960 г. признавал в качестве одной из своих задач быстрое и полное раскрытие преступления, наряду с изобличением виновных и правильным применением закона (ст. 2 УПК РСФСР). Также термин «раскрытие преступления» использовался в различных нормах указанного закона. Например, ст. 128 УПК РСФСР «Привлечение общественности к раскрытию преступлений» обязывала следователя при проведении расследования «широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений и для розыска лиц, их совершивших». Другими словами, в данном значении соотношение расследования и раскрытия преступления определяется как общее и частное.

УПК РФ, стремясь быть свободным от обвинительного уклона, отказался от формулировки задач уголовного судопроизводства, а назначение уголовного судопроизводства сформулировал, исходя из диалектического единства состоящих сторон обвинения и защиты, реализующих противоположные функции [5, с. 136—140]. Очевидно, из этих же позиций УПК РФ практически не употребляет термина «раскрытие преступления» в значении деятельности следователя, направленной на установление обстоятельств деяния и лица, его совершившего. С другой стороны, действующий уголовно-процессуальный закон относит следователя к стороне обвинения, наделяя его функцией уголовного преследования, т. е. деятельности по изобличению лица, причастного к совершению преступного деяния. Иными словами, в действующем уголовно-процессуальном законе применительно к деятельности следователя прослеживается идея вытеснения понятия раскрытия преступления понятием «уголовное преследование». При этом близкий по значению термин «расследование преступления» употребляется лишь в значении стадии уголовного производства (которая может осуществляться в форме предварительного следствия или дознания). Некоторыми процессуалистами критикуется наделение законодателем следователя функцией уголовного преследования (а не расследования преступлений), в сочетании с отсутствием в свете действующего законодательства в уголовном судопроизводстве как таковой функции расследования преступлений.

Оперативно-розыскное законодательство, впервые разработанное в постсоветский период нашего государства [6, с. 73—79], предусматривает

раскрытие преступления в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности, наряду с выявлением, пресечением, предупреждением преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших (ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). С точки зрения оперативно-розыскного подхода, раскрытие преступления есть установление лица, причастного к совершению преступления (т. е. лица, в отношении которого имеется достаточная совокупность данных, указывающая на совершение преступления именно им).

В-третьих, существует точка зрения о соотношении терминов «расследование преступлений» и «раскрытие преступлений» как о процессе и результате (состоянии).

Анализируя универсальное (междисциплинарное, гносеологическое) значение терминов раскрытия и расследования преступлений, обращает на себя внимание то, что понятие «раскрыть» непременно связывается с положительным результатом соответствующей деятельности, распознаванием тайны, разоблачением преступных инсценировок и т. д. Однако демократический и состязательный характер современного уголовного судопроизводства, свободный от обвинительного уклона, позволяет констатировать, что даже завершенное расследованием и направляемое в суд уголовное дело, содержащее сформулированное и обоснованное совокупностью имеющихся изобличительных доказательств, отражает лишь версию стороны обвинения по существу события, подлежавшего исследованию.

Понятие «расследовать» в большей степени ассоциируется с всесторонним и объективным познанием картины произошедшего события, установления всех обстоятельств, образующих предмет доказывания. При этом, в зависимости от степени проблемности следственной ситуации, не являются редкостью расследованные, но так и оставшиеся не раскрытыми преступления. Таким образом, деяния, совершенные в условиях неочевидности, по которым в установленный срок были проведены все необходимые следственные и иные процессуальные действия, а также сопутствующие оперативно-розыскные и иные поисковые мероприятия, однако установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не представилось возможным. Кроме того, по результатам расследования возможно также прекращение производства по уголовному делу, в случае установления обстоятельств, препятствующих производству по уголовному делу (отсутствие события или состава преступления, истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности и т. д.).

Также нельзя не учитывать такие современные процессуальные механизмы, предназначенные для оптимизации уголовного судопроизводства и обеспечения процессуальной экономии, как заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, согласие с предъявленным обвинением, активное

способствование раскрытию и (или) расследованию преступления, деятельное раскаяние.

Казалось бы, в современных условиях следует учесть подход законодателя к термину «раскрытие преступления», который преимущественно ассоциируется с деятельностью оперативных подразделений по неочевидным преступлениям. Что касается деятельности следователя, а именно расследования преступлений в рамках почти одноименной стадии, диапазон которой гносеологически определен предметом доказывания, вектор инициативности и наступательности ей придает отнесение следователя к профессиональному представителю стороны обвинения. Тем не менее в рамках криминалистических исследований ученые нередко продолжают использовать оба термина (раскрытие и расследование преступлений) [7; 8; 9, с. 3—8], особенно если речь идет о методике расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности.

Однако потребность к рассмотрению термина «раскрытие преступления» на уровне нового витка развития юридической науки и соответствующей нормативной и эмпирической базы обусловлена не только и не столько интересом к исследованию исключительно «филологических нюансов».

Дело в том, что нормы материального права, а именно Общей и Особенной части действующего Уголовного кодекса РФ 1996 г., активно используют термин «раскрытие преступления» в значении обстоятельства, влияющего на принятие решение о привлечении к уголовной ответственности либо об освобождении от уголовной ответственности, а равно обстоятельства, смягчающего наказание (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и (или) исключительного обстоятельства, способствующего назначению более мягкого наказания, нежели предусмотренного санкциями соответствующей статьи Особенной части УК РФ. По целому ряду деяний лицо, их совершившее, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно своими действиями способствовало раскрытию (либо, согласно формулировке примечания к конкретным статьям УК РФ, — раскрытию и (или) расследованию, раскрытию и (или) пресечению) соответствующего деяния.

Примерами таких деяний, предусматривающих возможность освобождения лица, их совершившего, от уголовной ответственности, являются: организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ), ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической дея-

тельности (ст. 205.3 УК РФ), организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ст. 210 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации (либо иностранного гражданина и (или) лица без гражданства) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении (ст. 322.2 УК РФ), фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в РФ (ст. 322.3 УК РФ) и др.

Другими словами, раскрытие преступления в подобных случаях упоминается законодателем не как сама по себе инициативная деятельность субъекта расследования и (или) положительный результат такой деятельности по установлению лица, причастного к деянию, а как деятельность подозреваемого или обвиняемого, обеспечившая достижение указанного результата. Тем не менее не утрачивает актуальности понимание содержания данной деятельности, в том числе и в таком контексте, как способствование раскрытию преступления лицом, привлекаемым к уголовной ответственности.

Характерно, что примечания к одним уголовно-правовым нормам в качестве условий освобождения от уголовной ответственности предусматривают не просто способствование раскрытию преступлений (либо раскрытию или расследованию преступлений), а именно активное способствование раскрытию преступлений (такова, например, конструкция примечаний к составам взяточничества). По иным составам законодатель полагает достаточным способствование (без такого свойства, как «активное») раскрытию преступления. Таковы, например, преступления в сфере организации незаконной миграции (ст.ст. 322.2, 322.3 УК РФ), однако законодатель также оговаривает одновременное наличие такого условия, как отсутствие в действиях лица иного состава преступления.

Высший судебный орган, стремясь обеспечить результативную и единообразную судебную практику, в том числе при расследовании указанных выше деяний, в определенной степени поясняет значение термина «активное способствование раскрытию преступлений (раскрытию и расследованию преступлений и т. д.)». Например, согласно п. 29 постановления Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 № 24, под активным способствованием раскрытию и расследованию преступлений следует понимать совершение действий, направленных на изобличение причастных к преступлению лиц (взятодателя, взякополучателя, посредника, лица, принявшего или передавшего незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе), обнаружение имущества, выступившего предметом взятки или подкупа и т. д. Перечень таких действий носит примерный и открытый характер, допуская

по усмотрению следователя и (или) суда учет иных аналогичных обстоятельств.

Но при этом не уточняется, на каком этапе уголовного судопроизводства возможно принятие решения об освобождении от уголовной ответственности. Более того, несмотря на то, данный документ призван разъяснить не только спорные вопросы квалификации преступлений (т. е. вопросы материального права), но и вопросы осуществления производства по делу (т. е. вопросы процессуального права), законодатель достаточно «аккуратно» обозначает субъекта, в отношении которого ведется избобличительная деятельность, нейтральным понятием «лицо», не указывая его процессуального статуса. Другим взаимосвязанным условием освобождения от уголовной ответственности по делам о названных выше преступлениях коррупционной направленности является добровольное сообщение лица о факте дачи взятки или совершения посредничества во взяточничестве (причем в последнем случае необходимо одновременное выполнение обоих условий: добровольное сообщение о посредничестве во взяточничестве и активное способствование раскрытию и (или) пресечению преступления).

В содержательном плане активное способствование раскрытию и расследованию преступлений проявляется в даче признательных и подробных показаний касательно как собственных действий, так и действий соучастников, а равно иных лиц, прямо или косвенно осведомленных о тех или иных обстоятельствах данного события (свидетелей), последовательной реализации принятой линии поведения при совершении иных действий, как вербального характера (очная ставка), так и невербального (осмотр, выемка, обыск с добровольным предоставлением искомого, контроль и запись переговоров) или комплексного характера (проверка показаний на месте, следственный эксперимент, предъявление для опознания). Кроме того, именно благодаря показаниям и пояснениям (при производстве невербальных и комплексных следственных действий) данного лица стало возможным установить все обстоятельства данного деяния, его серийный и (или) групповой характер, выявить факты, ранее не известные органам расследования, что привело к положительному результату расследования в виде установления всех лиц, совершивших данное деяние и привлечения их к уголовной ответственности.

Как уже упоминалось, по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 322.2, 322.3 УК РФ (получивших в литературе условное наименование «преступления, связанные с организацией незаконной миграции» [10, с. 58—61; 11, с. 9—17]) законодатель предусматривает в качестве условия освобождения от уголовной ответственности непосредственное способствование (не требуя проявления качеств активного способствования) раскрытию этих деяний, при условии отсутствия в их действиях составов иных деяний. С практической стороны представляется, что требованиям способствования раскрытию преступления соответствует дача признательных и полных пока-

заний, позволяющих их использовать в дальнейшем процессе доказывания, а также готовность лица к оказанию помощи следствию путем продуктивного участия в иных следственных действиях (производимых как в добровольном режиме, так и носящих характер принуждения). Если лицо совершило такое деяние единолично, то, соответственно, оно может дать лишь самоизобличающие показания, что в данном случае также следует расценивать как разнovidность способствования раскрытию преступления.

Говоря об освобождении от уголовной ответственности, законодатель не уточняет механизм принятия и реализации такого процессуального решения. Представляется, что поскольку в данном случае речь идет о специфических основаниях, являющихся нереабилитирующими, то неверным будет реализация указанного основания об освобождении от уголовной ответственности в отношении подозреваемого (тем более — заподозренного) лица. В любом случае необходимо собрать достаточную совокупность доказательств, объективно указывающих не только на совершение деяния именно данным лицом, но и на его роль в установлении всех обстоятельств деяния, собственной виновности, преследуемых целей и мотивов, а также роли каждого соучастника (при наличии). На основании собранной совокупности доказательств необходимо предъявить лицу обвинение, осуществить допрос в качестве обвиняемого, а также полностью выполнить требования ст. 73 УПК РФ, всесторонне завершив расследование по делу.

Лишь по мере выполнения данных условий можно говорить о факте способствования обвиняемого раскрытию преступления и о возможности прекращения уголовного преследования (уголовного дела) по названному нереабилитирующему основанию в стадии предварительного расследования.

Резюмируя изложенное, считаем целесообразным отметить, что, невзирая на то, что действующий уголовно-процессуальный закон официально отказался от возложения на следователя задачи по раскрытию преступлений, тем не менее при принятии стороной защиты позиции, направленной на сотрудничество со следствием, фактически следователь приобретает качества координатора деятельности подозреваемого и обвиняемого, направленной на содействие раскрытию преступлений. Это ни в коем случае не указывает на подмену или смешивание процессуальных функций, а свидетельствует о разумной синергетической деятельности представителей двух противоположных сторон уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р. С. Белкин. — М.: Юрид. лит., 1988. — С. 228—260.
2. Николайчик Н. И. Доказывание как процессуальная форма раскрытия преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Николайчик. — М., 1983. — 34 с.
3. Варданян А. В., Унжакова С. В., Грибунов С. П. Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1

УК РФ / А. В. Варданян, С. В. Унжакова, С. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 155—160

4. Варданян А. В., Давидов С. Б. Актуальные направления повышения эффективности последующего этапа расследования коммерческого подкупа / А. В. Варданян, С. Б. Давыдов // Юрист-Правовед. — 2012. — № 6 (55). — С. 36—39.

5. Варданян А. В. Назначение уголовного судопроизводства: историко-гносеологический подход / А. В. Варданян // Юрист-Правовед. — 2018. — № 3 (86). — С. 136—140.

6. Варданян А. В. Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод для возбуждения уголовного дела в контексте проблемы соотношения уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства / А. В. Варданян // Современное уголовно-процессуальное право России — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. К 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции. — Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2017. — С. 73—79.

7. Варданян А. В., Антонов В. А., Белохребтов В. С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: моногр. / А. В. Варданян, В. А. Антонов, В. С. Белохребтов. — Иркутск, 2016. — 112 с.

8. Варданян А. В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-розыскные аспекты: моногр. / А. В. Варданян. — Ростов-на-Дону, 2016. — 230 с.

9. Варданян А. В. О креативных психолого-криминалистических технологиях раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики сборник трудов участников XIII Всероссийской научно-практической конференции / А. В. Варданян. — Ростов н/Д., 2016. — С. 3—8.

10. Варданян А. В., Ларионов И. А. Актуальные проблемы расследования организации незаконной миграции / А. В. Варданян, И. А. Ларионов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 1 (35). — С. 58—61.

11. Варданян А. В., Ларионов И. А. Научные основы формирования криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции / А. В. Варданян, И. А. Ларионов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — № 4—2. — С. 9—17.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10023

Александр Иванович Бобков,

профессор кафедры философии, психологии

и социально-гуманитарных дисциплин

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат философских наук, доцент;

Наталья Александровна Назырова,

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России

ТЕНДЕНЦИИ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С НИМ

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению изменений, отражающих потребность обеспечения экономической безопасности страны, произошедших в российском обществе и государстве к 2011 г. и послуживших криминализации общественно-опасного деяния в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. Для достижения поставленной цели авторами с различных аспектов проведен анализ советского и российского законодательства. Определены тактические особенности раскрытия и расследования указанного вида преступлений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, лжепредпринимательство, экономические преступления, незаконное образование юридического лица, подставные лица.

Alexander Ivanovich Bobkov,

Professor Department of Philosophy, Psychology

and Social and Humanitarian Disciplines

of the East Siberian Institute of the MIA of Russia,

Candidate of philosophy, Associate Professor;

Natal'ya Aleksandrovna Nazyrova,

Graduate Student of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

TRENDS THAT LEAD TO THE CRIMINALIZATION OF ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY AND PRIORITY AREAS FOR COMBATING IT

Abstract. This article is devoted to the study of changes that reflect the need to ensure the economic security of the country, which occurred in the Russian society and state by 2011 and served to criminalize a socially dangerous act in the area of illicit formation (creation, reorganization) of a legal entity. To achieve this goal, the authors analyzed the Soviet and Russian legislation from various aspects. Tactical features of detection and investigation of the specified type of crimes are defined.

Keyword: Business activity, false entrepreneurship, economic crimes, illegal formation of a legal entity, front persons.

12 декабря 1993 г. всенародным голосованием принята Конституция Российской Федерации, в которой в статье 34 закрепляется право каждого на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и свободное использование своих способностей и имущества для этих целей¹. Советское законодательство не употребляет термин «предпринимательская деятельность», хотя в Конституции СССР 1977 г. в статье 17 прописывается, что в отдельных сферах (кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения) в соответствии с законом допускаются индивидуальная трудовая деятельность, однако ее распространение настолько минимально, что статья 10 прямо называет в качестве основы экономической системы страны социалистическую собственность на средства производства². Если заглянуть в Советский энциклопедический словарь, то в нем также нельзя встретить разъяснений о том, что представляет собой предпринимательство. В указанный период времени предпринимательство ассоциируется с капитализмом, а значит, не может существовать в социалистическом государстве. Изложенное подтверждается определением, которое дано для «предпринимательского дохода», как «части прибыли, остающейся у функционирующего капиталиста (промышленного или торгового) после выплаты процентов за банковскую ссуду» [1, с. 1053]. Статья 16 Конституции РСФСР 1978 г. фактически повторяла формулировку Основного закона СССР об индивидуальной трудовой деятельности, но незадолго до распада СССР указанная статья была исключена со ссылкой на необходимость совершенствования конституционного законодательства РСФСР³. К этому времени принимается закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», в которой в части 1 статьи 1 появляется определение предпринимательской деятельности как инициативной деятельности, направленной на получение прибыли, осуществляемой гражданами и их объединениями самостоятельно. Кроме того, в части 2 статьи 2 закрепляется важная норма о запрете осуществления предпри-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 30.04.2020).

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г.) [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 30.04.2020).

³ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: закон РСФСР от 01.11.1991 № 1827-1 [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 30.04.2020).

нимательской деятельности без регистрации¹. Одновременно с исключением статьи 16 из Конституции РСФСР 1978 г. Съезд народных депутатов РСФСР в целях перехода к рыночной экономике выносит постановление от 1 ноября 1991 г. № 1831-I «О правовом обеспечении экономической реформы»². Таким образом, старая парадигма об экономической основе страны, основанной на государственной и коллективно-колхозной собственности, замещается новой парадигмой, в которой в основу также закладывается предпринимательство. «Политические революции начинаются с роста сознания (часто ограничиваемого некоторой частью политического сообщества), что существующие институты перестали адекватно реагировать на проблемы, поставленные средой, которую они же отчасти создали» [2, с. 129].

Проблемы, поставленные социально-экономическим строем, стало невозможно разрешать в рамках существовавшей экономической системы, которая перестала обладать способностью своевременно и полноценно удовлетворять потребности населения внутри страны и быть конкурентоспособной на мировом рынке. Историческая смена общественно-экономической формации не прошла спокойно для нашего государства, тем не менее за прошедшие почти три десятилетия с момента распада СССР предпринимательская деятельность стала неотъемлемой частью экономики страны.

В соответствии с частью 2 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом»³.

Предпринимательство способствует удовлетворению потребностей населения в условиях конкурентоспособности в товарах и услугах; созданию новых рабочих мест и повышению занятости населения, снимая социальную напряженность; развитию научно-технического прогресса; обеспечивает постоянство бюджетных поступлений; а также формирует слой собственников среднего класса, являющихся гарантом политической стабильности.

В Современном экономическом словаре «предпринимательство — это инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой

¹ О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1 (ред. от 30.11.1994) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

² О правовом обеспечении экономической реформы: постановление СНД РСФСР от 1 нояб. 1991 г. № 1831-I [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, физических и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг» [3].

Безусловно, предпринимательство связано с деятельностью на свой риск, но это не означает, что при такой значимости для государства оно не защищается им.

В соответствии со стратегическими задачами развития Российской Федерации обеспечение безопасности экономической деятельности и выход из теневой экономики являются одними из приоритетных¹.

В 2002 и 2003 гг. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ), помимо защиты указанной деятельности от преступлений против собственности, вводятся ст.ст. 169, 171, 172 и 173 УК РФ, предусматривающие ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, незаконное предпринимательство и незаконную банковскую деятельность, лжепредпринимательство². Все они направлены на поддержание нормального функционирования коммерции в широком смысле этого понятия, которая приносит весомый вклад в бюджет страны и развитие экономики в целом.

В дальнейшем, учитывая эволюционирование и динамику преступности, в вышеуказанные статьи УК РФ вносятся изменения, а статья «Лжепредпринимательство» в 2010 г. утрачивает силу вовсе, спустя полтора года как альтернатива на смену ей законодатель принимает ст. 173.1 УК РФ³. Обращаясь к трудам Т. Куна, уместно вспомнить, что «и в политическом, и в научном развитии осознание нарушения функции, которое может привести к кризису, составляет предпосылку революции» [2, с. 129—130].

Что представляли собой нормы ст. 173 УК РФ? Ответ: создание коммерческой организации без намерения осуществлять заявленную в учредительных документах предпринимательскую или банковскую деятельность, целью которых является получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности, в результате которой причиняется крупный ущерб гражданам, организациям и государству. Состав преступления относится к материальным, а значит, виновный привлекался к ответственности только в случае до-

¹ Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (утв. указом Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 08.12.2003 № 169-ФЗ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.12.2011 № 419-ФЗ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

казательства совершения им действий, направленных на причинение ущерба гражданам, организациям или государству, наступления вредных последствий и причинно-следственной связи между указанными действиями и наступившими последствиями. Расследование преступлений в сфере лжепредпринимательства сталкивалось со сложностями именно в доказывании названных обстоятельств. В 2009 г. по ст. 173 УК РФ осуждены 55 человек, в 2010 г. — 9¹. По данным Росстата, в 2009 г. размер теневой экономики составил 7,8 трлн руб. при доле от ВВП 19,9 %, в 2010 г. — 7,12 трлн руб. при доле от ВВП 16 %². Таким образом, несмотря на то, что в стране в указанный период отмечается рост фиктивных субъектов экономической деятельности, скрывающих от налоговой службы свою прибыль, извлекающих незаконные денежные доходы в особо крупных размерах, число осужденных лиц явно не соответствует показателям, которые могли бы оказать влияние на изменение сложившейся ситуации. Происхождение социального взаимодействия, послужившего основой для введения статьи 173.1 УК РФ, можно определить как дисфункциональное проникновение акторов из подсистемы интеграции (государственный аппарат) (основной актор подсистемы — чиновник) в подсистему адаптации (экономика) (основной актор подсистемы — предприниматель). При этом важной особенностью данного процесса выступает то, что подлинный исполнитель — роли предпринимателя в образе чиновника не отказывается от этой роли, но в качестве исполнителя нормы-роли предлагает подставное лицо. В связи с этим дисфункциональное действие социальной системой обнаруживается все той же подсистемой интеграции, но принудительное действие откладывается, в силу того, что система целеориентации, призванная для прекращения дисфункции путем нормативного регулирования социального взаимодействия подсистем, также наполнена теми же чиновниками, действующими зачастую в экономике теми же методами, что и их коллеги, и представители интегративной подсистемы. Поэтому команда блокируется уже на стадии законотворчества, ибо дисфункциональная схема экономики-раздатка устраивает внедрившихся в экономику и политику чиновников гораздо больше, чем модель разделения финансовых потоков с целью сохранения целостности и полноценного функционирования системы [4].

Причина столь мощного стремления к созданию фирм, зарегистрированных на подставное лицо, связаны с тем, что, с одной стороны, внутрисистемное преобразование социальной подсистемы с экономики-раздатка в экономику реального предпринимательства потребует включения иных лифтов социальной мобильности, таких как предпринимательская ответственность, честная конкуренция, что приведет к вытеснению симулятивных экономиче-

¹ Судебная статистика за 2009—2010 гг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

² Данные Росстата по теневой экономике за 2009—2010 гг. [Электронный ресурс]. — URL: [https:// www.rosinfostat.ru/](https://www.rosinfostat.ru/) (дата обращения: 30.04.2020).

ских акторов. С другой стороны, станет очевидной причина генезиса данной симулятивной дисфункции, связанная с инвестициями со стороны транснациональных корпораций в человеческий капитал сообщества симулирующих карьеристов, пришедших к власти в результате бюрократической партократической революции Горбачева — Ельцина. И наконец, в-третьих, данная статья затрагивает вопрос о наградном праве и механизмах социального признания.

Вместе с тем немаловажным аспектом работоспособности данной статьи выступает возможность говорить о том, что социальное государство состоит в России тогда, когда экономический капитал будет распределяться не с позиции только политического произвола, но и с учетом социальных закономерностей функционирования социальных систем.

Сравнивая ст.ст. 173 и 173.1 УК РФ, необходимо отметить, что новая статья относится к формальному составу, позволяя правоприменителям для привлечения лица к уголовной ответственности ограничиться фактом незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица без намерения осуществлять законную деятельность. В указанном случае доказательством является само образование юридического лица через подставных лиц вне зависимости от того, причинен либo нет ущерб в результате фиктивной деятельности данного лица, который в любом случае в случае осуществления фиктивной деятельности, конечно, наносится.

Криминализация данного общественно-опасного деяния как формального состава преступления по смыслу законодателя позволяет реализовывать конституционные принципы, устанавливающие равные права, свободы и обязанности для граждан Российской Федерации. Речь идет о поддержании на территории Российской Федерации здоровой добросовестной конкуренции и свободных рыночных отношений, равной обязанности для юридических лиц нести бремя налогообложения в зависимости от выбранной формы деятельности, полученных доходов и др.

Следственно-судебная практика по преступлениям в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица свидетельствует о том, что с момента введения в 2011 г. указанной статьи в УК РФ и до внесения в нее в 2015 г. принципиальных законодательных изменений, связанных с определением подставных лиц и расширением объективной стороны указанного преступления, она фактически не применялась. В настоящее время наметился рост расследованных и направленных в суд уголовных дел по данному виду преступления, однако развитая за эти годы преступность упрочила свои позиции, усложнив преступные схемы и маскировку. Борьба с теневой экономикой на данном этапе развития уголовного законодательства терпит поражение. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в действующей редакции ст. 173.1 УК РФ не справляется с возложенными на нее задачами и требует дополнительной корректировки по диспозиции, примечанию и санкции.

Требует корректировки и отношение правоприменителей к использованию накопленного обобщенного опыта науки криминалистики. Как справедливо отмечают А. В. Варданян и О. П. Грибунов, для структурированного процесса расследования наряду с практическими навыками требуются теоретические знания [5, с. 23].

В настоящее время статистические показатели расследованных и направленных в суд уголовных дел по преступлениям по ст.ст. 173.1 и 173.2 УК РФ наглядно свидетельствуют о том, что привлеченных к уголовной ответственности лиц за использование документов, удостоверяющих личность, либо персональных данных, послуживших основанием для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах в несколько раз больше, чем привлеченных к уголовной ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Так, количество уголовных дел, направленных в суд по ст. 173.1 УК РФ, составляет в 2017 г. — 499, в 2018 г. — 708. Количество уголовных дел, направленных в суд по ст. 173.2 УК РФ, составляет соответственно в 2017 г. — 1337, в 2018 г. — 2343¹. Изложенное позволяет согласиться с позицией Н. П. Яблокова о том, что эффективное раскрытие и расследование уголовных дел зависит от мыслительной деятельности участников уголовного судопроизводства при поиске и анализе ими собранной доказательственной информации, а также оценке следственных ситуаций с целью дальнейшего построения версий [6, с. 23].

Особенность криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица связана с таким его обязательным элементом, как криминалистически значимые особенности субъектов, используемых в качестве подставных лиц [7, с. 218]. Возвращаясь к экономическим причинам криминализации незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, требуется отметить, что появлению категории подставных лиц также во многом способствуют экономические причины. Давая криминалистический портрет указанных лицам, можно отметить следующее: молодой возраст, среднее образование, низкий уровень благосостояния вследствие различных причин, мотивация к совершению преступления — получение любого единовременного источника дохода [8, с. 129]. Понимание мотивации действий нельзя недооценивать, и оно должно быть положено в основу установления и поддержания психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом [9, с. 745], разъяснению сущности преступной деятельности в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица и ее негативных последствий. Несмотря на длительность существования приема установления психологического контакта, проблемы межличностного общения продолжают оставаться и в настоящее время, что подтверждается прове-

¹ Сведения ГИАЦ МВД России за 2017, 2018 гг.

денными исследованиями по коммуникативным навыкам следователей [10, с. 259].

Ключевая работа следователя и органа дознания должна быть сосредоточена на подставном лице, который в большинстве случаев обладает искомой информацией об организаторе незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, способствующей раскрытию преступления. Именно тактика допроса подставных лиц требует от следователей углубленной проработки. Тактически правильно подготовленный допрос должен основываться не только на установлении психологического контакта с подставным лицом и оказании в процессе него положительного воздействия для дачи им развернутых признательных показаний и сообщении сведений об организаторе незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, но и в первую очередь сборе доказательственной базы, которую требуется предъявить в рамках следственного действия. Одним из таких доказательств для выявления организатора незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица выступают средства сотовой связи, представляющие собой «источник криминалистически значимой информации <...>, как база данных разных сфер деятельности человека, а также орудие совершения преступления» [11, с. 138]. В зависимости от следственной ситуации в качестве доказательств могут предъявляться документы, связанные с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица; изъятые видеозаписи (например, у налогового органа либо банка, как места открытия счета юридического лица) и др. Кроме того, обязателен детализирующий допрос подставного лица по заранее подготовленным вопросам с учетом конкретных известных обстоятельств преступления.

Если провести аналогию между анализом следственных ошибок и мониторингом, как составляющих совершенствования имеющихся криминалистических методик [12, с. 36], то анализ нерезультативных допросов подставных лиц (например, на предмет незаданных вопросов) и мониторинг протоколов их допросов, в которых получены искомые сведения об организаторе незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, способствовавшие раскрытию преступления, является перспективными направлениями для выработки наиболее эффективной последовательности и определенного перечня задаваемых вопросов и предъявляемых доказательств.

Таким образом, необходимость криминализации в качестве общественно-опасного деяния незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица не вызывает сомнений в современных условиях жизни российского общества. Существующие проблемы борьбы с указанным видом преступления связаны как с законодательными пробелами, так и с формальным подходом к его расследованию, отсутствием представлений у правоприменителей об уже имеющихся разработанных методиках расследования в соответствии с обобщенным опытом следственно-судебной практики, а также ошибках, допущенных при расследовании, приведших к приостановлению уголовных дел в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению

в качестве обвиняемых. Вместе с тем динамика развития преступности требует использования следователем всего накопленного арсенала криминалистических знаний и своевременного реагирования на изменения в ней как ученых, так и практиков путем совершенствования частных методик расследования отдельных видов преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Советский энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Сов. энцикл., 1988. — 1599 с.
2. Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ./ Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: Изд-во АСТ, 2001. — 605 с.
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — 6-е изд., перераб. и доп. [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения: 30.04.2020).
4. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Академический проект, 2000. — 880 с.
5. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.
6. Яблоков Н. П. Криминалистическое мышление и его роль в повышении эффективности раскрытия и расследования преступлений [Электронный ресурс] — URL: <http://www.law/msu.ru/file/22808/download/22812/> (дата обращения: 30.04.2020).
7. Малянова К. П. Общие положения криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица / К. П. Малянова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 3 (86). — С. 214—219.
8. Назырова Н. А. Криминалистический портрет личности преступника по делам в сфере незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица из анализа судебной практики / Н. А. Назырова // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (3). — С. 122—130.
9. Варданян А. В., Казаков В. В. Криминалистический анализ субъектов преступлений, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской или иной деятельности, как фактор повышения результативности расследования / А. В. Варданян, В. В. Казаков // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — № 4. — Т. 9. — С. 745—754.
10. Шаевич А. А. Криминалистическая тактика, юридическая психология и практика производства допросов / А. А. Шаевич // Криминалистические чтения на Байкале — 2015: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2015. — С. 257—260.
11. Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 4 (83). — С. 137—142.
12. Земцова С. И. Криминалистические методики расследования преступлений: понятие, классификация и перспективные направления развития / С. И. Земцова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 1 (9). — С. 27—39.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10024

Олег Николаевич Богун,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД И РЕШЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ТАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В соответствии со сложившейся в криминалистике методологией ситуационный подход является одним из основополагающих методов решения задач предварительного расследования, он непосредственно связан с криминалистическим мышлением следователя и представляет собой основу для принятия им тактических решений в соответствии с тактическими задачами расследования. Разработка известных и обоснование новых позиций, обуславливающих как теоретическое, так и практическое значение данного подхода, является актуальной криминалистической задачей, в соответствии с которой можно совершенствовать известные и рассматривать новые криминалистические рекомендации для частных криминалистических методов расследования преступлений.

Ключевые слова: ситуационный подход, тактическая задача, следственная ситуация.

SITUATIONAL APPROACH AND ADDRESSING ORGANIZATIONAL ASPECTS OF PRELIMINARY INVESTIGATION BY THE INVESTIGATOR

Abstract. In accordance with established methodology in criminology, the situational approach is one of the fundamental methods for solving the problems of preliminary investigation, it is directly related to the forensic thinking of the investigator and it is the basis for making tactical decisions in accordance with the tactical tasks of the investigation. The development of known positions and foundation to further positions that determine both the theoretical and practical significance of this approach is an urgent forensic task, according to which it is possible to improve known recommendations and consider new forensic recommendations for private forensic methods of crime investigation.

Keywords: situational approach, a tactical problem, investigative situation.

Значение ситуационного подхода в расследовании преступлений определяется не только уяснением и оценкой следователем ситуации расследования, а еще уяснением и оценкой криминальной ситуации совершения преступления и ее связью с особенностями формирования ситуации расследования, т. к. последняя представляет собой базу, в соответствии с которой следо-

ватель использует все мыслительные действия для ее уяснения и разрешения в целях расследования преступления.

Мы рассматриваем ситуационный подход как один из элементов криминалистического мышления адаптивный не только к постановке и решению задач в различных ситуациях расследования и противодействия расследованию преступления, но и к другим видам правоприменительной деятельности, обусловленным принципом состязательности сторон.

Ситуационному подходу в системе криминалистической методологии принадлежит важная роль в «построении» эффективных ситуационно обусловленных алгоритмов по собиранию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации в расследовании преступлений.

Ситуационно обусловленный алгоритм расследования является эффективным методом преодоления сложных ситуаций расследования, в первую очередь по причине ситуационной природы самой криминалистики и всего процесса расследования преступлений, т. к. они обусловлены типичными вероятностными отношениями между объектами научно-практического исследования, что всегда связано с неполнотой и противоречивостью информации о них. Любое преступление можно рассматривать как отдельный объект научного криминалистического исследования и практического расследования. Его неповторимость обуславливает невозможность полной формализации сложной ситуации расследования, а это, в свою очередь, не позволяет разрабатывать «жесткие» алгоритмы разрешения указанных ситуаций. Вместе с тем отдельные преступления имеют много общего, и это позволяет в соответствии с ситуационным подходом разрабатывать групповые ситуационно обусловленные алгоритмы криминалистических рекомендаций для расследования преступлений.

В этой связи Л. Я. Драпкин отмечал, что «на базе особенного (группового) ситуационный подход дает возможность максимально „приблизить“ сложную конкретную ситуацию к типовой сложной следственной ситуации и максимально использовать уже разработанные криминалистикой типовые решения» [1, с. 29].

Фактически ситуационный подход в криминалистике можно считать одной из ведущих методологических концепций, связанной со всеми ее разделами и направлениями криминалистической практики, ее локальной ситуационной парадигмой, которая, как уже было отмечено, позволяет разрабатывать алгоритмы расследования преступлений, совершенных в сложных криминальных ситуациях.

В этой связи обращает на себя внимание методологическая функция ситуационного подхода в структуре криминалистической деятельности. Она представляется весьма актуальной для науки и практики, однако недостаточно разработанной в теории криминалистики.

Аксиоматичным является тезис о том, что криминалистические понятия как инструменты криминалистической деятельности актуализируются

исключительно в алгоритмах и методиках решения практических тактических задач. Вместе с тем эти алгоритмы и методики не могут учесть все особенности расследования конкретного преступления и соответствовать, например, нестандартному поведению преступника, экстремальной ситуации, нетипичным способам совершения преступления, особенностям способов противодействия расследованию и пр.

Однако, как свидетельствует практика, именно эти случаи являются проблемными для любого расследования. Они всегда связывают следователя, его деятельность, с проблемными ситуациями¹ и ситуациями тактического риска², а также с ошибками в процессе расследования. Для того чтобы этого не происходило, и следует совершенствовать методологию криминалистической деятельности в соответствии с ситуационным подходом.

Методологический смысл ситуационного подхода, как, впрочем, и любого другого криминалистического понятия, состоит в первую очередь в том, что этот подход является инструментом принятия решения в структуре криминалистической деятельности. Бесспорным аргументом здесь является тот факт, что понятие следственной ситуации³ актуализируется исключительно в моменты человеческой деятельности, когда ее дальнейшее развитие требует принятия решения с целью решения определенной задачи. Здесь уместно

¹ Под проблемными ситуациями мы понимаем «своеобразное представление между знанием и незнанием, специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, когда искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной, вероятностной связи с уже установленными факторами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения» (Драпкин Л. Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования: учеб. пособ. Свердловск, 1985. С. 5).

² Под ситуациями тактического риска мы понимаем «специфическое соотношение между возможными способами действия следователя, каждый из которых не гарантирует обязательного достижения намеченной цели, и вероятными исходами (результатами) их предстоящей реализации (Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 135).

³ См.: Драпкина Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987; Волчецкую Т. С. Криминалистическая ситуалогия. М., 1997; Баеву О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984; Кима Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций. Барнаул, 2008 и многих других отечественных криминалистов. Мы придерживаемся определения понятия «следственная ситуация», которым оперирует наука криминалистика, данного Баевым О. Я. И понимаем под ней «модель (модели) реальной обстановки, характеризующую основные особенности последней, наиболее существенные для определения тактики и методики различных этапов расследования как преступлений в целом, так и криминалистически определенных видов и разновидностей преступлений в частности» (Баева О. Я. Конфликтные ситуации на предварительном следствии. Воронеж, 1984. С. 7). Опираясь в работе понятием «ситуация расследования», мы условно отражаем им оценку конкретного преступления конкретным следователем в конкретной ситуации, что соответствует его интеллекту, психологической толерантности, опыту работы и другим личностным качествам. В этом смысле количество ситуаций расследования неисчерпаемо велико, и в каждой из них следователь должен распознавать ту следственную ситуацию, как категорию криминалистики, применительно к которой разработаны системы соответствующих рекомендаций.

привести высказывание В. Я. Колдина о том, что «ситуация — это критическая масса накопленной информации, не согласующаяся с программой, по которой осуществляется деятельность, требующая ее пересмотра (дополнения, корректировки, построения новой информационной модели)» [2, с. 29].

В подобных обстоятельствах следователь должен принять меры к пересмотру структуры своей деятельности по расследованию преступлений, на основе сопоставления ранее определенных тактических задач с имеющимися средствами и существующими объективными условиями, что соответствует действиям по рассмотрению новых следственных версий, планированию, в соответствии с ними, следственных действий и проведению других следственных мероприятий.

Таким образом, методологическая ценность ситуационного подхода заключается в его «инструментальных» возможностях анализа принятия тактических решений в соответствии с определенными тактическими задачами, в условиях, когда их решение требует изменения программы криминалистической деятельности следователя.

Следует всегда иметь в виду, что ситуация расследования, ее оценка следователем, является, хотя и важным, но только элементом в системе принятия решения: ситуация расследования — тактическая задача — принятие тактического решения для тактической задачи — программа (мягкий алгоритм) деятельности следователя.

В деятельности по расследованию конкретного преступления оценка ситуации расследования рассматривается в контексте принятия индивидуальных решений.

Теоретическая модель ситуационного подхода (анализа) может быть выражена следующим алгоритмом: от конкретной ситуации расследования к общей (теоретической) типовой модели (ситуации, версии, методике) и далее к конкретному расследованию (ситуации, версии, методике), что выражается в действиях по планированию расследования.

Если толковать приведенный алгоритм, то в нашем понимании это может соответствовать следующим рассуждениям.

Следователь, имея в наличии исходную информацию по конкретному преступлению, должен провести ее ситуационный анализ с тем, чтобы выделить из нее сумму информации для принятия соответствующего тактического решения. Обоснованность этого решения непосредственно связана с объемом выделенной исходной информации. В этой связи следователь должен отойти от традиционных сведений, которые связаны с особенностями квалификации расследуемого преступления и системы данных, определенных ст. 73 УПК РФ, т. е. сведений уголовно-правового характера и значения. Криминалистический анализ¹ требует от него исследования любой инфор-

¹ Под криминалистическим анализом преступления понимается один из методов опосредованного познания расследуемого преступления, в основе которого «лежит мысленное расчленение преступления на составляющие, раздельное исследование каждого выделенного элемента, а затем рассмотрение их в комплексе и взаимосвязи применительно

мации, имеющей значение для расследования преступления, прямо или косвенно связанной со всеми обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Эта информация наполняет содержанием типовые информационные модели и по этой причине является «реперной точкой» для определения их соответствия ситуациям расследования конкретного преступления.

Указанные информационные модели должны соответствовать криминалистическим требованиям (репрезентативность проведенной статистической выборки, корреляционные связи элементов модели и пр.), а если эти требования в достаточной мере не выполнены, то ситуационный анализ будет иметь серьезные погрешности и, следовательно, малую практическую эффективность.

На данном этапе ситуационный анализ в соответствии с неполной аналогией отражает процесс уголовно-правовой квалификации преступления. В обоих случаях проблема анализа состоит в попытке обнаружения признаков идеальной модели в структуре расследуемого преступления. Однако эти признаки следователь не всегда эффективно отражает, расследуя преступление, по причине того, что на первоначальном этапе расследования имеется еще очень большое количество случайных и уголовно нерелевантных данных.

Структура и содержание типовой модели, в отличие от уголовно-правовой характеристики деяния, формируется по иным признакам, которые порой индифферентны уголовно-правовой квалификации, например, следы, оставленные в транспортном средстве, могут эффективно способствовать установлению водителя, скрывшегося с места преступления и точной идентификации его личности.

Криминалистическая методика свидетельствует о том, что типовая частная криминалистическая методика расследования производна от типовой информационной модели, поэтому для следователя не вызывает особых трудностей ее выбор с целью использования в конкретном расследовании. Вместе с тем с учетом наличия в криминалистической методике всегда нескольких типовых информационных моделей, которые определенным образом связаны с типичной ситуацией расследования, для следователя является актуальным правильное решение задачи — из числа имеющихся выбрать ту типовую модель, которая наиболее приближена к конкретным обстоятельствам расследуемого преступления. Существует общая криминалистическая методика расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта и есть частные криминалистические методики расследования указанных преступлений, связанные с особенностями транспортного средства, ситуациями, которые определяют особенности розыска водителя, скрывшегося с места преступления, розыска транспортного средства, на ко-

к структуре содеянного и механизму слеодообразования» (Образцов В. А. Выявление и изображение преступника. М.: Юристъ, 1997. С. 81).

тором было совершено преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта и т. п.

Всегда «абсолютно» приближена к задачам расследования в определенных следователем ситуациях расследования частная криминалистическая методика, предоставляющая в его распоряжение наибольший объем информации и ситуационно-определенные методико-криминалистические рекомендации по расследованию.

Данные анализа судебно-следственной практики свидетельствуют о том, что у следователя в процессе расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта особые сложности возникают в процессе расследования преступлений, совершенных нетипичными способами, т. е., когда отсутствуют наработанные типовые информационные модели, а следовательно, и типовые методики расследования.

В подобных ситуациях следует активно использовать методы эвристического ситуационного анализа, однако в настоящем исследовании об этом мы намерены высказаться ниже.

В криминалистической методике частные криминалистические методики выстроены также по ситуационному принципу, и задача ситуационного анализа как раз и состоит в том, чтобы точно установить, с какой из стадий (стадии, этапы расследования) связан информационный массив конкретной ситуации расследования и определить тактические задачи ее разрешения.

Мы уже отмечали тот факт, что в криминалистике понятия как инструменты криминалистической деятельности актуализируются исключительно в алгоритмах и методиках решения практических тактических задач. Поэтому важным представляется определение понятия ситуационного подхода (анализа).

Криминалисты обращались к этому вопросу и ранее.

Так, например, Т. С. Волчецкая определила это понятие на основе выделения его структурных элементов в качестве метода научного исследования, отметив, что ситуационный подход позволяет оптимальным образом решить некоторые проблемные ситуации криминалистики [3, с. 196].

В своих исследованиях О. Я. Баев ситуационный подход «приравнивал» к «ситуациям расследования как категории науки криминалистики» [4, с. 34].

Авторы статьи о ситуационном подходе в современной криминалистике определили это понятие в качестве «методологической концепции, структура которой на основе интегрированных положений теории вероятностей, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, криминалистической диагностики и других форм синтезированного знания, обеспечивает разрешение стоящих перед криминалистикой теоретических и прикладных проблем, для целей эффективного правоприменения» [5, с. 21].

В качестве метода для практического освоения действительности, путем реализации определенной совокупности приемов и операций, видят ситуационный подход А. Ю. Головин и М. А. Баранов [6, с. 35].

Можно и далее приводить известные определения отечественных криминалистов, связанные с понятием ситуационного подхода (анализа). Однако на основе приведенных выше и других известных нам определений мы предпримем попытку сформулировать авторское понятие ситуационного подхода (анализа), исключительно прикладного назначения.

Мы в полной мере согласны с авторами, которые видят в ситуационном подходе (анализе) метод, который в полной мере может быть интегрирован в криминалистическую методологию. Но это, по своей сущности, не криминалистический метод, а метод, заимствованный криминалистикой исключительно из теории управления различными системами. Кроме того, он непосредственно связан с понятием «следственная ситуация», исконно криминалистическим понятием, традиционное представление о котором в отечественной криминалистике обусловлено связью с объективными и субъективными факторами, его формирующими, и тем, что следственная ситуация представляет собой динамическую систему элементов с такой же подвижной структурой связей. В соответствии с тем, что ситуационный подход (анализ) ассоциирован с понятием «метод», то, само собой разумеется, его использование в расследовании преступлений должно приносить этому расследованию определенный результат на основе использования криминалистического «инструментария». В соответствии с этой аргументацией на основе всестороннего изучения данного вопроса можно предложить свое определение системного подхода (анализа).

Определяя это понятие, можно сказать, что это адаптированный криминалистикой метод теории управления (науки о принципах и методах управления различными системами, ситуациями, процессами и объектам), который, в соответствии с данными объективных и субъективных факторов динамики ситуации расследования, позволяет следователю получить криминалистически значимую информацию о текущей ситуации расследования для последующего управления расследованием посредством постановки тактических задач, выдвижения следственных версий и их проверке криминалистическими средствами.

По существу, это понятие отражает процесс системного осмысления следователем всего многообразия криминальных ситуаций и ситуаций расследования и позволяет использовать в соответствии с этим осмыслением научно обоснованные криминалистические рекомендации, связанные с использованием организационных технических, тактических и методических средств и методов расследования. В свою очередь, данный процесс напрямую обеспечивает совершенствование реализации расследования преступлений на основе его информационного обеспечения (познание ситуаций расследования с целью правильного определения характера преступления и «подбору» обоснованных средств и методов для их разрешения и пр.)

и прогностического обеспечения (выдвижение следственных версий, построение эффективной системы следственных мероприятий и пр.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Драпкин Л. Я.* Ситуационный подход — локальная парадигма современной криминалистики / Л. Я. Драпкин // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 10-летию науч. школы криминалистической ситуалогии / Под ред. Т. С. Волчецкой. — Калининград: БФУ им. И. Канта, 2012. — С. 35—43.
2. *Колдин В. Я.* К вопросу о методологической функции ситуационного подхода. Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности / В. Я. Колдин // Там же. — С. 43—50.
3. *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия / Т. С. Волчецкая. — М., 1997. — 196 с.
4. *Баев О. Я.* Прагматические основы криминалистической методики. Избранные работы: в 2 т. / О.Я. Баев. — Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2011. — 34 с.
5. *Комаров И. М., Ян Е. И., Пономаренко Н. Ю.* Несколько тезисов о ситуационном подходе в современной криминалистике / И. М. Комаров, Е. И. Ян, Н. Ю. Пономаренко // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 15-летию науч. школы криминалистической ситуалогии БФУ имени И. Канта. — Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. — С. 21.
6. *Головин А. Ю., Баранов М. В.* Ситуационный анализ (подход) как познавательный метод в криминалистике и деятельности по расследованию преступлений / А. Ю. Головин, М. В. Баранов // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посв. 10-летию науч. школы криминалистической ситуалогии / Под ред. Т. С. Волчецкой. — Калининград: БФУ имени И. Канта, 2012. — С. 35.

УДК 343.985(470)

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10025

Вадим Фанилевич Габзалилов,

заместитель начальника кафедры
оперативно-разыскной деятельности ОВД
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук;

Евгений Викторович Кузнецов,

заместитель начальника кафедры
оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

Виктор Николаевич Омелин,

главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор

О ПОНЯТИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВИЛ КОНСПИРАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и научной литературы рассматривается актуальность правовой регламентации принципа конспирации, а также его понятие в теории оперативно-розыскной деятельности. Затронуто значение данного принципа для деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в решении задач по обеспечению возможности предотвращения и раскрытия наиболее опасных преступлений, совершаемых тайно, замаскированными способами, в особенности подготавливаемых и совершаемых участниками организованных групп и преступных сообществ, а также незаконными вооруженными формированиями. Особое внимание уделяется классификации правил конспирации в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, принцип конспирации, правила конспирации, конфиденциальность.

Vadim Fanilevich Gabzalilov,

Deputy Head of the Department
of Investigative activities of the Internal Affairs Bodies
of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Law;

Evgeniy Victorovich Kuznetsov,

Deputy Head of the Department
of Investigative activities and special technology
of the Internal Affairs Bodies

of the East Siberian Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor;
Victor Nikolaevich Omelin,
Chief researcher of the Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor

ABOUT THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF THE RULES OF CONSPIRACY IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Abstract. The authors deal with the analysis of the Police Operations Act and scientific literature. The article discusses the relevance of legal regulation of the principle of conspiracy, as well as its concept in the theory of operative-search activity. The importance of this principle for activities of the internal affairs bodies engaged in operational-search activities in solving problems of ensuring the possibility of preventing and solving the most dangerous crimes committed in secret, in disguised ways, especially those prepared and committed by participants in organized groups and criminal communities, as well as illegal armed groups, is touched. Particular attention is paid to the classification of the rules of conspiracy in the operational-search activities.

Keywords: operational-search activities, operational-search measures, the principle of conspiracy, the rules of conspiracy, confidants.

Важнейшим специальным принципом оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), отражающим ее специфический разведывательный характер, является принцип конспирации, закрепленный в ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД).

В теории ОРД данному принципу уделяют пристальное внимание многие исследователи, т. к. без соблюдения конспирации сотрудники оперативных подразделений не смогли бы успешно решать многие задачи по противодействию преступности [1].

Большинство ученых признают, что принцип конспирации в ОРД заключается в использовании правил и приемов, позволяющих сохранять в тайне от посторонних лиц сведения об организации, тактике, формах и методах, силах и средствах ОРД, а также действия правоохранительных органов по разоблачению преступников [2, с. 31]. При этом ОРД осуществляется в тайне не только от объектов оперативной заинтересованности, причастных к совершению преступлений, но и от окружающих, в том числе с использованием конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям.

Объективная необходимость конспирации в ОРД обусловливается качественным изменением преступных проявлений в современных условиях:

организованный характер преступлений; вооруженность и техническая оснащенность участников организованных преступных групп и сообществ; усиление противодействия правоохранительным органам лицами, совершающими преступления [3].

Названные качественные характеристики современной преступности обуславливают необходимость принятия правоохранительными органами адекватных мер, позволяющих своевременно проникать в замыслы преступников и получать значимую оперативную информацию об их противоправной деятельности. Соблюдение конспирации в ОРД обеспечивает возможность предотвращения и раскрытия наиболее опасных преступлений, совершаемых тайно, замаскированными способами, в особенности подготавливаемых и совершаемых участниками организованных групп и преступных сообществ, а также незаконными вооруженными формированиями. Конспиративность действий оперативно-розыскных органов позволяет не допустить необоснованной или преждевременной компрометации объектов оперативной заинтересованности, когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся с целью проверки полученной информации. Соблюдение конспирации в процессе ОРД является обязательным условием конфиденциального содействия граждан оперативно-розыскным органам, обеспечивающим не только их эффективность, при выполнении специальных заданий, но и личную безопасность. При этом рассматриваемый принцип является гарантией реализации установленных законодателем прав конфиденентов (ст. ст. 17 и 18 ФЗ об ОРД).

Следует обратить внимание, что элементы сохранения тайны в определенной мере присущи и предварительному расследованию. Например, согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в целях обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля допускается не приводить данные об их личности. Однако, если допустимость неразглашения упомянутых данных — это одна из процессуальных мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса, то для ОРД конспирация — важнейший отраслевой принцип, отличающий ОРД от уголовно-процессуальной деятельности.

Принцип конспирации раскрывается в ряде норм ФЗ об ОРД и других нормативных правовых актах. Согласно ст. 12 ФЗ об ОРД, ст. 5 закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (в ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне», государственную тайну в области ОРД составляют сведения:

— о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах деятельности по обеспечению безопасности защищаемых лиц, данные о финансировании этой деятельности;

— о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам, а также о лицах, внедренных в организованные преступные группы;

— о штатных негласных сотрудниках оперативно-розыскных органов.

Конспиративность при решении задач ОРД должна соблюдаться судебными органами (ч. 8 ст. 9 ФЗ об ОРД), которые обязаны создавать условия, обеспечивающие защиту сведений, которые содержатся в оперативно-служебных документах, касающихся оснований для проведения правоограничительных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ).

Уполномоченные прокуроры в порядке прокурорского надзора за ОРД также должны обеспечивать защиту сведений, содержащихся в представленных им документах и материалах (ч. 4 ст. 21 ФЗ об ОРД).

В ФЗ об ОРД словосочетание «правила конспирации» используется законодателем в п. 5 ст. 14, устанавливающим обязанности оперативно-розыскных органов. Детальнее правила конспирации в ОРД содержатся в закрытых межведомственных и ведомственных нормативных правовых актах оперативно-розыскных органов (МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФСИН России, СВР России, ФТС России), регламентирующих организацию и тактику ОРД).

Несмотря на использование термина «конспирация» в законодательных и подзаконных нормативных правовых актах, ни в одном из них не раскрыто это понятие. По нашему мнению, его можно сформулировать следующим образом: правила конспирации — это выработанные оперативно-розыскной практикой правила, соблюдение которых оперативным подразделения органов, уполномоченных на осуществление ОРД, может обеспечить сохранение в тайне от посторонних лиц содержание проводимых ими оперативно-розыскных мероприятий и иных оперативных действий.

В юридической литературе, посвященной конспирации в ОРД, не раз обращалось внимание на необходимость классификации правил конспирации. Последнее является важным условием для научных разработок теоретических и прикладных аспектов соблюдения конспирации в ОРД. В оперативно-розыскной теории учеными приводятся различные классификации правил конспирации [4, с. 33—39], многие из которых неоспорны, в связи с чем изложим собственную позицию относительно классификации правил конспирации.

Основными содержательными элементами ОРД являются организация и тактика эффективного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью [5, с. 15—17; 6; 7, с. 20—25]. Взяв за основу это положение, полагаем, что правила конспирации в ОРД можно разделить на следующие классификационные группы:

1) правила конспирации, относящиеся к организации ОРД, включающие:

— допуск к ОРД в специально установленном для этого порядке и в установленных пределах сотрудников оперативных подразделений;

- оформление подготовки и результатов проведения ОРМ оперативно-служебными документами, имеющими специальный гриф секретности;
- установление специального порядка получения, оформления, хранения и использования оперативно-розыскной информации;
- систематизация материалов, полученных в процессе ОРД, в специальных банках данных, делах оперативного учета, картотеках, иных носителях оперативно значимой информации, ведение их по правилам секретного делопроизводства;
- установление порядка функционирования информационных, статистических, финансовых и иных подразделений, обеспечивающих ОРД оперативных подразделений и исключающих утечку информации;
- установление порядка привлечения к проведению ОРМ сотрудников неоперативных служб правоохранительных органов, а также отдельных лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе оперативным подразделениям при решении задач ОРД;
- ограничение на представление сведений объектам оперативной заинтересованности о полученной о них информации;
- установление порядка предоставления судье оперативно-служебных документов, содержащих информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано реабилитированному лицу, в пределах соблюдения требований конспирации (ч. 4 ст. 5 ФЗ об ОРД);
- установление порядка рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну в области ОРД (ч. 1 ст. 12 ФЗ об ОРД);
- установление порядка predания гласности сведений о субъектах оперативного внедрения в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, а также о конфидентах (ч. 2 ст. 12 ФЗ об ОРД);
- вменение в обязанность оперативно-розыскных органов соблюдать правила конспирации при проведении ОРМ (п. 5 ст. 14 ФЗ об ОРД);
- право на создание фиктивных предприятий и организаций (п. 5 ст. 15 ФЗ об ОРД);
- установление порядка предоставления уполномоченным прокурорам сведений о субъектах оперативного внедрения в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, а также о конфидентах (ч. 3 ст. 21 ФЗ об ОРД);
- автономное планирование ОРД территориальными органами, уполномоченными на осуществление ОРД, включая планирование ОРМ по делам оперативного учета, ограничение доступа сотрудников иных служб к этим документам;
- обмен оперативно-розыскной информацией между заинтересованными оперативными подразделениями правоохранительных органов в порядке, установленном секретным делопроизводством;

- осуществление ведомственного контроля за ОРД, законностью организации и проведении ОРМ исключительно на основе положений оперативно-розыскного законодательства и ведомственных нормативных правовых актов оперативно-розыскных органов;

- иные организационные меры, обеспечивающие конспирацию в ОРД;

2) правила конспирации, относящиеся к тактике ОРД, включающие:

- зашифровку гласно проводимых ОРМ;

- тщательную маскировку применяемых при проведении ОРМ технических средств;

- использование в целях конспирации документов, зашифровывающих личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих ОРД, а также личность граждан, сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе (п. 4 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД);

- сохранение в тайне ОРМ, проводимых с участием граждан, содействующих оперативно-розыскным органам на конфиденциальной основе, а также оперативных контактов с этими гражданами;

- дезинформирование объектов ОРД о проводимых в их отношении ОРМ [8];

- предохранение оперативных сотрудников и лиц, оказывающих им содействие при проведении ОРМ, от неправомерного привлечения к уголовной ответственности [8; 9 с. 46—50];

- иные мероприятия тактического характера, обеспечивающие конспирацию в ОРД;

3) частные правила конспирации, являющиеся творчеством и инициативой оперативных сотрудников правоохранительных органов [4; с. 38—39].

При применении частных правил конспирации учитывается комплекс разносторонней информации: индивидуальные особенности объектов ОРД, попадающих в поле зрения оперативных подразделений; уровень профессиональных знаний, навыков оперативных сотрудников и лиц, содействующих оперативным подразделениям на конфиденциальной основе; противодействие ОРД со стороны объектов ОРД и др.

К частным правилам конспирации можно отнести: условные сигналы; особые акты поведения (например, зашифровка (маскировка) поведения и действий конфиденентов в преступной среде); использование определенных знаков, специфическое расположение предметов при возникновении конкретной ситуации; ограничения посещения конфидентами каких-либо объектов или общественных мест и др. С учетом изложенных выше положений можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассмотренные правила конспирации не носят исчерпывающий характер и могут быть дополнены иными установлениями и приемами,

соблюдая которые, оперативные подразделения обеспечивают сохранение в тайне от посторонних лиц содержание проводимых ими оперативно-розыскных мероприятий и иных законных оперативных действий.

Во-вторых, предложенная классификация правил конспирации в ОРД носит открытый характер, поскольку всегда может быть дополнена новыми группами, более дробные дифференциациями указанных правил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ахрамович А. П.* Конспирация в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / А. П. Ахрамович. — М., 1997. — 26 с.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 690 с.
3. *Меркурьев В. В.* Организованное сопротивление борьбе с преступностью: моногр. / В. В. Меркурьев. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 486 с.
4. *Павличенко Н. В.* Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт / Н. В. Павличенко. — М.: Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. — 47 с.
5. *Нагиленко Б. Я., Нагиленко А. Б.* Теоретическая основа организации оперативно-розыскной деятельности / Б. Я. Нагиленко, А. Б. Нагиленко // Оперативник (сыщик). — 2006. — № 2 (7). — С. 15—17.
6. Понятие оперативно-розыскной деятельности: содержание, организация и правовое регулирование: курс лек. / под ред. Б. Я. Нагиленко. — Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. — 176 с.
7. *Лобзов К. М.* К вопросу о содержании понятия «оперативно-розыскная тактика» в теории и практике оперативно-розыскной деятельности (опыт теоретико-методологического анализа) / К. М. Лобзов // Оперативник (сыщик). — 2016. — № 4 (49). — С. 20—25.
8. *Шкабин Г. С.* Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. С. Шкабин. — М., 2004. — 23 с.
9. *Ширванов А. А.* Правовая защита сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лиц, оказывающих им содействие / А. А. Ширванов // Научный портал МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 46—50.

УДК 351.745.7

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10026

Анастасия Валерьевна Гамзина,

инспектор по делам несовершеннолетних ОУУП и ДН

отдела полиции № 7 МУ МВД России «Красноярское»

**К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗДЕЛЕНИИ
ИНСПЕКЦИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
КАК ОДНОМ ИЗ ФАКТОРОВ, УХУДШАЮЩИХ
ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация. Настоящая статья призвана обосновать необходимость устранения территориального разделения (по месту дислокации) оперативных подразделений полиции с инспекциями по делам несовершеннолетних, как одного из факторов, ухудшающих эффективность их взаимодействия при проведении оперативно-розыскных действий в отношении несовершеннолетних. В статье приводится исторический анализ возникновения этого разделения. Предлагаются конкретные шаги, направленные на улучшение их совместной работы при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, выраженные в изменении нормативно-правовой базы и территориальном совмещении инспекций с отделами внутренних дел.

Ключевые слова: правонарушения несовершеннолетних, детская милиция, территориальное разделение, оперативно-розыскная деятельность, повышение эффективности взаимодействия.

Anastasia Valerievna Gamzina,

Inspector for Juvenile of the Divisional Inspectors Department and Juvenile Inspections of the police Department №. 7 of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Krasnoyarskoe"

**ON THE ISSUE OF THE TERRITORIAL DIVISION OF JUVENILE
INSPECTIONS AND CRIMINAL INVESTIGATION UNITS AS ONE
OF THE FACTORS THAT WORSEN THEIR INTERACTION DURING
THE OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES FOR JUVENILES**

Abstract. This article shows the need to eliminate the territorial division (by location) of operational police units with inspections for minors, as one of the factors that worsen the effectiveness of their interaction during the operational search activities for juveniles. The article provides a historical analysis of the origin of this

division. Specific steps are proposed to improve their collaboration during operational search activities for minors, expressed in changing the legal framework and territorial combination of inspections with internal Affairs departments.

Keywords: juvenile delinquency, children's police, territorial division, operational search activity, improving the effectiveness of interaction.

Общее количество правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в Российской Федерации, за последние годы получило стойкую тенденцию к уменьшению, тем не менее, продолжая оставаться весьма высоким.

Так, согласно официальным данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в период с января по июль 2019 г. было выявлено 22424 преступления, совершенных несовершеннолетними или при их участии, что составляет 3,5 % от общего числа расследованных преступлений. Число лиц, совершивших противоправные деяния, в этой категории составляет 21 064 человек¹.

В связи с вышеизложенным необходимо продолжать предпринимать дальнейшие меры, направленные на борьбу с преступностью в среде несовершеннолетних.

Эффективное взаимодействие подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН) с отделами уголовного розыска (далее — ОУР) является одним из ключевых факторов этой борьбы. Особенно важна такая скоординированная совместная деятельность указанных подразделений при проведении оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) применительно к несовершеннолетним.

ПДН непосредственно работает с лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, обеспечивая раскрытие преступлений и выявление правонарушений в их среде, а также проводит мероприятия, направленные на профилактику антиобщественного поведения подростков.

В свою очередь, противодействие преступлениям общеуголовной направленности отнесено в полиции к полномочиям уголовного розыска [1, с. 15].

ОУР, находясь на острие противостояния преступности, имеют в своём распоряжении специфические силы, средства, методы, без которых немыслима ОРД в отношении несовершеннолетних правонарушителей [2, с. 27].

Понимая и учитывая это обстоятельство, повышение эффективности данного взаимодействия представляется нам весьма актуальным. И одним из аспектов данной проблемы, который может оказать заметное негативное

¹ Состояние преступности в России за январь — июль 2019 года: // Статистический сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — С. 43—44.

влияние на ситуацию в целом, на наш взгляд, является раздельность дислокации ПДН и ОУР (не находятся в одном здании отдела полиции).

Для большего понимания сущности описываемой проблемы, а также для улучшения взаимодействия оперативных служб полиции с ПДН при ведении ОРД применительно к несовершеннолетним, необходимо обратиться к истории вопроса.

На протяжении всего времени в России преступлениям несовершеннолетних уделялось большое внимание. Вместе с тем необходимо констатировать тот факт, что оно не носило адресный характер.

В Российской империи отсутствовали специализированные подразделения, которым бы было вменено в обязанности заниматься именно правонарушениями несовершеннолетних. Также необходимо отметить и то обстоятельство, что в стране отсутствовала и соответствующая (рассчитанная на несовершеннолетних нарушителей закона) уголовно-исправительная система. Малолетние преступники (если они были осуждены к лишению свободы) отбывали срок заключения вместе с взрослыми осуждёнными.

Непосредственно раскрытием преступлений, совершенных малолетними преступниками, и их задержанием занималась обычная «взрослая» полиция. В данном случае взаимодействие было внутренним, т. е. осуществляемым службами, входящими в структуру органа внутренних дел [3, с. 47].

Оно предусматривало тесное сотрудничество сыскной части (сыскной полиции), обладающей обширной агентурной сетью, позволявшей получать достоверную и разнообразную оперативную информацию, с городскими, имевшими наиболее полные сведения относительно криминогенной обстановки на закрепленных за ними участках.

Данная система была очень эффективна, поскольку осуществлялась единым карательным (в данном случае слово «карательным» не несёт в себе негативного оттенка) органом без дифференциации по возрастному принципу. Такой подход не вёл к распылению сил и средств. Сыскная полиция, обладая всем богатым арсеналом для ведения ОРД и опираясь на тесное сотрудничество с городскими, имела исчерпывающую информацию о преступниках всех возрастов. Это, в свою очередь, позволяло оперативно реагировать на возникающие криминогенные угрозы и давало возможность не только «по горячим следам» раскрывать преступления, но и эффективно проводить профилактические мероприятия, в том числе и в отношении несовершеннолетних правонарушителей как составной части единого (в представлении правоохранителей того исторического периода) преступного мира.

Об эффективности этой системы вообще и сыскной полиции России конца XIX — начала XX в. в частности говорит и тот факт, что в 1913 г. на международном съезде криминалистов в Швейцарии московская сыскная полиция под руководством выдающегося сыщика Аркадия Францевича Кош-

ко заняла первое место и была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений [4, с. 83].

Данный подход имел и другую сторону. Интересы малолетних правонарушителей (которые, тем не менее, являлись детьми) персонально не учитывались. Несовершеннолетние рассматривались фактически наравне с взрослыми преступниками.

Однако преступность несовершеннолетних имеет специфичный характер, связанный с особенностями субъектов преступления — лиц, не достигших возраста 18-ти лет [5, с. 78]. Значит, и подход к ним, совершенно очевидно, должен быть специальным. По крайней мере, в наше время такое видение вопроса ни у кого не вызывает сомнений.

Существовавшие методы претерпели значительные деформации (в сторону уменьшения своей эффективности), начиная с вступления в 1914 г. Российской империи в Первую мировую войну и заканчивая Февральской революцией 1917 г. Стоит отметить, что последнее событие практически полностью уничтожило имеющуюся в стране на тот период систему борьбы с правонарушениями несовершеннолетних.

В том же 1917 г. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому этапу борьбы с преступлениями несовершеннолетних.

Одним из первых практических шагов молодой Советской власти было создание специальной детской милиции. Она была организована постановлением Наркомата образования 5 марта 1920 г. В этом же документе (помимо других мер) была обозначена необходимость скорейшего создания детских приемников потому, что помещение детей в общие участки милиции, как это было до этого времени, оказывало только крайне вредное воздействие на ребёнка [6, с. 230].

В 1921 г. уже при каждой губернии стали создаваться детские приёмники-распределители. В годы советской власти основную функцию содержания и обучения детей-сирот взяла на себя система интернатов (учреждений интернатного типа) [7, с. 58].

В подобных действиях прослеживается общая гуманистическая идея Советского государства, направленная в первую очередь на заботу о детях, оставшихся без родителей — беспризорниках. И как один из аспектов проявления этой заботы — ограждение несовершеннолетних от какого-либо контакта (даже кратковременного) с взрослыми преступниками, которые почти всегда, в силу специфики правоохранительных органов, в том, или ином количестве присутствовали в отделениях милиции.

Данная линия государства, направленная на ограждение несовершеннолетних от контакта с взрослыми правонарушителями, получила свое продолжение. Так, в изданной 28 мая 1935 г. Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) СССР инструкции было прямо определено, что комнаты

приводе для безнадзорных и беспризорных детей должны быть организованы отдельно от отделов (отделений) милиции, по возможности, в непосредственной близости от них.

В тексте этой инструкции мы можем ясно наблюдать одно интересное обстоятельство: осознание руководством НКВД того факта, что территориальное отделение детских приемников от отделов милиции создаёт целый ряд проблем во взаимодействии. Получается определенный парадокс: и совместить негуманно, но и держать вдалеке от отделов тоже плохо (а в определённых ситуациях и небезопасно для сотрудников приемников).

В данном случае руководство НКВД пошло на осознанный компромисс, рекомендуя в инструкции размещать приемники близко к отделениям милиции.

Подобные полумеры будут чётко прослеживаться на протяжении всего дальнейшего развития системы борьбы с детской преступностью, как в советской, так и в российской истории.

Даже когда инспекции ПДН организационно входили в состав уголовного розыска и, соответственно, взаимодействие данных структур при проведении ОРМ в отношении несовершеннолетних, было как никогда эффективно (ведь по сути, это была одна структура), даже тогда инспекции были отделены от основных отделов.

Вместе с тем необходимо понимать, что любое территориальное разделение ухудшает взаимодействие указанных подразделений при проведении ОРД. Это мы можем наблюдать на современном этапе функционирования ПДН. Фактически ПДН отделена от участков полиции не только территориально, но и по подчиненности.

Наиболее эффективно детские комнаты милиции (с 1977 г. инспекции по делам несовершеннолетних) функционировали в составе уголовного розыска (с 1961 г.) до передачи их (в 1993 г.) в милицию общественной безопасности (о чем уже говорилось выше). Впрочем, вопрос подчинённости ПДН выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

В настоящий момент организация размещения инспекций ПДН осуществляется в соответствии с п. 9. Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 (далее — Инструкция), в котором говорится: «Не допускается размещение сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России на районном уровне в служебном помещении, расположенном непосредственно в названных органах, совместно с сотрудниками других служб и подразделений».

Территориальное нахождение инспекций за пределами отделов вызывает значительные трудности у инспекторов ПДН. Находясь на отдалении, они ограничены в возможности эффективно взаимодействовать с другими

подразделениями полиции. Даже обычный вызов служебной машины превращается в проблему.

А. А. Беженцев по этому поводу пишет так: «Служебная машина дежурной части территориального органа внутренних дел в мегаполисах практически всегда занята на выездах по рассмотрению заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях, в сельской местности дальние расстояния не позволяют ей доехать до служебного помещения инспектора по делам несовершеннолетних» [8, с. 11].

Перечисленные обстоятельства сильно сказываются на возможностях оперативных подразделений полиции эффективно использовать ПДН во время проведения ОРМ при совершении несовершеннолетним преступления или (в особенности) пропаже ребенка, в условиях дефицита времени, когда каждая минута бывает на счету.

Одно из последствий этого разделения — некоторая вынужденная изолированность от деятельности ведущих подразделений службы ПДН как таковой. Особенно эта отстранённость сказывается на сотрудничестве с ОУР, которая ведет к снижению профилактической работы с несовершеннолетними.

Данная проблема, очевидно, не может быть решена в одночасье. И здесь основное препятствие кроется в больших экономических затратах. Но решать её можно постепенно, не форсируя событий.

Исходя из вышеизложенного, одновременно осознавая бесспорную правоту в необходимости отделить несовершеннолетних при нахождении в инспекции ПДН от какого-либо контакта с взрослыми правонарушителями, нам, тем не менее, видится обоснованным устранение существующего отрыва места дислокации помещения инспекции ПДН от основного отделения полиции (в особенности от ОУР).

В связи с этим с целью поэтапного решения существующей проблемы, а также для повышения эффективности использования оперативными подразделениями полиции возможностей ПДН при проведении ОРД в отношении несовершеннолетних, мы предлагаем следующие рекомендации:

1) дополнить п. 9 Инструкции, следующей диспозицией: «Во вводимых в эксплуатацию новых зданиях территориальных органов внутренних дел, помещения ПДН должны находиться на первом этаже, в отдельном крыле и иметь отдельный вход. Помещения должны отвечать требованиям пожарной безопасности, санитарно-гигиеническим нормам, быть оснащены пожарной и охранной сигнализацией»;

2) сама инспекция, находясь в отдельном крыле здания, должна иметь внутренний двор, отделенный сплошным забором от двора территориального органа внутренних дел; при наличии современных материалов (например, шумозащитные заборы — экраны), устройство такого ограждения не будет портить общий эстетических вид;

3) инспекция должна быть соединена с основным зданием аварийным выходом, проход через который должен использоваться в исключительных случаях: при пожаре либо по сигналу для вызова помощи из отдела в случае нападения несовершеннолетнего или неадекватного взрослого на инспектора ПДН.

В заключение следует отметить, что любые меры, предпринимаемые для возможного сокращения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, видятся нам крайне важными и требующими дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: моногр. / Н. С. Железняк // Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России. — 2019. — 332 с.
2. Гамзина А. В. К вопросу о методах взаимодействия подразделений по делам несовершеннолетних и оперативных подразделений полиции / А. В. Гамзина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2020. — № 1 (38). — С. 27—31.
3. Дымов Г. А. Взаимодействие уголовного розыска и подразделений по профилактике преступлений несовершеннолетних органов внутренних дел в раскрытии грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними / Г. А. Дымов // Российский следователь. — 2005. — № 6. — С. 47—51.
4. Спасенников Б. А. К 300-летию Российской полиции (XVIII — начало XX в.) / Б. А. Спасенников // Вестник института: Преступление, наказание, исправление — Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. — 2018. — № 2 (42). — С. 83—89.
5. Доржиева Е. Б. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних / Е. Б. Доржиева // Молодой ученый. — 2018. — № 23. — С. 78—80.
6. Славко А. А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти А. А. Славко // Известия Алтайского государственного университета — Алтайский государственный университет. — 2009. — № 4—4 (64). — С. 229—234.
7. Беженцев А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период / А. А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — № 2 (50). — С. 56—63.
8. Беженцев А. А. Служебные помещения инспекторов полиции по делам несовершеннолетних: вчера, сегодня, завтра / А. А. Беженцев // Полицейская деятельность. — 2017. — № 4. — С. 8—15.

УДК.343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10027

Михаил Юрьевич Гераськин,

старший преподаватель кафедры
криминалистической техники УНК ЭКД
Волгоградской академии МВД России;

Галина Викторовна Плотникова,

доцент кафедры пожарно-технической экспертизы
Восточно-Сибирского института МВД России,
канд. хим. наук, доцент;

Анатолий Александрович Шеков,

доцент кафедры пожарно-технической экспертизы
Восточно-Сибирского института МВД России,
канд. хим. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ, ИЗЪЯТИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПОДЖОГА

Аннотация. Статья посвящена основным проблемам, возникающим в ходе осмотра места поджога, связанным с обнаружением, изъятием и предварительным исследованием следов и вещественных доказательств. Приоритетное значение авторы придают выявлению следов интенсификаторов горения, наиболее распространенными из которых являются разлитые в зонах очагов нефтепродукты, относящиеся к легковоспламеняющимся или горючим жидкостям. Выявление микроколичеств этих жидкостей на месте пожара после его тушения представляет собой достаточно сложную задачу, для решения которой требуются специальные знания о признаках их горения и умение их выявления на разных объектах-носителях при осмотре места поджогов. В статье предлагается использовать при поиске следов нефтепродуктов их способность люминесцировать под воздействием ультрафиолетового излучения. Поскольку многие объекты-носители жидких интенсификаторов горения также могут люминесцировать, то авторы рекомендуют переводить пятна нефтепродуктов на нелюминесцирующий материал, который усиливал бы люминесценцию пятна жидкости, не искажая его характера. В качестве такого материала, с точки доступности и способности усиления люминесценции, предлагается фильтровальная бумага. Авторы подчёркивают, что только правильное изъятие и упаковка следов и вещественных доказательств являются гарантией положительного результата назначенных по их исследованию экспертиз.

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений, осмотр места происшествия, интенсификатор горения, поджог, вещественные доказательства; горючая жидкость; легковоспламеняющаяся жидкость.

Mikhail Yuryevich Geraskin,

senior lecturer of the Department
of Criminalistic Techniques, Training and Scientific Complex
of Forensic-Criminalistic Activities,
Volgograd Academy of the MIA of Russia;

Galina Viktorovna Plotnikova,

Associate Professor of the Department
of Fire Technical Examination
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor;

Anatoly Alexandrovich Shekov,

Associate Professor of the Department
of Fire Technical Examination
of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia,
Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor

FEATURES OF DETECTION, SEIZURE AND PRELIMINARY INVESTIGATION OF PHYSICAL EVIDENCE AT THE SCENE OF AN ARSON

Abstract. The article is devoted to the main problems that arise during the inspection of the arson scene, related to the detection, removal and preliminary investigation of traces and physical evidence. The authors give priority to identifying traces of accelerants, the most common of which are spilled oil products, which are related to flammable or combustible liquids. Identification of microquantities of these liquids at the fire scene after its extinguishing is a rather difficult task, requiring special knowledge of the signs of their combustion and the ability to detect them on different objects-carriers during the examining arson scene. The article suggests to use their ability to light up under the influence of ultraviolet radiation during the search for traces of oil products. Since many objects that carry liquid accelerants can also emit light, the authors recommend to collect oil slicks on non-luminescent material that would enhance the luminescence of liquid spot without distorting its character. Filter paper is offered as such material in terms of availability and capacity to enhance luminescence. The authors emphasize that only the correct removal and packaging of traces and physical evidence is a guarantee of a positive result of the examinations assigned for their research.

Keywords: detection and investigation of crimes; crime scene search; accelerant; arson; physical evidence; flammable liquid; combustible liquids.

Анализ практики раскрытия и расследования уголовных дел по фактам поджогов показывает, что положительный результат во многом зависит от качества и полноты произведенного осмотра места происшествия, т. е. от выявления и изъятия информативных следов и вещественных доказательств. Из анализа практики производства экспертиз следовых количеств

интенсификаторов горения, изымаемых с мест поджогов, очевидно, что их результат напрямую зависит от соблюдения требований по их упаковке, хранению и транспортировке. Правильное изъятие следов и вещественных доказательств не является гарантией положительного результата экспертизы, если они упакованы неправильно.

При поджогах в качестве интенсификаторов горения используются самые различные вещества и материалы. Это могут быть самые разнообразные легковоспламеняющиеся (ЛВЖ) и горючие жидкости (ГЖ), такие как низкокипящие нефтепродукты (например, бензин или керосин), бытовые или технические органические растворители (например, уайт-спирит, ацетон, бутилацетат), различные технические жидкости, используемые в автомобилях (например, применяемые в системах охлаждения жидкости на основе этиленгликоля). В практике авторов были зафиксированы случаи использования при поджогах спиртосодержащих жидкостей, как технического, так и пищевого назначения (например, самодельных напитков домашней выработки — «самогонов») [1, с. 119—130].

Также поджигателями используются в качестве интенсификаторов горения легковоспламеняющиеся материалы с высокоразвитой поверхностью, такие как древесные стружки, скомканная бумага, вата и т. п. В условиях развившегося пожара эти объекты сгорают полностью, и их наличие на месте происшествия не может быть установлено инструментальными методами (в отличие от следов ГЖ или ЛВЖ). Вывод об их наличии на месте происшествия можно будет сделать только в вероятностной форме на основе визуально выявляемых признаков.

Отдельную группу интенсификаторов горения составляют составы типа «горючее-окислитель» (например, «глицерин-перманганат калия»), способные к самовоспламенению при смешении. Они, как правило, используются в качестве элементов самодельных зажигательных устройств (СЗУ) относительно сложной конструкции.

Анализ экспертной практики большинства регионов России показывает, что наиболее часто в качестве интенсификаторов горения используются наиболее доступные нефтепродукты — бензины и дизельные топлива различных марок. Микроколичества данных веществ, абсорбированные пористыми материалами (древесина, ткань, кирпич и т. п.), способны сохраняться на месте происшествия достаточно долго. В зависимости от свойств абсорбента и погодных условий на месте пожара сроки их полного испарения составляют от нескольких часов до нескольких недель [2, с. 64—67].

Характерным внешним признаком горения какой-либо ГЖ или ЛВЖ, независимо от ее происхождения и состава, является наличие на конструкциях строений и предметах вещной обстановки, выполненных из горючих и сгораемых материалов, зон термических повреждений, резко отличающихся по характеру от других участков. Данные зоны имеют форму пятен,

соответствующих конфигурации пролитой жидкости. В углублениях, имеющих на обгоревших конструкциях (щели между половицами и т. п.) образуются более глубокие прогары, чем на плоских поверхностях. Подобные участки могут обнаруживаться также на мебели, в том числе и мягкой. При сгорании тяжелых нефтепродуктов (керосин, дизтопливо и т. п.) на горизонтальных деревянных поверхностях образуются подпалины [3, с. 22—23; 4, с. 75]. Так, например, зона горения разлитой на деревянном полу, покрытом линолеумом ЛВЖ, обычно характеризуется полным выгоранием линолеумного покрытия с поверхностным обугливанием деревянных конструкций пола, в то время как на смежных участках пола, как правило, термические повреждения либо отсутствуют, либо менее ярко выражены (наблюдается оплавление или поверхностное обгорание линолеумного покрытия без поражения деревянных конструкций пола).

Жидкие интенсификаторы горения в ходе пожара испаряются и, таким образом, окончательно теряются. Поэтому следы ЛВЖ и ГЖ следует искать в местах, подвергавшихся минимальному термическому воздействию. Лучше всего микроколичества жидких интенсификаторов горения сохраняются в местах, защищенных от непосредственного воздействия пламени пожара и его термоизлучения: под предметами мебели, под плинтусами, на внутренних поверхностях деревянных полов, а также в разного рода углублениях (стыков между досками, трещинах, пазах и т. п.). Экспериментально установлено, что на обратной стороне паркета даже наиболее легкий из товарных нефтепродуктов — бензин — сохраняется до тех пор, пока паркет не переуглится на всю глубину, т. е. фронт обугливания древесины не дойдет до обратной стороны паркета и чернового пола [5, с. 191—192].

При осмотре зоны очага пожара, конструкций здания, мебели и т. п. не следует пренебрегать таким чувствительным индикатором, как человеческое обоняние, которое позволяет обнаружить остатки от испарения с поверхности древесины 1 мл бензина через двое суток, а 1 мл керосина — через 10 суток.

При поиске следов нефтепродуктов, помимо их характерного запаха, можно использовать их способность люминесцировать под воздействием ультрафиолетового излучения. Наиболее часто используемые в качестве интенсификаторов горения бензин, керосин и дизельное топливо обладают этим свойством. Следует иметь в виду, что одна и та же жидкость, прекрасно люминесцирующая на каком-то определенном материале или предмете, может совсем не люминесцировать, будучи нанесенной на другой предмет. Так, например, на одном из мест происшествий было обнаружено мужское грубошерстное полупальто с явными следами керосина, легко обнаруживаемыми невооруженным глазом. При рассмотрении этого объекта доказательств в ультрафиолетовых лучах никакой люминесценции пятен обнаружено не было. Эти же пятна, переведенные на фильтровальную бумагу, давали яр-

кую фиолетово-голубую люминесценцию, характерную для керосина. Из приведенного примера следует, что на люминесценцию ГЖ и ЛВЖ в пятнах оказывает большое влияние природа материала, на который нанесена жидкость, его свойства, а также цвет и другие факторы.

Пятна керосина, нанесенные на различные сорта бумаги, имеющей разные цвета, показывают и разную люминесценцию. Пятно на голубой бумаге люминесцировало голубовато-фиолетовым цветом; на серовато-голубой бумаге люминесцировало таким же цветом как бумага, но более темным; на желтой бумаге люминесцировало почти незаметно желтовато-серым цветом. На оберточной бумаге наблюдалось яркое сиреневато-розовое свечение более темное, чем люминесценция бумаги. На белой бумаге пятно люминесцировало темно-фиолетовым, а бумага — ярко-фиолетовым цветами. На белой бумаге другого сорта пятно люминесцировало фиолетово-голубоватым, а бумага — светло-серым цветами. Пятна керосина на древесине (фанере, древесно-стружечной плите, образце сосны) показывают очень слабую, едва различимую люминесценцию фиолетового цвета. При этом необходимо заметить, что сама древесина также показывала неравномерную фиолетовую люминесценцию, что связано со строением древесины и ее качеством. На свежих продольных срезах образца древесина более ярко люминесцировала в особенности в смоляных каналах (в виде тонких нитей). Свежесть и толщина слоя (пятна) также оказывают влияние на люминесценцию.

Это все приходится учитывать и, как показывает экспертная практика, при исследовании пятен ЛВЖ и ГЖ на различных материалах по возможности их надо переводить на слабо люминесцирующий (а лучше вообще не люминесцирующий) материал, который не погашал бы, а наоборот, усиливал люминесценцию пятна жидкости, не искажая его характера.

Анализ экспертной практики показывает, что наиболее оптимальным материалом, с точки зрения доступности и способности усиления люминесценции, является фильтровальная бумага. Для перенесения пятна (например, керосина) с объекта на фильтровальную бумагу следует поступать следующим образом: взять кусок бумаги, поместить его на пятно и поместить под пресс, в качестве которого может быть использован какой-нибудь тяжелый предмет. В некоторых источниках рекомендуют для ускорения процесса применять нагретый до невысокой температуры металлический предмет (например, утюг). Однако к использованию нагретого предмета надо подходить с осторожностью, в особенности в случае с древесиной. При повышенной температуре вместе с ЛВЖ и ГЖ может перейти и смола, которая способна исказить цвет люминесценции [6, с. 35—37].

Анализ практики осмотров мест поджогов за последние пять лет показывает, что в более чем 30 % осмотров мест поджогов (т. е. каждом третьем) жидкие интенсификаторы горения (нефтепродукты и т. п.) обнаруживаются и в макроколичествах. Это, как правило, брошенные преступниками на месте

происшествия емкости (канистры, бутылки и т. п.) с остатками нефтепродуктов в количестве от нескольких миллилитров до нескольких десятков миллилитров.

Если на месте пожара обнаружены остатки жидкости в какой-либо емкости (бутылке, банке, канистре и т. п.), необходимо закупорить данный сосуд герметичной крышкой. Если отсутствует возможность перелить жидкость в чистую стеклянную банку или бутылку, то образцы ЛВЖ или ГЖ можно изъять при помощи шприца, ватных тампонов или фильтровальной бумаги. Тампоны и бумагу необходимо поместить в герметично закрывающуюся емкость, например, стеклянную банку с металлической или притёртой стеклянной крышкой. Использование корковой или полимерной крышки недопустимо.

ЛВЖ и ГЖ проникают в древесину неглубоко (не более чем на 0,2—0,4 мм), поэтому при изъятии фрагмента крупногабаритного объекта можно отбирать только верхний слой. При этом нужно учитывать, что с торца доски, по годовым кольцам нефтепродукты впитываются лучше. Отбирать пробы древесины следует с необугленных участков древесины, на границе зоны термических повреждений (например, обугливания) с зоной, не имеющей термических повреждений. Следует учитывать, что с торца досок, по годовым кольцам, ЛВЖ и ГЖ впитываются лучше (на 80—90 мм). Особое внимание нужно уделять таким дефектам древесины, как трещины и сучки, вырубая их на всю глубину и собирая стружку или щепки для анализа [7, с. 34—37].

Требования к отбору проб ткани и синтетических материалов (вата, ватин, поролон, набивка мягкой мебели и т. п.) такие же, как и к отбору проб древесины, т. е. отбираются те фрагменты, которые не имеют признаков термической деструкции, на границе зоны термических повреждений с зоной, не имеющей термических повреждений. Основное отличие состоит в том, что нефтепродукты сохраняются в ткани даже при ее обгорании, что особенно характерно для шерстяных и полушерстяных тканей, поэтому можно отбирать весь объект-носитель целиком или фрагмент, содержащий как обгоревшие, так и необгоревшие участки. Кроме того, необходимо отобрать 2—3 «холостых» пробы из тех мест, куда попадание ЛВЖ или ГЖ исключено. «Холостая» проба упаковывается отдельно от остальных проб и, соответственно, маркируется.

При пожаре в автомобиле наиболее целесообразно изымать остатки одежды, обивки кресел, материалов под обивкой. Изъятие резиновых предметов абсолютно неприемлемо, т. к. при проведении химического исследования резина частично разлагается, выделяя при этом вещества, которые не дают возможности получить какие-либо значимые результаты [8, с. 12].

Отбор грунта, содержащего следы ЛВЖ и ГЖ, производится путем срезания верхнего слоя, на глубину 2—3 см ниже прокалённого слоя грунта.

Тара для упаковки предметов-носителей микроколичеств жидких интенсификаторов горения должна быть герметичной и чистой. Наиболее оптимальным вариантом упаковки с точки зрения герметичности является стекло, т. е. изъятые пробы необходимо упаковывать в стеклянные банки с закручивающимися металлическими либо притертыми стеклянными крышками, в крайнем случае, в загерметизованные полимерные мешки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гераськин М. Ю., Довбня А. В. Применение современной передвижной пожарно-технической лаборатории при осмотре места пожара и производстве пожарно-технической экспертизы / М. Ю. Гераськин, А. В. Довбня // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России. — 2016. — № 1 (45). — С. 119—129.
2. Гераськин М. Ю. Особенности обнаружения и изъятия вещественных доказательств при осмотре места поджога / М. Ю. Гераськин // Современные тенденции развития правовой науки: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10 июня 2016 г.) / сост. Д. В. Васильев; ред. кол. С. В. Бирюков, Д. В. Кайргалиев. — СПб: «Реноме», 2016. — 308 с.
3. Зернов С. И., Галишев М. А., Чешко И. Д. Обнаружение и идентификация инициаторов горения различной природы при отработке версий о поджоге: метод. рек. / С. И. Зернов, М. А. Галишев, И. Д. Чешко. — М.: ЭКЦ МВД России, 1998. — 51 с.
4. Зернов С. И., Колмаков А. И., Маковкин А. В., Попов И. А. Применение технико-криминалистических средств при раскрытии и расследовании поджогов: учеб. пособ. / С. И. Зернов, А. И. Колмаков, А. В. Маковкин, И. А. Попов. — М.: ЭКЦ МВД России, 1998. — 111 с.
5. Чешко И. Д., Юн Н. В., Плотников В. Г., Антонов А. О., Воронов С. П., Павлов Е. Ю., Толстых В. И. Осмотр места пожара: метод. пособ. / И. Д. Чешко, Н. В. Юн, В. Г. Плотников, А. О. Антонов, С. П. Воронов, Е. Ю. Павлов, В. И. Толстых. — М.: ВНИИПО, 2000. — 340 с.
6. Гераськин М. Ю. Использование люминесценции нефтепродуктов в ультрафиолетовых лучах при изъятии с мест поджогов следов интенсификаторов горения / М. Ю. Гераськин // Законность в современном обществе: сб. тез. и ст. междунар. науч.-практ. конф. (Владивосток, 20 окт. 2017 г.) / ред. кол. С. Ю. Бирюков, Д. В. Кайргалиев. — Владивосток: ООО «Перископ-Волга», 2017. — 164 с.
7. Гераськин М. Ю. Особенности обнаружения и изъятия с мест поджогов микроколичеств интенсификаторов горения / М. Ю. Гераськин // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (2 июля 2016 г., г. Казань). — Казань: ИП Шайхутдинов А. И., 2016. — 164 с.
8. Богатищев А. И., Довбня А. В., Зернов С. И. и др. Исследование причин возгорания автотранспортных средств: учеб. пособ. / Под ред. канд. техн. наук А. И. Колмакова. — М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2003. — 82 с.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10028

Александр Юрьевич Головин,

профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Тульского государственного университета,

доктор юридических наук

ПРОГРАММИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ — «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФАНТОМ»?

Аннотация. В статье рассмотрены положения теории программирования расследования, результаты криминалистических научных исследований в сфере разработки криминалистических программ и алгоритмов предварительного расследования. Проанализированы полученные сведения об активности прикладных разработок программ расследования преступлений. Особое внимание уделено качеству предлагаемых в криминалистической литературе алгоритмов разрешения типичных следственных ситуаций.

Ключевые слова: программирование расследования преступлений, криминалистические алгоритмы, программа расследования, методика расследования преступлений, следственные ситуации, «криминалистический фантом».

Aleksandr Yurievich Golovin,

Professor of the Department of Justice and Law Enforcement of

Tula State University,

Doctor of Law

INVESTIGATION PROGRAMMING — A FORENSIC PHANTOM?

Abstract. The article discusses the theses of the theory of investigation programming, the results of forensic research in the development of forensic programs and algorithms for preliminary investigation. The obtained data on the activity of applied developments of crime investigation programs are analyzed. Special attention is paid to the quality of algorithms proposed in the forensic literature for solving typical investigative situations.

Keywords: crime investigation programming, forensic algorithms, investigation program, crime investigation methodology, investigative situations, forensic phantom.

Почти два десятилетия назад в научных рассуждениях выдающимся отечественным ученым-криминалистом Р. С. Белкиным был использован термин «криминалистический фантом». Автор, высказывая свой взгляд на отдельные криминалистические теории и учения, отмечал, что, «когда реальная

идея или концепция, дружно поддержанная многочисленными сторонниками, привлекает целую армию последователей, активно разрабатывается, рождает иллюзии широкого практического использования, а затем, иногда по прошествии значительного времени, оказывается типичным фантомом» [1, с. 219]. И хотя с оценкой «фантомности» тех или иных теорий и учений, данной самим Р. С. Белкиным, по итогам дальнейших активных научных дискуссий, тенденций их современного развития не всегда можно согласиться, такой подход к анализу проблем и перспектив развития и применения отдельных теоретико-криминалистических идей видится возможным.

Так, еще в 70-х годах прошлого столетия в криминалистику был введен термин «программирование расследования». Его появление, как правило, связывают с высказанной И. Л. Петрухиным в 1973 г. идеей использования ЭВМ для ведения картотеки «доказательственных прецедентов», постепенного накопления таких «прецедентов» с последующей «идентификацией» доказательственной ситуации по данному и уже разрешенным делам» [2, с. 433]. Впрочем, отдельные современные исследователи усматривают первые попытки программирования расследования даже в трудах И. Н. Якимова, предполагая разработку автором «формализованных типовых схем действий следователя по преступлениям отдельных видов» [3, с.159].

Так или иначе, теория программирования расследования начала активно формироваться примерно с конца 70-х годов XX в. Развитию идей программирования расследования посвятили свои исследования И. Е. Быховский, И. А. Возгрин, Г. А. Густов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко, В. Ф. Робозеров, Л. А. Соя-Серко, А. С. Шаталов, А. А. Эйсман и многие другие ученые-криминалисты. Данная проблематика получила отражение в десятках монографий и диссертаций, еще большем числе научных статей. Результатом таких исследований, несмотря на определённые различия в научных подходах, стало формирование системы теоретико-криминалистических положений о сущности программирования расследования, их места в системе криминалистической науки, соотношении этого понятия с рядом смежных криминалистических категорий, например, планированием расследования, методикой расследования отдельных видов преступления, алгоритмизацией расследования и др. Представлены различные классификации программ расследования, взгляды на их структуру, предложения по разработке и апробации. Иными словами, теория состоялась.

Как и любая провозглашённая и в целом одобренная (либо не отрицаемая) научным сообществом теория, идеи программирования расследования приобрели многих «адептов», которые вплоть до сегодняшнего дня ведут активную дискуссию по тем или иным понятийным аспектам, вносят предложения по совершенствованию процесса разработки таких программ, прогнозируют полезность их применения в практике расследования преступлений отдельных видов, критикуют традиционную методику расследования.

Вот только сами программы расследования или, если быть более точным, попытки их разработки — явление настолько редкое, что со всей обоснованностью можно сделать вывод о том, что указанные выше идеи практически не получают своего прикладного воплощения. То же касается и идей внедрения «компьютерного программирования» расследования, ограничивающихся в основном теоретическими рассуждениями без представления конечного продукта таких исследований в виде конкретных «типовых компьютерных программ» [3, с. 161; 4, с. 28]. И это не говоря о пока еще полностью гипотетических размышлениях о перспективах внедрения технологии искусственного интеллекта в криминалистику и процесс расследования преступлений [5, с. 43; 6]. Вот только хорошо было бы, если бы каждое рассуждение о полезности и перспективности программирования расследования сопровождалось представлением разработанной программы расследования, пусть пока и без использования технологий искусственного интеллекта.

Необходимо пояснить, что указанный вывод о единичных попытках разработки программ расследования основан на дифференциации понятий «программа расследования» и «алгоритм расследования», хотя в криминалистической литературе эти понятия иногда используются как синонимы. Встречаются и мнения о том, что алгоритм — это разновидность программ расследования [7, с. 161], что, впрочем, также представляется дискуссионным.

А. С. Шаталов определяет криминалистический алгоритм как обоснованное предписание о выполнении в заданном порядке системы последовательных операций, рекомендуемых следователю для решения задач определенного типа. Программа расследования при этом определяется автором как «определенная совокупность алгоритмов и необходимых научных рекомендаций, содержащих типовую криминалистически значимую информацию, предназначенную для реализации в профессиональной деятельности следователя» [8, с. 71].

Не ставя задачу вступать в терминологическую дискуссию, согласимся с мнением А. С. Шаталова в той части, которая определяет программу расследования как совокупность алгоритмов, т. е. более сложное, чем отдельный алгоритм, системное образование. Принципиальная возможность разработки таких программ расследования, конечно же, существует, как в традиционном, так и цифровом вариантах. Очевидно, что выявляемые в ходе криминалистических исследований закономерности преступной деятельности и деятельности по ее раскрытию, расследованию и предупреждению корреляционные связи между элементами указанных видов деятельности могут быть переведены в программный код (в том числе цифровой) и представлены в виде сложного интеллектуального алгоритмизированного продукта, ориентированного на его практическое применение органами расследования.

Но именно в таком качестве программирование расследования не получает, к сожалению, своей сколько-нибудь заметной практической реализации.

Во многих трудах по вопросам теории программирования расследования, в том числе новейших, разными авторами в качестве успешного примера разработки программ расследования называются исследования Л. Г. Видонова (проведенные им в конце 70-х годов прошлого столетия [9]), иногда В. Ф. Робозерова (начала 90-х годов прошлого столетия [10]). Другие примеры представления именно программ расследования упоминаются редко, хотя отдельные попытки такой разработки предпринимались в криминалистической науке.

Впрочем, как представляется, результаты исследований Л. Г. Видонова — это основанная на развернутой криминалистической характеристике убийств система типовых общих и частных версий по этой категории уголовных дел, сопровождающихся традиционными методическими рекомендациями по их проверке.

В докторской диссертации В. Ф. Робозерова действительно затрагиваются вопросы «программированного и алгоритмизированного подхода к раскрытию преступлений, совершенных в условиях неочевидности». Однако, по сути, это авторский подход к структуре частной криминалистической методики, при котором программа расследования — это элемент системы типового планирования расследования [10, с. 10].

Стоит отметить, что в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века программы расследования отождествлялись с методами планирования и другими авторами. Например, Е. П. Ищенко называл программу расследования предварительным планом следственной деятельности [11, с. 42]. Впрочем, общие типовые планы расследования отдельных видов преступлений в криминалистической литературе явление столь же редкое, как и программы расследования.

Остановимся и на некоторых более современных единичных попытках разработки программ расследования.

Например, Е. В. Валласк в диссертационном исследовании предложила ряд программ расследования хищения путем мошенничества с использованием ценных бумаг. Здесь уместно привести собственную оценку автором результатов своей работы, согласно которой «разработанные... краткие типовые программы содержат набор общих задач, определяющих направление поисковой деятельности следователя» [12, с. 148—149]. Вот только «набор общих задач» или «типовых версий» вряд ли можно воспринимать как полноценную программу расследования в современном понимании.

Схожим образом к разработке программы расследования лжеэкспортных мошенничеств подошел Д. В. Лазарев. С помощью такой программы, по мнению автора, следователь может мысленно моделировать всю систему задач по уголовному делу и приблизительный объем работы по их решению, тактически правильно планировать процесс расследования с учетом имеющихся в его распоряжении сил и средств [13, с. 25]. Иными словами, по сути,

была предложена не столько программа расследования, сколько система типовых криминалистических задач, которые, казалось бы, и должны были решаться путем использования такой программы. Таким образом, практически отсутствует «тело» программы в виде последовательно или одновременно реализуемых алгоритмов следственных и других действий, приводящих (при грамотном применении) к заранее известному (типовому) положительному для достижения целей расследования результату.

Строго говоря, из всех немногочисленных попыток разработать программы расследования преступлений отдельных видов в последние годы к декларируемому канону рассматриваемого программирования, как представляется, смог приблизиться только К. А. Нелюбин. Предложенная им программа деятельности по раскрытию и расследованию убийств выступает системой алгоритмов, состоящей из трех блоков:

- система анализа и моделирования следственной ситуации, выдвижения типичных версий о лице, совершившем убийство;
- система алгоритмов по установлению личности преступника (ядро программы);
- система установления ошибок, допущенных в ходе следствия, и их устранения [14, с. 6].

Впрочем, автор ограничил сферу своего исследования только одним регионом страны, что, видимо, снизило возможности практического применения и апробации предложенной им программы в масштабах страны. На это обстоятельство, в частности, обратил внимание А. В. Шмонин, отметив, что сведений об использовании программы К. А. Нелюбина у широкой научной общественности не имеется [15, с. 75].

На этом фоне недостаточно убедительно звучат выводы о том, что именно криминалистическая алгоритмизация и программирование расследования призваны помочь криминалистической методике, ставшей «малоэффективной теоретической системой, лишенной свойств массовости, детерминированности и результативности», создавать универсальные системы поддержки принятия адекватных решений, повышать эффективность всего процесса расследования преступлений посредством диагностики, моделирования и управления сложившейся следственной ситуацией [16, с. 156]. Не вступая в дискуссию о «малоэффективности» современной криминалистической методики и соглашаясь с теоретическими выводами о необходимости совершенствования криминалистических инструментов поддержки принятия решений лицом, производящим предварительное расследование, с сожалением приходится констатировать, что удивительный «оздоровительный» эффект программ расследования сложно оценить по все той же причине мизерного количества и спорного качества готового научного продукта.

Несколько лучше обстоят дела с представлением алгоритмов разрешения типичных следственных ситуаций, производства отдельных след-

ственных действий и тактических операций. В отличие от программ расследования такие алгоритмы, как более простые по структуре и механизму разработки последовательные операции, более активно предлагаются в криминалистической литературе. Впрочем, их разработка и применение также не лишены ряда проблем, которые наиболее очевидно выявляются при анализе предлагаемых в исследованиях по методике расследования отдельных видов преступлений алгоритмах действий следователя в типичных следственных ситуациях.

Такие алгоритмы в подавляющем большинстве случаев предлагаются применительно к разрешению типичных общих (преимущественно исходных) ситуаций расследования отдельных видов преступлений, типизируемых исходя из степени осведомленности органов расследования о лицах, совершивших преступное деяние, а также иногда факта задержания таких лиц. В зависимости, от вида преступления обычно выделяется 3—4 типа общих ситуаций расследования. Под каждый из выделенных типов предлагается определенный алгоритм следственных действий и других мероприятий, проведение которых, по мнению предлагающих такие алгоритмы ученых, позволит в типичной следственной ситуации достичь наибольшего положительного эффекта для достижения целей расследования. К сожалению, применительно к таким алгоритмам редко определяется круг тех криминалистических задач, которые должны или могут быть решены при реализации предлагаемого комплекса действий, что усложняет их применение на практике. В самих алгоритмах не всегда четко конкретизируется последовательность действий, рекомендуемых следователю для решения задач определенного типа. На эти проблемы ранее уже обращалось внимание криминалистической научной общественности [17, с. 42].

Отметим и позицию А. В. Шмониной, который полагает, что создать универсальные алгоритмы не позволяют отсутствие возможности выявить систему факторов, определяющих ситуации расследования преступлений, типизировать такие факторы, а также постоянные изменения криминальной деятельности [15, с. 75].

Как следствие, можно утверждать, что во многих случаях предлагаемые алгоритмы разрешения типичных следственных ситуаций — это лишь рекомендуемый перечень возможных к проведению следственных действий и других мероприятий, рассчитанных на творческое применение следователем по каждому уголовному делу. При этом такие алгоритмы обычно имеют недостаточно конкретный и многовариантный характер.

Эти проблемы по понятным причинам становятся более существенными при разработке программы расследования как определенной совокупности таких алгоритмов. Говоря иными словами, программа расследования определенного вида преступления может стать еще более «размытой», ориентированной лишь на предельно общие следственные ситуации или задачи рас-

следования. Не исключено, что программа расследования с учетом «эволюции» расследуемой преступной деятельности, изменений в законодательстве быстро устареет. Для положения, когда в криминалистике предпринимаются попытки создать такие программы всего несколько раз в десятилетие, перспектива развития идей программирования расследования пока нерадужная.

Подводя итог сказанному, хотелось бы поддержать призыв А. С. Шаталова не воспринимать объективные трудности при разработке программ расследования как непреодолимые препятствия [16, с. 166]. Поэтому вопрос, вынесенный в заглавие настоящей статьи, оставлен без ответа, в надежде на то, что идеи программирования расследования все-таки получают свою реализацию в разработанных учеными-криминалистами традиционных или компьютерных программах расследования, ориентированных на их активное применение в правоохранительной деятельности и востребованных следственной практикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М.: Инфра-М-Норма, 2001. — 240 с.
2. *Петрухин И. Л.* Понятие и содержание оценки доказательств / И. Л. Петрухин // Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.
3. *Абаканова В. А.* Сущность и значение программирования расследования преступлений / В. А. Абаканова // Общество и право. — 2014. — № 1 (47). — С. 159—163.
4. *Пустовая И. Н.* Вопросы разработки компьютерных программ расследования преступлений / И. Н. Пустовая // Правопорядок: теория, история, практика. — 2018. — № 4 (19). — С. 26—29.
5. *Бахтеев Д. В.* Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д. В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 2. — С. 43—49.
6. *Себякин А. Г.* Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений / А. Г. Себякин // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10. — № 4. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42324644> (дата обращения: 30.04.2020).
7. *Лозовский Д. Н.* Программно-целевой метод в процессе расследования преступлений / Д. Н. Лозовский // Вестник Адыгейского государственного университета. — Сер. 1. — 2010. — № 3. — С. 160—164.
8. *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы / А. С. Шаталов. — М.: Лига Разум, 2000. — 250 с.
9. *Видонов Л. Г.* Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев: метод. рек. к использованию систем типовых версий / Л. Г. Видонов. — Горький. 1978. — 122 с.
10. *Робозеров В. Ф.* Теория и практика раскрытия имущественных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Ф. Робозеров. — СПб, 1991. — 46 с.
11. *Ищенко Е. П.* Проблемы первоначального этапа расследования преступлений / Е. П. Ищенко. — Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. — 168 с.

12. Валласк Е. В. Криминалистическая характеристика и программы расследования хищения путем мошенничества с использованием ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Валласк. — СПб, 2006. — 198 с.

13. Лазарев В. Д. Лжеэкспортное мошенничество: понятие, криминалистическая характеристика, программа расследования: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / В. Д. Лазарев. — СПб, 2004. — 26 с.

14. Нелюбин К. А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Нелюбин. — Екатеринбург, 2016. — 25 с.

15. Шмонин А. В. Некоторые тенденции развития криминалистических алгоритмов принятия решений в уголовном судопроизводстве / А. В. Шмонин // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 4 (44). — С. 73—77.

16. Шаталов А. С. Алгоритмизация и программирование расследования преступлений в системе криминалистической методики / А. С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 2. — С. 155—172.

17. Головин А. Ю., Баранов М. В. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения / А. Ю. Головин, М. В. Баранов // Российский следователь. — 2013. — № 11. — С. 42—44.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10029

Вера Сергеевна Горшкова,

преподаватель кафедры административного права

и административной деятельности ОВД

Барнаульского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ ОБНАРУЖЕНИЯ ТРУПА МЛАДЕНЦА БЕЗ ВНЕШНИХ ПРИЗНАКОВ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты производства осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти в жилом помещении с прилегающим приусадебным участком, помещениях подъезда, на открытом участке местности, в транспортном средстве, медицинском учреждении. Автор статьи затрагивает проблемные вопросы, связанные с выявлением и раскрытием преступлений, «замаскированных» под событие некриминального характера — «синдром внезапной детской смерти».

Ключевые слова: осмотр места происшествия, специалист, смерть младенца, труп человека.

Vera Sergeevna Gorshkova,

Lecturer of the Department of administrative law

and administrative activity of internal Affairs bodies

Barnaul Law Institute of the MIA of the Russia.

CHARACTERISTICS OF THE CRIME SCENE SEARCH UPON DETECTION OF A DEAD BABY WITHOUT APPEARANCES OF VIOLENT DEATH

Abstract. The article discusses theoretical and practical aspects of the crime scene search upon detection of a dead baby without outward appearances of violent death in living accommodation with an adjoining residential gardens, in the stairwell, within an open ground, in a vehicle or in a medical institution. The author of the article deals with the problematic issues related to the identification and detection of crimes “disguised” as an event of a non-criminal nature — “sudden infant death syndrome”.

Keywords: crime scene search, specialist, death of an infant, human corpse.

Статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации свидетельствуют о негативной тенденции снижения численности населения нашей страны. Естественная убыль насе-

ления за 2019 г. составила 316,2 тыс. человек (на 93 тыс. человек больше, чем в 2018 г.)¹. Особую обеспокоенность вызывает младенческая смертность (смерть детей в возрасте до одного года) — по итогам 2019 г. составила более 7 тыс. случаев². Среди основных причин смерти детей выделяют как врожденные аномалии, состояния, возникшие в перинатальном периоде, так и внешние причины смерти. Следует отметить, что в медицине существует феномен — «синдром внезапной детской смерти», под которым понимается «внезапная неожиданная ненасильственная смерть, с отсутствием адекватных для объяснения причин смерти, данных анамнеза и патологоанатомического исследования» [1]. Часто сотрудникам правоохранительных органов при осуществлении практической деятельности приходится встречаться с подобными случаями «смертей в колыбели». Нередко под некриминальным характером сообщения об обнаружении трупа ребенка, поступившем в дежурную часть органа внутренних дел, может быть «замаскирован» факт неисполнения или ненадлежащего исполнения родителями или законными представителями родительских прав (например, мать оставляет ребенка на продолжительное время одного в квартире либо на улице). Однако в подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного Комитета Российской Федерации отдельный учет фактов «некриминальных» и «криминальных» смертей младенцев не ведется.

При интервьюировании следователей следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю, сотрудников уголовного розыска, экспертно-криминалистических подразделений Главного управления МВД России по Алтайскому краю установлено, что наибольшую сложность для вышеуказанных категорий сотрудников представляет производство осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа ребенка без внешних признаков смерти. Респонденты отметили, что перед ними возникают трудности как объективного характера (сложность определения причины смерти, наличия и характера телесных повреждений, механизма их образования судебно-медицинским экспертом), но и субъективного характера (огромные психоэмоциональные нагрузки, собственные страхи, переживания).

В трудах таких видных учёных-криминалистов, как О. Баев, Р. С. Белкин, В. Гавло, А. И. Бастрыкин, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппов, Н. П. Яблоков и ряда других, нашли отражение теоретические и практические аспекты производства осмотра места происшествия. Проводятся дис-

¹ Численность населения по данным Росстат // Официальный сайт Росстата в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosinfostat.ru/chislennost-naseleniya> (дата обращения: 12.04.2020).

² Младенческая смертность по субъектам Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: https://www.gks.ru/free_doc/-2019/demo/t2.xlsx (дата обращения: 12.04.2020).

сертационные исследования, направленные на поиск научных решений проблем раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья детей, среди которых: М. А. Золотов [2], Т. А. Капица [3] освещают методику организации первоначального этапа расследования убийств матерью новорожденного ребенка. Однако в практической деятельности правоохранительных органов возникают новые проблемные вопросы, требующего теоретического осмысления, поиска и выработки конкретных решений. По нашему мнению, тактико-технические аспекты производства осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти являются недостаточно исследованными.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации осмотр трупа человека производит следователь (следователь Следственного комитета Российской Федерации) с обязательным участием судебно-медицинского эксперта либо врача. Среди участников данного вида следственного осмотра — понятые, специалист (как правило, сотрудник экспертно-криминалистического подразделения МВД России) и иные лица (например, обнаружившие труп человека либо родственники, знакомые, друзья умершего). Кроме того, согласно ведомственным приказам МВД России в состав следственно-оперативной группы, формируемой оперативным дежурным дежурной части территориального органа внутренних дел, включаются — сотрудник оперативного подразделения (как правило, уголовного розыска по линии раскрытия тяжких преступлений либо розыска без вести пропавших лиц), кинолог со служебно-розыскной собакой, участковый уполномоченный полиции, инспектор по делам несовершеннолетних территориального отдела органа внутренних дел. Безусловно, весь потенциал имеющихся в наличии материальных и нематериальных ресурсов так же, как и сотрудники экспертно-криминалистических подразделений Главного управления МВД России по Алтайскому краю, используют сотрудники следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю. При производстве осмотра места происшествия следователь-криминалист данного подразделения применяет имеющуюся в его распоряжении криминалистическую технику — ультрафиолетовые осветители, квадрокоптеры, содержимое специальных унифицированных чемоданов и т. п.

По факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти осмотру подлежат:

1. Квартира или дом с приусадебным участком, где проживал ребенок совместно со своими родителями (законными представителями).
2. Помещения подъезда дома, включая чердак (технический этаж), подвальное помещение, мусоропровод.
3. Участок местности, где обнаружен труп ребенка (лес, проселочная дорога, парк, место размещения производственных и бытовых отходов).
4. Транспортное средство.
5. Медицинское учреждение (больница).

При производстве осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа ребенка целесообразно использовать эксцентрический способ осмотра, где исходной точкой начала осмотра является тело младенца.

1. Особенности производства осмотра места происшествия в квартире или доме с приусадебным участком, где проживал ребенок совместно со своими родителями (законными представителями).

При осмотре тела младенца в протоколе следственного действия необходимо отразить: позу трупа и положение отдельных частей тела, состояние слизистых носа, рта, половых органов, наличие и характер телесных повреждений, опрелостей, присутствие рвотных масс либо слюны во рту, носу, одежде, постельном белье, игрушках, кровати либо коляске, описание одежды, наличие памперса. Ложе трупа исследуется, фиксируется в протоколе осмотра наличие в нем мочи, каловых, рвотных масс, оно фотографируется по правилам детальной фотосъемки. В дальнейшем следователю подлежит произвести осмотр комнаты, где проживал ребенок, при этом подробному описанию подлежат предметы мебели, пола, коврового покрытия, а также всех жилых и нежилых помещений квартиры, включая ванную комнату, туалет, балкон. Особое внимание следует сосредоточить на поиске следов биологического происхождения, используя при этом мощные источники освещения, различные ультрафиолетовые осветители, полосы экспресс-анализа «Гемофан». Целесообразно изъять с места происшествия медицинские документы ребенка (справки, медицинскую карту и пр.), а также документы матери, отражающие протекание беременности; образцы детского питания, бутылочку со смесью, соску с целью дальнейшего направления на химическое исследование.

Особую сложность для сотрудников правоохранительных органов представляет осмотр надворных построек, огорода, сада приусадебного участка дома. При производстве следственного действия необходимо использовать помощь кинолога со служебно-розыскной собакой, которые облегчат поиск и обнаружения объектов со следами биологического происхождения — например, лопаты, которой выкапывали яму, ведра с околоплодной жидкостью, кровью, плацентой, различных тряпок, постельного белья, одеял, одежды. Так, в 2015 г. гражданка Б. родила ребенка без помощи медицинских работников дома, после чего оставила младенца в ведре с водой, далее труп закопала в огороде¹.

2. Особенности производства осмотра места происшествия в помещениях подъезда дома, включая чердак (технический этаж), подвальное помещение, мусоропровод.

Лицо, которое оставляет младенца в замкнутом пространстве либо помещении, всегда стремится к тому, чтобы скрыть тело ребенка от внимания посторонних лиц, поэтому использует для этого пакеты из полимерного

¹ Архив Заринского районного суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-50/2016.

материала, тряпки, коробки и иную тару. Так, в 2014 г. гражданка К. после рождения ребенка завернула его в одеяло с головой и положила в два полиэтиленовых пакета друг в друга, после чего завязала горловину обоих пакетов на узлы, а с целью сокрытия следов преступления женщина вынесла пакет, где находилась новорожденная девочка, в тамбур мусоропровода подъезда¹. Необходимо отметить, что в настоящее время сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений государственных учреждений успешно используется метод обнаружения следов рук с помощью паров цианакрилата в лабораторных условиях, что не исключает в дальнейшем проведения биологической экспертизы тканей и выделений человека, животных в головных подразделениях ЭКЦ МВД России или Министерства юстиции России. Подробно описывают в протоколе осмотра места происшествия, фиксируют при помощи фото- и видеосъемки, изымают веревки, фрагменты клейкой ленты, изоляционной ленты, которыми оклеены предметы с трупом человека. В пакете возможно обнаружение чеков об оплате банковской картой покупок в магазине, что окажет помощь в обнаружении биологических родителей младенца. При осмотре трупа ребенка в протоколе следственного действия необходимо отразить: позу трупа, положение отдельных частей тела, состояние кожного покрова, слизистых носа, рта, половых органов, подробное описание одежды, тканевого полотна, в которое завернуто тело.

С целью обнаружения следов рук лица, оставившего младенца, целесообразно обработать дактилоскопическими порошками входную дверь в подъезд, помещения чердака (технического этажа), подвала, дверцу и стенки мусоропровода. На лестничных площадках, лифтовой кабине, крыльце подъезда администрация управляющей компании, жильцы дома устанавливают камеры видеонаблюдения, запечатленная информация которых представляют интерес для сотрудников правоохранительных органов, поэтому электронные носители с видеофайлами необходимо изъять в ходе производства следственного действия.

Особый интерес представляет осмотр участка местности, прилегающего к подъезду дома. В ходе тщательной работы на нем возможно обнаружение и изъятие окурков сигарет, следов подошв обуви, следов протектора шин транспортного средства, личных вещей и предметов матери ребенка или иных лиц, которые впоследствии окажут помощь в установлении всех обстоятельств произошедшего события.

3. Особенности производства осмотра места происшествия — участка местности, где обнаружен труп ребенка (лес, проселочная дорога, парк, место размещения производственных и бытовых отходов).

При производстве осмотра места происшествия на открытых участках местности участники следственно-оперативной группы сталкиваются с огромным количеством «неблагоприятных» факторов — интенсивное воздей-

¹ Архив Бийского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-762/2014.

ствие солнечного света, осадков, действия животных, птиц и иных микроорганизмов. В таких условиях следственное действие должно производиться незамедлительно, воздействие негативных элементов — снижено. Границы осматриваемого участка должны быть максимально расширены с целью обнаружения места возможного родоразрешения, а также иных следов и объектов. Целесообразно производить наряду с основным, и дополнительный осмотр места происшествия, что позволит обнаружить и изъять весь комплекс доказательственной информации. Наряду с обнаружением, фиксацией и изъятием следов подошв обуви, протекторов шин транспортного средства, биологического происхождения, необходимо отражать в протоколе следственного действия присутствие следов жизнедеятельности насекомых, следов когтей, клюва, зубов птиц, животных.

4. Особенности производства осмотра транспортного средства.

При анализе судебно-следственной практики установлено, что осмотр места происшествия в автомобиле по факту обнаружения трупа ребенка производится редко. Как правило, это несчастные случаи, когда родители оставляют в салоне автомобиля младенца в весенне-летний период на продолжительное время. Особое внимание при осмотре салона транспортного средства необходимо уделить месту обнаружения тела — передняя либо задняя часть салона автомобиля, описанию положений стекол, дверей, функционированию систем вентиляции и терморегуляции. При осмотре тела младенца в протоколе следственного действия необходимо отразить: позу трупа, состояние слизистых оболочек глаз, рта, носа, состояние кожного покрова, наличие опрелостей, наличие или отсутствие памперса или подгузника, характер одежды и белья, в которое завернут ребенок. Целесообразно произвести изъятие видеорегистратора из салона осматриваемого автомобиля, а также осуществить поиск записей с камер видеонаблюдения, установленных на парковке, фасаде здания, транспортных средств, расположенных вблизи осматриваемого объекта. В результате данного следственного действия в распоряжении следователя должна быть обнаруженная одежда, белье младенца.

5. Особенности производства осмотра места происшествия в медицинском учреждении (больнице).

При анализе судебно-следственной практики установлено, что для производства осмотра места происшествия — палаты либо помещения танатологического отделения больницы, где наступила смерть младенца — формируется следственно-оперативная группа, в состав которой входит следователь и судебно-медицинский эксперт. Медицинские документы, как правило, на основании официального запроса предоставляются в распоряжение следователя Следственного комитета Российской Федерации после проведения вышеуказанного следственного действия. При производстве осмотра трупа ребенка в протоколе фиксируется: поза трупа, взаиморасположение частей тела, характеристики кожных покровов, слизистых оболочек глаз, носа, рта, половых органов, лимфатических узлов, наличие следов от медицинских манипуляций — инъекций, действия медицинского оборудования (например,

системы искусственной вентиляции легких). Изъятию подлежит, как правило, одежда, в которой пациент поступил в приемный покой или находился в медицинском учреждении.

Таким образом, производство осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти имеет свои особенности в зависимости от места его производства — квартира или дом с приусадебным участком, помещения подъезда дома (лестничный марш, чердак (технический этаж), подвальное помещение, мусоропровод), участок местности, транспортное средство, медицинское учреждение. Учитывая особенности формирования следовой картины, члены следственно-оперативной группы будут выдвигать различные версии произошедшего события, проверять их, обнаруживать, фиксировать и изымать весь комплекс следов, предметов и объектов, активно его использовать при установлении всех обстоятельств произошедшего некриминального события (естественной смерти) либо преступления. В данной статье рассмотрены лишь некоторые криминалистические особенности производства осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа младенца без внешних признаков насильственной смерти, с учетом которых проводится предварительная проверка сообщения по событию смерти ребенка для принятия правильного и обоснованного процессуального решения. Также требуют дальнейшего комплексного исследования вопросы судебно-медицинского, криминалистического, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в отношении младенцев — убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, причинение тяжкого вреда здоровью, оставление в опасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ровда Ю. И., Зеленина Е. М., Миняйлова Н. Н., Крекова Н. П. Синдром внезапной детской смерти (СВДС) / Ю. И. Ровда, Е. М. Зеленина, Н. Н. Миняйлова, Н. П. Крекова // Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-vnezapnoy-detskoy-smerti-svds> (дата обращения: 12.04.2020).
2. Золотов М. А. Методика расследования убийства матерью новорожденного ребенка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / М. А. Золотова. — СПб, 2004. — 26 с.
3. Капица Т. А. Организация первоначального этапа расследования убийства матерью новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. / Т. А. Капица. — Краснодар, 2004. — 214 с.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10030

Владимир Олегович Давыдов,

доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности

Института права и управления

Тулского государственного университета,

доктор юридических наук, доцент,

Почетный сотрудник МВД России,

Лауреат премии МВД России в области науки;

Инна Валериевна Тишутина,

профессор кафедры криминалистики

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Структурируя процесс криминалистического обеспечения с учетом предмета и направленности деятельности, связанной с разработкой, внедрением и использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций в практике раскрытия и расследования преступлений, авторы уделяют особое внимание таким его проблемным элементам, как правовое, организационное, учебно-методическое обеспечение.

Ключевые слова: мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистическое обеспечение, проблемы расследования IT-преступлений.

Vladimir Olegovich Davydov,

Associate Professor of the Department

of Justice and law-enforcement activity

of the Institute of Law Governance of Tula state university,

Doctor of Law, Professor,

the Honorary police officer of Russia,

Award winner of the MIA of Russia in Science;

Inna Valerievna Tishutina,

Professor of Criminalist Science Department

of Moscow university of the MIA of the Russia named after V. Y. Kikot,

Doctor of Law, Associate Professor

ABOUT TOPICAL PROBLEMS OF FORENSIC SKILLS OF INVESTIGATION AND DETECTION OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The article presents topical issues related to forensic skills of investigation and detection of fraud committed using information and telecommunication technologies. The authors pay special attention to such problematic elements as legal, organizational, educational and instructional materials. They shape the process of forensic skills relating to the subject matter and direction related to the development, implementation and use of forensic methods, tools and recommendations in the practice of detection and investigation of crimes.

Keywords: fraud, information and telecommunication technologies, forensic skills, problems of IT-crime investigation

Наступивший информационный век детерминировал устойчивую причинно-следственную связь между количественным разнообразием информационно-телекоммуникационных технологий и качественными изменениями в структуре преступности. Повсеместное распространение и стремительное развитие средств беспроводной коммуникации предопределило практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений абсолютно новыми способами и средствами. Сегодня проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, актуальна для большинства развитых стран мира. И закономерно, что в связи с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека в последние годы она приобрела глобальный характер.

Масштаб проникновения таких преступных деяний в процессы функционирования российского общества впечатляет. Так, согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2019 г. правоохранительными органами выявлено более 294,4 тыс. преступлений (рост показателя на 68,5 %), совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При этом удельный вес криминальных деяний данной категории в общем массиве преступлений возрос с 8,8 % в 2018 г. до 14,5 % в 2019 г. Получается, что, если в 2018 г. с помощью информационно-телекоммуникационных технологий совершалось каждое 11-е преступление, то в 2019 г. уже каждое седьмое. Как отметил министр внутренних дел В. А. Колокольников, рост криминальных деяний данного вида оказал значительное влияние на динамику и структуру преступности в целом. Их доля

в общем массиве достигла почти 15 процентов и продолжает расти¹. В структуре киберпреступности доминировали мошенничества (136,7 тыс. деяний, предусмотренных статьями 159, 159.3, 159.6 Уголовного кодекса РФ) и кражи (98,8 тыс. деяний), которые в сумме составили 80 % от общего числа преступлений рассматриваемого вида².

На протяжении последних десяти лет особенно активно применение информационно-телекоммуникационных технологий проявилось при совершении мошенничества, что обусловило появление термина «дистанционное мошенничество». Механизм его совершения не просто исключает непосредственный контакт преступника с жертвой, но дает возможность находиться за сотни и тысячи километров, в разных странах и на разных континентах.

Лица, совершающие мошенничества посредством информационно-телекоммуникационных технологий, достаточно хорошо технически оснащены, нередко объединены в преступные группы, которые в ряде случаев носят межрегиональный характер. Данные преступления совершаются дистанционно и характеризуются усложненными способами их подготовки, в том числе связанными с использованием программных продуктов, позволяющих менять IP-адрес пользователя в сети «Интернет» (VPN, TOR, SSL), применением технологии «подменных» абонентских номеров посредством SIP-телефонии и т. п. для сохранения анонимности правонарушителей, а также последующим сокрытием следов противоправной деятельности.

Типичные способы совершения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных систем предполагают:

- внедрение вредоносных программ в системы дистанционного банковского обслуживания;
- выставление поддельных POS-терминалов;
- хакерские атаки на мобильные устройства, брокерские и банковские системы в сети «Интернет»;
- установление путем подбора скрытых учетных данных;
- незаконное (без ведома собственника) использование электронной цифровой подписи;
- применение методов социальной инженерии (в числе таких методов — фишинг, претекстинг, телефонный фрикинг, «квид про кво», «дорожное яблоко» и др.), в результате чего потерпевшие самостоятельно предоставляют злоумышленникам реквизиты банковских карт, конфиденциальную информацию, а также паспортные данные, позволяющие провести идентификацию и совершить хищение денежных средств. Более того, как показыва-

¹ Выступление министра внутренних дел В. А. Колокольцева на заседании Коллегии МВД России 26 февраля 2020 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения: 04.03.2020).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.пф/reports/item/-19412450/> (дата обращения: 10.03.2020).

ет практика, далеко не единичны случаи, когда мошенническим путем осуществляется не только завладение денежными средствами, находящимися на счетах граждан, но последние или их идентификационная информация используются для получения кредитных средств, переходящих в распоряжение мошенников.

Важным аспектом, затрудняющим последующее доказывание дистанционного мошенничества, является непосредственное участие жертвы в частичной реализации способа преступления, как добровольно, будучи введенным в заблуждение, так и против воли, — с использованием психологического воздействия, методики НЛП.

Элементами привлекательности для преступников, помимо отсутствия непосредственного контакта с потерпевшим, выступают: высокий уровень прибыли, краткосрочность контакта и неограниченное их количество, низкая активность потерпевших по взаимодействию с правоохранительными органами в силу стыда, нежелания обнаружить собственную вину, неграмотность и внушаемость. Не случайно одними из первых привлекательность данного способа отметили осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы [1].

Представляет интерес механизм слеодообразования дистанционного мошенничества. Превалирующим в данном случае, в виду специфики способа преступления, будет наличие информационных или цифровых следов. И важно в этой связи, что их локализация осуществляется не в конкретном месте (например, местонахождение преступника), а по пути прохождения всего информационного взаимодействия (сигнала), что позволяет правоохранительным органам осуществлять их выявление и фиксацию. Однако сложность работы с такими следами и необходимость специальной подготовки субъектов очевидна.

В современных условиях повышение эффективности борьбы с преступностью настоятельно требует не только целенаправленного совершенствования норм уголовного и уголовно-процессуального закона, но и совершенствования механизмов их практического применения, и, в частности, криминалистического обеспечения. Анализ данных открытых источников о результатах расследования уголовных дел рассматриваемой категории позволил выявить ряд проблем, негативно влияющих на эффективность установления лиц, совершивших преступления, и, как следствие, препятствующих своевременному направлению дел в суд. Остановимся лишь на некоторых из них, имеющих существенное значение в аспекте совершенствования криминалистического обеспечения.

Во-первых, длительность получения правоохранительными органами из компаний сотовой связи криминалистически значимой информации, имеющей доказательственное значение по уголовным делам (например, сведений о биллинге, движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров и др.), т. к. в большинстве случаев лица, на чьи счета переводят-

ся похищенные деньги, зарегистрированы в иных субъектах Российской Федерации.

Во-вторых, использование для совершения таких преступлений sim-карт и банковских карт, оформленных на третьих лиц, а также частая смена лицами, совершающими рассматриваемые деяния, мобильных телефонов и абонентских номеров.

В-третьих, проблемы, связанные с идентификацией пользователей, управлением информационно-телекоммуникационной средой, в том числе предопределенные активным распространением средств сокрытия идентификационной информации пользователей сети «Интернет», доминированием иностранных аппаратных и программных средств, элементной базы, IP-адресов, серверов и ресурсов, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации, что практически полностью исключает возможность получения криминалистически значимой информации (например, серверы электронных почтовых ящиков @google.com, @yahoo.com, @aol.com находятся исключительно на территории Соединенных Штатов Америки).

В-четвертых, отсутствие механизма блокирования вредоносного программного обеспечения для операционных систем мобильных устройств, используемого в целях хищения денежных средств со счетов через услугу «Мобильный банк».

В-пятых, необходимость систематизации в рамках единой базы данных информации о зарегистрированных мошенничествах, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также создания автоматизированных систем мониторинга сети «Интернет», в частности, значимых в криминалистическом аспекте информационных систем поиска по метаданным.

Необходимость решения названных проблем, на наш взгляд, обуславливает потребность в научном осмыслении и выработке новых подходов в борьбе с преступной деятельностью, которая все больше «погружается» в цифровую среду, формировании и совершенствовании методических основ её выявления, расследования и профилактики. Однако по разным причинам данный процесс проходит крайне медленно и бессистемно. Уголовные дела, более чем по половине установленных фактов мошенничества, приостанавливаются ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Показатель раскрываемости таких преступлений по итогам 2019 г. в каждом седьмом регионе страны не превышает 20 %¹.

На таком тревожном фоне становится в полной мере очевидным доминирующий феномен криминалистики, призванной содействовать своими научными разработками борьбе с новыми видами преступлений, к коим, безус-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2019 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/-19412450/> (дата обращения: 04.03.2020).

ловно, следует отнести преступные деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Думается, такое содействие будет эффективно только в том случае, если криминалистические методы, средства и рекомендации будут не только разработаны, но и внедрены в практику деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а вместе с тем освоены на профессиональном уровне субъектами этой деятельности. Очевидно и то, что в этих целях должны быть созданы максимально благоприятные, во всех отношениях сбалансированные правовые, организационные, материальные и иные условия, составляющие суть общей задачи криминалистического обеспечения борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений основательно представлены в трудах профессора А. Ф. Волынского. Подчеркивая актуальность научной разработки проблем, существующих в этой области, он определяет криминалистическое обеспечение как систему действий, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов в раскрытии и расследовании преступлений [2, с. 43].

Совершенно прав А. Ф. Волынский, указывая, что с содержательной точки зрения криминалистическое обеспечение надлежит структурировать с учетом предмета и направленности деятельности, связанной с разработкой, внедрением и использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций в практике раскрытия и расследования преступлений [2, с. 65]. На наш взгляд, применительно к рассматриваемой проблематике подобная структура должна объединять наиболее актуальные направления, в числе которых: правовое, организационное, научно-техническое и учебно-методическое обеспечение.

Рассмотрим лишь некоторые проблемные вопросы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, оказывающих негативное влияние на эффективность расследования рассматриваемой категории преступлений.

Важнейшее место в структуре криминалистического обеспечения занимает *правовое обеспечение*. Безусловно, самые совершенные, научно-обоснованные криминалистические рекомендации останутся лишь достоянием разработчиков, если их применение не допускается или его порядок не определен уголовно-процессуальным законом. Истории известно немало фактов, когда научные разработки именно по этой причине десятилетиями не внедрялись в практику раскрытия и расследования преступлений, хотя в зарубежных странах соответствующие методы и средства довольно эффективно использовались в аналогичных целях.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен рядом норм, а именно — пунк-

том «г» части 3 статьи 158 (кража с банковского счета, а равно электронных денежных средств) и пунктом «в» части 3 статьи 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств) [3].

Изучение следственной практики по делам рассматриваемой категории свидетельствует об определенных сложностях, возникающих у практических работников в применении данных норм. Несмотря на разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48, в данных нормах не учитывается конкретный способ хищения денежных средств с банковских счетов, что, в свою очередь, вызывает различия в трактовке со стороны следствия, органов прокуратуры и суда. В результате хищение денежных средств, совершенное с банковской карты при помощи банкомата, квалифицируется по разным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так, органами прокуратуры Республики Карелия поддерживается квалификация по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ. Тогда как прокуратура Красноярского края указывает на то, что применение данной нормы возможно только при хищении безналичных денежных средств, совершенном путем их перевода в рамках применения форм безналичных расчетов, а хищение с использованием банкомата должно трактоваться как обычная кража. Схожего мнения придерживается прокуратура Алтайского края, которая в актах прокурорского реагирования указывает на то, что, в соответствии с пояснительной запиской к Федеральному закону от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ, отличительной чертой таковых преступлений является их совершение методом социальной инженерии, т. е. использованием несанкционированного доступа к информации или системам хранения (интернет-мошенничество, хакерские атаки и т. п.), путем удаленного доступа к банковскому счету, при помощи технических средств и сети «Интернет».

Кроме того, при введении вышеназванных норм законодателем не решен вопрос и о сумме причиненного ущерба, что порождает полемику органов следствия и прокуратуры о применении части 2 статьи 14 УК РФ в отношении малозначительности преступного деяния при хищении на сумму менее 2500 руб.¹.

Организационное обеспечение выступает в качестве узлового элемента механизма реализации правовых предписаний по внедрению в практику и использованию криминалистических средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений. Традиционно оно предполагает системный комплексный подход к изучению соответствующих потребностей, научно-технических и материальных возможностей их удовлетворения, организации внедрения и использования.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23.04.2018 №111-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения: 12.03.2020).

Результаты анализа практики раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, позволяют говорить об отсутствии эффективных механизмов получения органами внутренних дел криминалистически значимой информации в электронном виде от кредитных организаций, интернет-провайдеров, операторов связи и интернет-сервисов, в том числе социальных сетей.

В этой связи видится востребованной система электронного документооборота с ведущими кредитными учреждениями и операторами сотовой связи, с возможностью получения информации по территории всех субъектов Российской Федерации. Реализация данной меры самым эффективным образом скажется на процессе раскрытия и расследования преступлений рассматриваемой категории, т. к. правоохранительные органы получат возможность доступа к криминалистически значимой информации, имеющей ключевое значение для изобличения виновных лиц в режиме «реального времени».

Научно-техническое обеспечение самым непосредственным образом связано с научно-техническим прогрессом, достижениями естественных и технических наук, и именно в аспекте раскрытия и расследования дистанционного мошенничества, при совершении которого используются подчас самые совершенные цифровые технологии и возможности глобальных информационных сетей, особенно важно, чтобы оно было адекватно развитию НТП.

Довольно остро в этом контексте стоит вопрос уровня информационного и информационно-технического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако, как показывает практика, использование современных баз данных (агрегаторов, позволяющих проанализировать большие массивы информации, в том числе персональные данные) — «Палантир», «Осирис», «Шерлок», «Псков» и ряда других — для раскрытия интернет-преступлений представляется неэффективным. Для их качественного функционирования важны колоссальные вычислительные мощности и серьезный штат сотрудников-профессионалов (техников, программистов, аналитиков). Кроме того, существенным образом затрудняет раскрытие и расследование рассматриваемого вида преступлений то, что агрегаторы информации собирают сведения, которые привязаны к идентификаторам персональных данных пользователя, а не устройств, используемых злоумышленниками. Решение сложившейся проблемы в России, по мнению ряда специалистов, лежит в плоскости создания криминалистического учета и идентификации на основе электронно-цифрового следа различных гаджетов. Каждое устройство можно идентифицировать по трем десяткам параметров, что позволяет определить конкретный гаджет или компьютер с высокой точностью¹. В этом случае совпадение электронно-цифрового следа, выяв-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ленного при совершении преступления, будет существенно упрощать установление личности пользователя. Представляется, что вопрос о централизованном сборе и анализе электронно-цифрового следа в криминалистических целях имеет весьма перспективное значение, поскольку, по прогнозам экспертов, в ближайшие два года наиболее подверженными атакам окажутся, как раз, большие данные (Big Data) — до 70 %, — это новая «нефть», новая бизнес-модель, новая возможность создавать продукты и услуги [4]. И тенденции распространения цифровых технологий свидетельствуют о том, что риски будут только возрастать.

В этой связи следует отметить важность создания в рамках федерального проекта «Информационная безопасность», и совершенствования организации работы отраслевого центра государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА), а также киберполигона для обучения специалистов в этой области. Концепция ГосСОПКА была утверждена указом Президента РФ № К 1274 от 12.12.2014 «О концепции ГосСОПКА». В 2017—2018 гг. в ФСБ России было создано ядро системы, а в 2018 г. сформировано подразделение для координации деятельности субъектов критической информационной инфраструктуры по вопросам обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак — Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам — НКЦКИ и началось подключение субъектов.

Практически необходимым и целесообразным видится расширение и использование возможностей работы подсистемы ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество», администратором которой является ГИАЦ МВД России, предназначенной для сбора, систематизации, обработки и анализа сведений, собираемых в рамках расследования уголовных дел по преступлениям, совершенным дистанционным способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологии. Подсистема ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество» позволяет накапливать и сопоставлять в автоматизированном режиме следующую информацию:

— данные о номере, зарегистрированном в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП), номере уголовного дела, фабуле преступления, способе совершения, сумме причиненного ущерба, решении по материалу проверки сообщения о преступлении или уголовному делу, а также сведения о территориальном органе МВД России регионального и районного уровней, в котором зарегистрировано сообщение о происшествии (преступлении) либо расследуется уголовное дело.

— идентификационные данные средств связи, используемые при совершении преступления: международный идентификатор мобильного абонента (IMSI) и международный идентификатор мобильного оборудования (IMEI);

— номера банковских карт и банковских счетов, используемые при совершении преступления;

- установочные данные лиц, зафиксированные в материалах проверки сообщения о происшествиях (преступлениях) или уголовного дела, используемые ими документы, удостоверяющие личность;
- наименование и ИНН организации, зафиксированные в материалах проверки сообщения о происшествиях (преступлениях) или уголовного дела;
- данные интернет-ресурсов (адреса сайтов, IP-адреса, адреса электронной почты), используемые при совершении преступлений;
- номера «электронных кошельков», используемые при совершении преступлений.

Традиционно учебно-методическое обеспечение предполагает криминалистическую подготовку субъектов расследования преступлений, которая является важнейшим элементом профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. В то же время она по-прежнему во многом остается пока несовершенной, особенно в части формирования у обучающихся навыков и умений практического использования криминалистических методов, средств и рекомендаций, анализа и оценки получаемых при этом результатов, в целом аналитического подхода к организации раскрытия и расследования мошенничеств рассматриваемого вида.

В настоящее время в ряде региональных управлений МВД России численность сотрудников экспертно-криминалистических центров, обладающих специальными познаниями в сфере судебной компьютерно-технической экспертизы, составляет всего от одной до трех штатных единиц. Как следствие, длительность проведения экспертиз подобного вида является одной из основных причин продления процессуальных сроков по уголовным делам указанной категории. Из-за нехватки экспертов, имеющих допуск к их производству, «очередь» доходит до шести месяцев. Заметим, что на это также влияет привлечение экспертов для участия в качестве специалистов при изъятии следователями электронных носителей информации, в соответствии с требованиями статьи 164.1 УПК РФ.

Следует помнить, что одной из наиболее эффективных форм внедрения в практику достижений криминалистики и результатов исследований выступает учебный процесс. И в этой связи, на наш взгляд, все большую актуальность приобретают вопросы совершенствования организации подготовки в интересах органов внутренних дел специалистов, обладающих познаниями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также повышения квалификации сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений по рассматриваемому направлению деятельности.

В качестве позитивного примера такой работы можно привести разработанную Московским университетом МВД России им. В. Я. Кикотя совместно со Следственным департаментом МВД России программу повышения квалификации следователей «Совершенствование деятельности подразделений предварительного следствия органов внутренних дел по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых против собственности». В рамках указанной программы обучение проходят следователи

и руководители территориальных следственных подразделений МВД России на региональном уровне. Обучающие занятия проводятся с участием сотрудников Следственного департамента МВД России, Экспертно-криминалистического центра МВД России, с привлечением специалистов Банка России, ПАО «Сбербанк» и АО «Лаборатория Касперского».

В заключение отметим, что криминалистика не может и не должна брать на себя в полной мере ответственность за результаты правового, организационного и других видов обеспечения использования ее методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Но она, по нашему мнению, ни в коей мере не должна оставаться в стороне, по крайней мере, от процесса формирования общественного мнения о своих достижениях, возможностях и необходимости их практической реализации, о направлениях и формах осуществляемой в этих целях деятельности.

В условиях агрессивных действий криминального лобби только через общественное мнение можно положительно влиять на процесс формирования условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступных деяний в сфере IT-технологий. Все это корреспондируется с социальной функцией криминалистики, во многом определяя содержание общей задачи криминалистического обеспечения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Литвинов Н. Д., Федоров А. Н. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения / Н. Д. Литвинов, А. Н. Федоров // *Journal of Scientific Research Publications*. — 2015. — № 12 (32). — С. 73—80.
2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие / А. Ф. Волынский. — М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2016. — 195 с.
3. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики / А. Ф. Волынский // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2008. — № 3 (6). — С. 64—69.
4. Сидоренко Е. По цифровым следам: в РФ раскрывается лишь четверть киберпреступлений / Е. Сидоренко // *Известия* [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/962966/elena-sidorenko/po-tcifrovym-sledam-v-rf-raskryvaetsia-lish-chetvert-kiberprestuplenii> (дата обращения: 07.04.2020).
5. Каледина А. Ну и гаджеты: россияне стали самой легкой добычей для кибермошенников / А. Каледина // *Известия* [Электронный ресурс]. — URL: <https://iz.ru/897320/anna-kaledina/nu-i-gadzhety-rossiiane-stali-samoi-legkoi-dobychei-dlia-kibermoshennikov> (дата обращения: 07.04.2020).

УДК 340.6

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10031

Марина Леонидовна Дёмина,

преподаватель кафедры

уголовно-процессуального права и криминалистики

Восточно-Сибирского филиала

Российского государственного университета правосудия

ВОЗМОЖНОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье анализируется дискуссионный вопрос о судебно-психологической экспертизе по показаниям участников уголовного судопроизводства. Подчеркивается актуальность и перспективность экспертных исследований показаний участников уголовного судопроизводства. В связи с этим обосновывается целесообразность применения вербальной судебно-психологической экспертизы, рассматриваются её возможности в решении задач, поставленных перед экспертом-психологом следственными органами или судом. Автор придерживается позиции о необходимости обращения к анализу речи с использованием специальных знаний в рамках производства вербальной судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, вербальная судебно-психологическая экспертиза, речевая деятельность, методы психологического исследования, эксперт-психолог.

Marina Leonidovna Dyomina,

Lecturer of the of the Department of

Criminal Procedure Law and Forensic Science

The East-Siberian branch of Russian State University of Law

THE OPPORTUNITIES OF VERBAL FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION

Abstract. The article analyzes a controversial issue of forensic psychological examination according to the participants' statements in criminal proceedings. It stresses the relevance and promising outlook of expert study of participants' evidence. Therefore, the article shows the usefulness of a verbal forensic psychological examination, it discusses the opportunities in meeting the challenges assigned to the psychological experts by investigative authorities or court. The author states that it is necessary to use speech analysis involving special knowledge in the process of verbal forensic psychological examination.

Keywords: forensic examination, forensic psychological examination, verbal forensic psychological examination, speech, methods of psychological research, a psychological expert.

Известно, что некоторые виды судебных экспертиз, такие как криминалистические, психиатрические и др., хорошо разработаны в теории судебной экспертизы и освоены судебной практикой. Наряду с этим в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел нередко возникает необходимость решения качественно новых экспертных задач, которые не имеют в настоящее время должного методического обеспечения. На наш взгляд, это закономерный путь появления и развития новых видов судебной экспертизы. Когда-то и судебно-психологическая экспертиза, начав применяться в системе экспертных учреждений Минюста еще в 1980 г. [1, с. 60], как самостоятельный вид судебной экспертизы была признана лишь в мае 2002 г. на Учёном совете РФЦСЭ при Минюсте России, а юридически утверждена была ещё позднее — в мае 2003 г.¹, что не мешало ей успешно развиваться более двадцати лет без официального её признания.

Судебно-психологическая экспертиза, как и любая судебная экспертиза, назначается в случаях, когда в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел возникает необходимость в проведении конкретных исследований с использованием специальных знаний в психологической науке.

Следует заметить, что с 1980 г. в российской судебной практике стали популярными судебно-психологические экспертизы так называемой психологической достоверности показаний [2, с. 95].

В современных научных исследованиях этот вид судебной экспертизы называется экспертизой по выявлению признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственного действия или оперативного мероприятия), и определяется как исследование, проводимое с соблюдением уголовно-процессуальных норм по поручению следователя (суда) экспертами, сведущими в области психологии лжи и других смежных отраслях знания, и состоящее в исследовании особенностей коммуникативной деятельности участников следственного действия или оперативного мероприятия, зафиксированного на видеозаписи (в том числе особенностей устной речи, вербального и невербального поведения), особенностей эмоционального состояния допрашиваемого (опрашиваемого) в процессе коммуникации [3, с. 87]. Появились методики выявления психологических признаков достоверности (недостоверности) информации, сообщаемой участниками уголовного судопроиз-

¹ Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: приказ Министерства юстиции Рос. Федерации № 114 от 14 мая 2003 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — № 24 — 2003.

водства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) [4, с. 9].

Между тем в науке развернулась полемика, сложились разные взгляды на судебно-психологическую экспертизу по выявлению признаков достоверности (недостоверности) показаний участников уголовного процесса, в том числе и категорически отрицающие такую принципиальную возможность. Сообщество учёных, так или иначе касающихся этой сферы, не может оставить без внимания направление указанных исследований, равно как и допустить научно необоснованные методы производства экспертизы.

Важно отметить, что в 2016 г. в связи с возрастающим числом назначений судебно-психологической экспертизы достоверности показаний по видеозаписям следственных действий научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и ФГБУ «ФМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России было подготовлено информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показания путем судебной экспертизы», адресованное следователям, судьям, прокурорам, руководителям федеральных бюджетных учреждений Минюста России, судебным психологам [5, с. 61] с критикой о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы. Кроме того, в письме отражено, что дальнейшие исследования в этой сфере необходимы.

Вместе с тем остаются нерешенными вопросы относительно методологии таких экспертных исследований и методов, которые заимствуются преимущественно из зарубежных работ без критического анализа их теоретических и эмпирических оснований, проверки валидности и эффективности, соответствующей адаптации к реалиям российской экспертной практики [6, с. 48].

На страницах научной литературы обоснованно отмечается, что против использования «признаков достоверности» в рамках экспертизы выступали первые зарубежные разработчики методов оценки показаний (Г. Кёнкен, О. Фрай (Vrij. A) и др.) [7], [8]. Так, они отмечали, что точность дифференциации воспроизведения достоверных или недостоверных показаний хотя и составляет от 70 до 90 %, однако этого недостаточно для принятия однозначного экспертного решения, тем более если оно имеет инкриминирующее значение. Более того, немецкие исследователи выступают против применения в экспертных целях анализа невербальных признаков «достоверности» информации. Так, Г. Кёнкен называет мифом утверждения о том, что особенности поведения лгущего отличают его от говорящего правду, представляя убедительные данные о том, что успешность такой дифференциации не отличается от случайной. Как известно, данные П. Экмана [9] о микровыражениях лица также к настоящему времени не имеют эмпирического подтверждения. В связи с этим также считаем преждевременным включать в экспертное исследование анализ невербального поведения.

Учитывая то, что оценка показаний допрашиваемых по уголовным делам лиц (потерпевших, свидетелей, обвиняемых) — это исключительная прерогатива государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, прибегать к помощи специалиста для разъяснения вопросов, требующих специальных знаний, законом не запрещено.

Кроме того, анализ литературы по данной проблематике показал, что отмечаются положительные тенденции организационного и методологического развития института судебно-психологической экспертизы в целом [10, с. 68], в том числе и её нетрадиционных видов: экспертизы психологических воздействий, экспертизы информационных материалов и т. д.

Обсуждая вопрос об экспертизе показаний, подчеркнём, что, бесспорно, категория «достоверность» является юридической, а введённое в оборот понятие «психологическая достоверность» [11, с. 62] не решает проблем границ компетенции между юристами и психологами. В свою очередь, если эксперт-психолог не решает вопрос о достоверности показаний, а только выявляет признаки правдивости или неправдивости показаний, помогающие уполномоченными на то лицами принять решение, то с процессуальной точки зрения такие исследования вполне правомерны и вовсе не означают, что следователь или судья перекладывает свои полномочия на плечи эксперта [12, с. 75].

В свою очередь, поиск синонимов термина (например, «надёжность») может в некоторой степени решить вопрос о границах используемых категорий и позволит начать поиск предмета психологического исследования. Под термином «надёжность» принято понимать способность объекта правильно функционировать в связи со своим назначением, а также это количественная характеристика одного или нескольких свойств объекта. Психологическая надёжность объекта судебно-психологической экспертизы (психической деятельности человека) — это способность правильно отражать окружающую действительность. Так или иначе, надёжность лежит в основе любого психиатрического диагноза или вывода психолога по конкретному психологическому свойству личности. Надёжность может быть психологическим компонентом правовой категории «достоверность», которая, в свою очередь, не может и не должна исчерпываться им. К психологическим признакам надёжности показаний могут быть отнесены: способность лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания; установка и стремление давать правдивые показания; отсутствие искажений в интерпретации юридически значимого события, а также особенности поведения, эмоционального состояния, смыслового аспекта высказываний, не противоречащих психологической природе вещей и личностным особенностям допрашиваемого [13, с. 63].

Отметим, что экспертные исследования показаний участников уголовного судопроизводства — это сложная область экспертной практики, требующая, в свою очередь, от экспертов-психологов, профессионализма и особой ответственности. Учитывая современную потребность судебной практики в данном виде судебно-психологической экспертизы, представляется целесообразным рассмотреть некоторые её аспекты.

Производятся данные экспертизы, в основном негосударственными экспертными учреждениями или частнопрактикующими психологами, привлекаемыми в качестве экспертов. В государственных учреждениях Министерства здравоохранения Российской Федерации данные экспертизы не производятся.

При производстве вербальной судебно-психологической экспертизы экспертные исследования производятся по видеозаписям следственных действий (допросов, проверок показаний на месте и др.), в том числе (при их наличии) фонограммы, с обязательным исследованием предоставленных материалов уголовного дела.

Важно понимать, что задача экспертов-психологов — это не исследование показаний, а исследование психической деятельности того или иного участника уголовного судопроизводства, обладающего определенными психическими качествами [14, с. 147]. Кроме того, смысловое содержание показаний на предмет их достоверности специальному анализу при производстве вербальной судебно-психологической экспертизе не подвергается.

Известно, что речевая деятельность участников уголовного судопроизводства, как правило, рассматривается с позиции получения доказательственных фактов. Речь свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого, оформленная в протоколах следственных действий как показания, становится в дальнейшем одним из доказательств по уголовному делу.

Актуальность исследования речевой деятельности в целях использования его результатов в правоприменительной практике обусловлена в первую очередь тем обстоятельством, что внутренняя, психологическая сущность речи вниманием юристов не охвачена, а является прерогативой психологов.

Также можно отметить, что исследование речи допрашиваемых связано в основном с изучением особенностей протекания психических познавательных процессов, прежде всего памяти и мышления, а также индивидуально-психологических особенностей, отражённых в их речи.

Считаем, что одним из немаловажных аргументов в пользу необходимости пристального внимания к речи, как основе показаний, следует отнести и то, что участник уголовного судопроизводства, дающий показания о юридически значимом событии, может не обращаться к личному опыту, он может получить его от других, что существенно усложняет процесс оценки показаний на предмет их достоверности юристами. Стоит отметить, что наибольшую сложность представляют собой показания несовершеннолетних

участников уголовного судопроизводства, т. к. речевые высказывания детей, особенно дошкольников, требуют правильной «интерпретации», основанной на хорошем знании особенностей детской речи.

Полагаем, что речевую деятельность (процесс формирования мысли посредством языка или психического отражения действительности) следует рассматривать как самостоятельный психологический предмет анализа в рамках производства вербальной судебно-психологической экспертизы.

При назначении вербальной судебно-психологической экспертизы важно понимать и то, что существующие методы анализа речевой деятельности не являются психометрическими тестами, а представляют собой процедуру генерирования и проверки гипотез относительно происхождения утверждений. Поэтому выводы психологов в связи с анализом речи могут быть только вероятностными [14, с. 146].

На разрешение вербальной судебно-психологической экспертизы, например, ставят такие вопросы: «Имеются ли признаки надёжности или ненадёжности в показаниях допрашиваемого?», «Имеются ли признаки заученности или подготовленности речевого текста?» и др.

Так, при психологическом исследовании показаний по видеозаписям следственных действий и материалам уголовного дела в рамках вербальной судебно-психологической экспертизы применяются следующие методы: аудивное и визуальное исследование представленных на экспертизу видеозаписей следственных действий (поведенческие функции, психическое состояние, особенности поведения, вербальные характеристики), логический метод, психолингвистический метод (психолингвистика текста и речевой деятельности), психостилистический метод (культура речи), а также контекстологический анализ стенограммы видеозаписей следственных действий. Методологической основой выступают: совокупность сравнительного анализа, абстрактно-логического, индуктивного и дедуктивного методов.

Эксперт-психолог при производстве вербальной судебно-психологической экспертизы не может выходить за пределы своей компетенции. Во-первых, он имеет право говорить только о тех или иных признаках явления, а не о самом явлении. Во-вторых, по причине специфики предмета своей профессиональной деятельности эксперт-психолог может высказывать суждение только о психологических признаках явления. В-третьих, для обеспечения гарантий объективности экспертного заключения и неоказания психологического воздействия на внутреннее убеждение следователя или суда, в экспертизе должны быть представлены одновременно как выводы о психологических признаках надёжности, так и ненадёжности показаний допрашиваемого. В-четвертых, выводы о психологических признаках надёжности (ненадёжности) показаний допрашиваемого не должны формулироваться в отношении всего текста его показаний (по всем материалам уголовного дела), а должны

конкретизироваться относительно конкретных тематических фрагментов (сегментов речи).

Итак, на наш взгляд, изложенные психологические экспертные критерии позволяют существенно повысить эффективность психологического исследования психической деятельности, поведения (в том числе речевого поведения) лица в юридически значимой ситуации (запечатленного на видеозаписи следственного действия либо оперативно-розыскного мероприятия) при проведении вербальной судебно-психологической экспертизы. Научная обоснованность и комплексное использование различных экспертных методов, связанных с выявлением вербальных признаков надёжности показаний, при производстве данной экспертизы позволяют существенно оптимизировать её процесс, обеспечить высокий уровень её объективности, ясности, психологической надёжности экспертных выводов.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что вербальная судебно-психологическая экспертиза — это новое направление использования специальных психологических знаний, связанных с оценкой психологической «надёжности» показаний, исследованием речевой деятельности участников уголовного судопроизводства с привлечением специалистов (психологов), обладающих специальными познаниями.

Очевидно и то, что судебно-психологические экспертизы в целом имеют большое значение в расследовании и раскрытии преступлений, и их развитие необходимо для более эффективного использования в судопроизводстве [2, с. 97].

Считаем, что в области судебно-психологической науки, как и в иных областях научного знания, необходимо стремиться к воплощению требований фиксированного содержания научных терминов, понятий и категорий, единообразию и однозначности понятийно-категориального аппарата, его точности, устойчивости, четкости, взаимосвязи и непротиворечивости, а в целом — системности.

Обобщая сказанное выше, можно прийти к выводу о том, что дальнейшие исследования в этой сфере необходимы, однако назначать или не назначать подобные экспертизы, проводить их или отказываться от проведения — на настоящий момент вопрос субъективной убежденности инициатора судебной экспертизы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Жакова Т. М. Развитие судебно-психологической экспертизы в системе СЭУ Минюста России: достижения и перспективы / Т. М. Жакова, С. С. Шипшин // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тез. участников всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. — М.: Изд-во МГППУ, 2010. — С. 60—62.
2. Моисеева Т. Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы / Т. Ф. Моисеева // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 1. — С. 95—98.

3. *Енгальчев В. Ф.* Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): моногр. / В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, Е. Н. Холопова. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 328 с.

4. *Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий):* науч.-практ. пособ. / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгальчев, Г. К. Кравцова, В. И. Седин, Е. Н. Холопова. — М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, Академия СК России. — 2017. — 130 с.

5. *О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы:* информационное письмо: утв. Науч.-метод. советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016), Учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016) // Психология и право. — 2016. — Т. 6. — № 3. — С. 61—78.

6. *Дозорцева Е. Г.* Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних / Е. Г. Дозорцева, А. Г. Афанасьева // Современная зарубежная психология. — 2015. — Т. 4. — № 3. — С. 47—56.

7. *Kohnken G.* Statement Validity Analysis and the detection of the truth / In P.A. Granhag, L. A. Stromwall (Eds.) The detection of deception in forensic context. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. — P. 41—63.

8. *Vrij A.* Criteriabased content analysis a qualitative review of the first 37 Studies // Psychology, Public Policy and Law, 2005. — Vol. 11 (1). — P. 3—41.

9. *Экман П.* [Ekman P.] Психология лжи / пер. с англ. Н. Исуповой и др. — СПб: Питер, 2015. — С. 216—218.

10. *Ильина В. А.* Реализация принципов судебно-психологической экспертологии / В. А. Ильина // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тез. участников всерос. конф. по юрид. психологии с междунар. участием. — М.: Изд-во МГППУ, 2016. — С. 68—70.

11. *Ситковская О. Д.* Психология свидетельских показаний: науч.-метод. пособ. / О. Д. Ситковская. — М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. — 2007. — 84 с.

12. *Моисеева Т. Ф.* Проблема правового регулирования проведения судебно-психологических исследований по выявлению признаков достоверности показаний / Т. Ф. Моисеева // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные следования видеозаписей: сб. науч. ст. — М.: Изд-во РГУП, 2017. — С. 74—77.

13. *Ильина В. А.* Судебно-психологическая экспертиза по показаниям участников уголовного судопроизводства / В. А. Ильина // Законность. — 2018. — № 8. — С. 60—63.

14. *Ильина В. А.* Использование методов психологии при анализе речевой деятельности участников уголовного судопроизводства: учеб. пособ. / В. А. Ильина. — Иркутск: Изд-во Ирк. Юрид. ин-та (филиала) Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2017. — 161 с.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10032

Евгений Владимирович Зубенко,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Владивостокского филиала

Дальневосточного юридического института МВД России,

кандидат юридических наук;

Эдуард Владимирович Лантух,

начальник кафедры судебно-экспертной деятельности

Санкт-Петербургского университета МВД России,

кандидат юридических наук, доцент;

Сергей Николаевич Сериков,

старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки

Восточно-Сибирского института МВД России

О СОСТОЯНИИ И ДАЛЬНЕЙШИХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В настоящей статье дается анализ имеющихся диссертационных исследований, как защищенных, так и зарегистрированных в области расследования дорожно-транспортных преступлений. Авторами предлагается классификация таких исследований по методикам расследования; тактике проведения отдельных следственных действий; особенностям организации расследования; особенностям использования специальных знаний. Кроме того, предлагается создание укрупненной методики расследования исследуемых преступлений.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, методика расследования преступлений, транспортное средство, водитель, пешеход, расследование.

Evgeny Vladimirovich Zubenko,

senior lecturer at the Department of General legal disciplines of the
Vladivostok branch of the Far East Institute of the MIA of the Russia,
Candidate of Law;

Eduard Vladimirovich Lantukh,

head of the Department of forensic science
of Saint Petersburg University of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor;

Sergei Nikolaevich Serikov,

senior lecturer of the Department of special tactics and firearms training
East Siberian Institute of the MIA of the Russia

ON THE STATUS AND FUTURE PROSPECTS OF RESEARCH RELATED TO THE INVESTIGATION OF TRAFFIC OFFENCES

Abstract. This article analyzes the available dissertations, both defended and registered in the investigation of traffic offences. The author suggest a classification

of such research according to investigation methods, tactics of individual investigative actions, features of the organization of the investigation; features of the use of special knowledge. In addition, it is proposed to create investigative techniques of crimes under study.

Keywords: traffic offences, methods of crime investigation, vehicle, driver, pedestrian, investigation.

В криминалистической научной и учебной литературе пробелам обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств уделяется достаточного внимания, и этому обстоятельству есть веские причины. Таковыми являются значительное число совершаемых преступлений, тяжесть их последствий в виде людских жертв, причинения вреда здоровью, имуществу. Так, в 2019 г. в нашей стране было зарегистрировано 2024337 преступлений, из них: 19618 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств); 68035 преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию); 8 преступлений, предусмотренных ст. 266 УК РФ (недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями); 87 преступлений, предусмотренных ст. 268 УК РФ (нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта). Таким образом, на долю вышеобозначенных дорожно-транспортных преступлений приходится 4,3 % от общего количества преступлений, что является довольно высоким статистическим показателем для любой группы преступлений.

В ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России, состоявшегося 26 февраля 2020 г., Президент России В. В. Путин определил одним из первых направлений деятельности органов внутренних дел обеспечение безопасности дорожного движения¹, что, как мы видим, показывает важность решения обозначенной проблемы и озабоченность ею со стороны высшего руководства страны.

Качественное осуществление безопасности дорожного движения в органах внутренних дел включает в себя целый комплекс действий не только в лице Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, которая осуществляет федеральный государственный надзор в данной сфере деятельности, но и важная роль здесь отводится следственным органам и органам дознания МВД России, расследующих дорожно-транспортные преступления. При этом в специальной литературе, посвященной проблемам борьбы с дорожно-

¹ Текст выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. // [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru>. (дата обращения: 17.04.2020).

транспортными преступлениями, на сегодняшний момент накопились исследования, затрагивающие те или иные аспекты расследования, квалификации деяний, профилактики и т. д. Попытаемся на страницах данной работы принять попытку систематизации имеющихся, прежде всего, диссертационных исследований по отмеченной проблематике.

Нами был проведен анализ диссертационных исследований, касающихся проблем обеспечения расследования дорожно-транспортных преступлений (далее — ДТП) за последние 10 лет (с 2010 г.). Было установлено, что за указанный временной промежуток была защищена 21 диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, «докторских диссертаций» представлено не было. Мы включили диссертации не только по криминалистике, но и по тем научным специальностям, без которых невозможно осуществление полноценного расследования и которые всегда являются определенной базой для дальнейших криминалистических исследований. Прежде всего, это исследования в области уголовного права и криминологии, с них и начнем наш разговор.

В качестве предмета исследования в них выступают соответствующие уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершение ДТП и рассматриваются вопросы квалификации: Комарикова С. А. «Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ)» (2018); Аюпова Г. Ш. «Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (2019); Семенов В. Р. «Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» (2013). Также исследования могут касаться проблем предупреждения преступлений со стороны определенных субъектов, например: Соляной А. В. «Предупреждение дорожно-транспортных преступлений» (2011 г.), Добренков А. И. «Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними» (2019).

В сфере уголовного права и криминологии исследования ДТП идут в традиционной форме, рассматриваются вопросы квалификации деяний, профилактики как общей, так и в отношении конкретных участников дорожного движения (водители, пешеходы), учитываются их возрастные особенности (например, несовершеннолетние, как было указано выше).

По криминалистике и судебной экспертизе за рассматриваемый период было успешно проведено и закончено 16 диссертационных исследований. В работах рассматривались особенности: расследования определенных видов ДТП; расследования преступлений, связанных с последствиями ДТП; участия специалистов и использовании специальных знаний; проведения экспертных исследований.

Механизм ДТП, как известно, сложен и представляет собой взаимодействие нескольких сред: «водитель» — «автомобиль» — «дорога», сюда для полноты картины можно добавить «окружающую обстановку» и «дорожную

инфраструктуру». Все это влияет на обстоятельства совершения ДТП, действия водителя и на последствия аварии. Любое ДТП и его расследование уникальны, но в то же время имеют свои закономерности, которые ученые пытаются выявлять и исследовать в своих диссертационных работах. Действительно, расследование наезда на пешехода или столкновения транспортных средств обнаруживают существенные отличия в механизме преступления, проведении следственных действий, сборе доказательственной информации и т. д. Поэтому объясним широкий спектр проводимых исследований по рассматриваемому нами виду преступлений.

Приведем перечень таких исследований, предварительно сгруппировав его на соответствующие виды:

1. По видам ДТП (традиционно их разделяют на столкновение; опрокидывание; наезд на стоящее транспортное средство; наезд на препятствие; наезд на пешехода; наезд на велосипедиста; наезд на гужевой транспорт; падение пассажира; иной вид ДТП): Владимиров С. В. «Расследование наезда транспортного средства на пешехода» (2011); Моховая Т. А. Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения» (2016); Латыпова К. С. «Особенности методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, связанных с наездами на пешеходов» (2017).

2. По видам транспортных средств, участвующих в ДТП и особенностям лиц, управляющих транспортными средствами: Ващенко Б. М. «Особенности расследования преступлений в сфере нарушения безопасности междугородних пассажирских автоперевозок» (2019); Попов Е. А. «Расследование дорожно-транспортных преступлений, совершенных с участием большегрузных автомобилей» (2018); Тарасова В. И. «Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных лицами, управляющими маршрутными транспортными средствами» (2019).

3. По преступным последствиям ДТП (где ДТП явилось причиной совершенного преступления или его результатом): Зубенко Е. В. «Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, сопряженных с оставлением потерпевших в опасности» (2012).

4. По взаимодействию со специалистами и использованию специальных знаний в расследовании: Демидова Т. В. «Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений» (2010); Семенов С. Ю. «Повышение объективности дорожно-транспортной экспертизы происшествий, связанных с наездом автомобиля на пешехода в возрасте от 3 до 17 лет» (2010); Гайнельзянова В. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (2012); Хачатрян Э. Д. «Проблемы экспертных исследований при расследовании нарушений правил дорож-

ного движения» (2012); Сафонов Г. И. «Тактика назначения судебной автотехнической экспертизы и использования ее результатов в процессе доказывания» (2017); Беляев М. В. «Трасологическая диагностика по делам о дорожно-транспортных происшествиях» (2016); Дудниченко А. Н. «Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (2019).

В данной группе исследований целесообразно выделить подгруппу, касающуюся объектов исследования экспертами (специалистами): Вдовина О. П. «Теория и практика использования микрообъектов в расследовании дорожно-транспортных преступлений» (2016); Сыромля Л. Б. «Предварительное исследование материальных следов на месте дорожно-транспортного происшествия» (2017).

Отдельно необходимо отметить исследования, посвященные проблемам проведения технических экспертиз, осуществляемым в рамках других наук (неюридических): Степина П. А. «Разработка методики совершенствования автотехнической экспертизы дорожно-транспортных происшествий» (2010); Подопригора Н. В. «Методика определения параметров процесса торможения автотранспортных средств при реконструкции и экспертизе дорожно-транспортных происшествий» (2013); Евтюков С. С. «Оценка скорости транспортных средств при проведении дорожно-транспортных экспертиз» (2014).

Принимая во внимание важность и актуальность перечисленных выше научных работ, следует раскрыть еще один немаловажный аспект, а именно существующие направления деятельности и те исследования, которыми занимаются ученые-диссертанты в настоящее время по нашей тематике. Так, особую популярность вызывает тема, касающаяся уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию. Данная тематика диссертационного исследования была зарегистрирована у трех соискателей, соответственно, из Московского университета МВД России (зарегистрирована 18.12.2018), Сибирского юридического института МВД России (зарегистрирована 31.10.2018) и Восточно-Сибирского института МВД России (зарегистрирована 29.11.2017)¹.

Проводимые криминалистические исследования также включаются в предложенную нами классификацию. По видам ДТП исследования не зарегистрированы. По видам транспортных средств, участвующих в ДТП и особенностям лиц, управляющих транспортными средствами можно выделить такие темы, как: «Расследование преступлений в сфере нарушений дорожного движения и эксплуатации автомобильного транспорта, осуществ-

¹ Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Вып. № 1
Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Вып. № 17. — М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2018. — С. 84.

ляющего регулярные пассажирские перевозки», проводимое в Волгоградской академии МВД России (зарегистрирована 28.12.2016), «Совершенствование методики расследования и криминалистического предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием междугородних пассажирских автобусов» — Восточно-Сибирский институт МВД России (зарегистрирована 30.11.2016)¹. Как видим, проблема расследования ДТП, совершаемых при осуществлении пассажирских перевозок, имеет повышенный интерес среди ученых, это объясняется, к сожалению, часто встречающимися на практике подобными происшествиями, которые заканчиваются большим количеством жертв (например, ДТП, произошедшее 4 декабря 2016 г. под Ханты-Мансийском, где погибло 12 человек и 21 пострадал). Здесь возникают и исследуются вопросы не только нарушений правил дорожного движения со стороны водителя пассажирского автобуса, а также его криминалистические характеристики, но и условия перевозки, эксплуатации автобуса, его выпуска по маршруту перевозки, выполнение условий сопровождения перевозки и т. д.

По преступным последствиям ДТП здесь уместно выделить исследования, зарегистрированные в Омской академии МВД России на тему: «Расследование дорожно-транспортных преступлений, с места происшествия которых водители скрылись» (22.12.2016) и в Краснодарском университете МВД России — «Разоблачение инсценировок при расследовании дорожно-транспортных происшествий» (21.12.2016)².

По вопросу, касающемуся объектов исследования, экспертами (специалистами) проводятся работы по темам: «Использование технических средств и информационных технологий при установлении виновного лица, скрывшегося с места дорожно-транспортного преступления» — Орловский институт МВД России (зарегистрирована 29.01.2016) и «Технико-криминалистические особенности использования цифровых видеоизображений при расследовании дорожно-транспортных происшествий» — Московский университет МВД России (зарегистрирована 18.12.2018)³.

Таким образом, исходя из анализа имеющихся диссертационных исследований в области криминалистики и судебной экспертизы по расследованию дорожно-транспортных преступлений, их классификация и соответствующие направления развития видятся в следующей структуре:

I. Методики расследования:

¹ Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Вып. № 1 Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Выпуск № 17. — М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2018. — С. 114.

² См. там же.

³ Там же. А также: Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Вып. № 1; Бюллетень зарегистрированных тем диссертационных исследований. Вып. № 19. — М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2020. — С. 67.

1. По видам ДТП:
 - а) столкновение;
 - б) опрокидывание;
 - в) наезд на стоящее транспортное средство;
 - г) наезд на препятствие;
 - д) наезд на пешехода;
 - е) наезд на велосипедиста;
 - ж) наезд на гужевой транспорт;
 - з) падение пассажира;
 - и) иной вид ДТП.
 2. По видам транспортных средств, участвующих в ДТП и особенностям лиц, их совершающих:
 - а) по видам транспортных средств:
 - легковые автомобили;
 - мотоциклы и другие средства с малым объемом двигателя или с электродвигателем;
 - большегрузные (большегабаритные) транспортные средства;
 - пассажирские транспортные средства;
 - иные транспортные средства (полагаем, их список будет расширяться в связи с появлением новых средств передвижения по дорогам).
 - б) по особенностям лиц, совершающих ДТП:
 - профессиональные водители;
 - водители, имеющие различный опыт вождения;
 - водители, имеющие различные возрастные критерии и гендерные отличия (мужчина, женщина);
 - иные участники дорожного движения (пешеходы, пассажиры и др.);
 - иные особенности.
 3. По преступным последствиям ДТП (где ДТП явилось причиной совершенного преступления или его результатом):
 - преступные нарушения состояния дорожной инфраструктуры;
 - преступные сокрытия ДТП;
 - преступные инсценировки ДТП с целью получения выгоды;
 - выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, выпуск транспортных средств в эксплуатацию с техническими неисправностями.
 4. По этапам расследования и судебного рассмотрения.
- II. Тактики проведения отдельных следственных действий.
- III. Особенности организации расследования:
1. Выдвижение версий, планирование расследования;
 2. Взаимодействие следователя с участниками расследования;
 3. Криминалистическая профилактика;
 4. Иные особенности.

IV. Особенности использования специальных знаний:

1. Проведение экспертных исследований;
2. Исследование определенных объектов.

Относительно концептуальных криминалистических диссертационных исследований, касающихся нашей тематики, как мы говорили выше, не было защищено и зарегистрировано, целостной системы расследования дорожно-транспортных и сопутствующих им преступлений, объединенных единой сферой дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, в настоящее время не создано. Более двадцати лет назад О. Д. Кимом проводилось подобная работа [1]. Сложившейся практикой в криминалистической науке следует считать создание методик расследования преступлений, обладающих большей степенью общности по отношению к определенным видам преступлений (родовые или укрупненные методики расследования преступлений) [2, 3, 4, 5]. При этом такая методика может послужить теоретической базой для построения новых методик для данного рода преступлений. Поэтому полагаем целесообразным создание подобной укрупненной методики расследования преступлений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которое будет представлять собой концептуальное теоретическое исследование, осмысление имеющихся проблем и формулирование предложений для дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ким О. Д.* Проблемы и пути совершенствования расследования ДТП на основе научных знаний (на материалах следственной и экспертной практики Кыргызстана): дис. ... д-ра юрид. наук / О. Д. Ким. — Бишкек, 1998. — 351 с.
2. *Боровских Р. Н.* Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Н. Боровских. — М., 2018. — 607 с.
3. *Грибунов О. П.* Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. П. Грибунов. — Ростов н/Д., 2016. — 54 с.
4. *Давыдов В. О.* Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: дис. ... д-ра юрид. наук / В. О. Давыдов. — Тула, 2018. — 351 с.
5. *Кулешов Р. В.* Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук / Р. В. Кулешов. — Ростов н/Д., 2017. — 545 с.

УДК 343.985.7

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10033

Екатерина Викторовна Ильина,
старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
Александр Иванович Мелихов,
доцент кафедры
конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что незамедлительное проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления и задержание подозреваемого, тесным образом переплетается с производством неотложных следственных действий. Данная стадия уголовного процесса должна проходить при постоянном взаимодействии между следователем и работниками органа дознания, что способствует полному и быстрому раскрытию преступлений и изобличению подозреваемых в причастности к совершению криминальных деяний.

Ключевые слова: оперативно-розыскное обеспечение; неотложные следственные действия, осмотр места происшествия.

Ekaterina Viktorovna Ilina,
senior lecturer of the Department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the MIA of Russia,
Candidate of Law;
Alexander Ivanovich Melikhov,
Associate Professor of the Department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the MIA of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

INVESTIGATIVE SUPPORT FOR THE PRODUCTION OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS

Abstract. The article claims that the an immediate investigation of the necessary operational search measures aimed at crime detection and detention of a suspect is closely related to the carrying out of urgent investigative actions. This stage of the criminal procedure should take place in constant interaction be-

tween the investigator and the interrogator, which contributes to the full and quick crime detection and suspects' exposure of involvement in the committing a criminal offence.

Keywords: operational search provision; urgent investigative actions, crime scene search.

Несмотря на то что, тема взаимодействия следователя и оперативного сотрудника регулярно обсуждается в научной среде [1, с. 166], практика требует раскрытия новых аспектов такой деятельности. Особую востребованность это взаимодействие приобретает на первоначальном этапе расследования при производстве неотложных следственных действий.

Из анализа содержания ч. 3 и 4 ст. 157 УПК РФ усматривается, что орган дознания вправе сочетать производство неотложных следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями (далее — ОРМ). После передачи дела следователю орган дознания проводит указанные действия только по поручению следователя. Если же до окончания дознания лицо, совершившее преступление, не установлено, орган дознания вправе самостоятельно принимать решение о производстве ОРМ для установления лица, совершившего преступление. Следовательно, основная цель проведения ОРМ — установление личности преступника.

Практика свидетельствует о том, что нельзя разводить оперативно-розыскную и процессуальную деятельность «по разным углам», т. к. это два взаимосвязанных направления правоохранительной деятельности. Взаимосвязь эту профессор В. Т. Томин характеризует следующим предложением: «уголовный процесс без ОРД в большинстве случаев производства по серьезным делам бессилён, оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс — бесплодна» [2].

Наиболее эффективно оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий осуществляется в ситуации, когда уголовное дело возбуждается по материалам проведения негласных ОРМ. Обусловлено это следующим:

1. В процессе производства по делам оперативного учета используется помощь лиц, гласно и негласно содействующих органам, осуществляющим ОРД. Данные лица предоставляют такую информации латентного характера, свидетельствующую о противоправной деятельности объектов ОРМ, которую процессуальным путем получить невозможно, однако при проведении неотложных следственных действий есть возможность придать этой информацию форму доказательства.

2. Основная цель проведения негласных ОРМ в рамках производства по делам оперативного учета заключается в активном поиске сведений об обстоятельствах совершенного или подготавливаемого преступления. Следовательно, непосредственное обнаружение признаков противоправного деяния и их документирование в процессе проведения ОРМ является закономерным результатом деятельности органов дознания, наделенных оперативно-розыск-

ными полномочиями. Практически именно эти органы проводят дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно.

3. Реализация материалов, полученных в ходе негласных ОРМ, начинается с возбуждения уголовного дела и проведения комплекса неотложных следственных действий и первоначальных ОРМ, основными из которых являются: подбор лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, на негласной основе, для проведения ОРМ с задержанными и арестованными; установления негласного наблюдения за соучастниками преступной организации, находящимися на свободе, с целью установления их преступных и коррумпированных связей; прослушивание телефонных и иных переговоров подозреваемых лиц; разработка тактических комбинаций для успешного проведения неотложных следственных действий и первоначальных ОРМ, подключение лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, на негласной основе, на поиск места нахождения похищенных ценностей и имущества, а также денежных средств.

Возбуждение уголовного дела по материалам дел оперативного учета допускается в следующих случаях:

- когда выявлены и задокументированы все факты преступной деятельности подозреваемой преступной группы;

- когда выявлены и задокументированы преступные действия организаторов группы и ее активных участников, но привлечение их к уголовной ответственности не повредит изобличению второстепенных членов преступной группы;

- когда получены сведения о том, что члены преступной группы решили скрыться от следствия и суда, а имеющихся материалов достаточно для привлечения их к уголовной ответственности.

Рассмотрим далее особенности взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов на этапе производства неотложных следственных действий и первоначальных ОРМ.

При возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщений о преступлении в тех ситуациях, когда личность преступника не установлена, оперативно-розыскное обеспечение производства неотложных следственных действий осуществляется в соответствии со ст. 157 УПК РФ и ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В этой ситуации первоначальные ОРМ проводятся для решения следующих задач:

- для подготовки и проведения неотложных следственных действий;
- получения первичной информации о преступлении и лицах, его совершивших;
- выявление лиц, осведомленных об обстоятельствах преступления (потенциальных свидетелей);

— обнаружение следов, предметов и документов, которые в дальнейшем могут быть письменными или вещественными доказательствами по уголовному делу;

— обнаружение иной доказательственной информации преступной деятельности и оформление ее для дальнейшего использования в уголовном процессе;

— получение информации о поведении и образе жизни подозреваемых в преступлении, которая послужит основанием для выдвижения следственных и оперативно-розыскных версий о лице, совершившем преступление.

Так, например, в одном из районов города Краснодара через торговую сеть при расчете за товарно-материальные ценности было зарегистрировано 6 случаев сбыта неустановленными лицами поддельных денежных купюр номиналом 1000 руб. Их изымали из кассы и с заявлениями направляли в органы внутренних дел. В отделе по линии борьбы с преступлениями в сфере экономики районного ОВД имелись данные о лицах, причастных к фальшивомонетничеству в других районах города. Следователь вместе с оперативными сотрудниками затребовали все материалы из других районных отделов города на лиц, ранее задерживаемых и проверяемых на причастность к фальшивомонетничеству, и согласовали планы следственных действий и ОРМ. При этом оперативный сотрудник выявлял и проверял лиц, причастных к изготовлению и сбыту поддельных денежных купюр, с помощью лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, на негласной основе, а следователь проверял полученные из других отделов материалы. Работая по делу, они постоянно информировали друг друга обо всех добытых данных, периодически корректируя план действий. Так, вскоре внимание следователя привлекли четыре лица, которые проходили по разным материалам. У следователя возникло предположение, что они могут быть связаны между собой. Изложив свои соображения оперативному сотруднику, они приняли решение, о том, чтобы последний проверил данное предположение с помощью лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, на негласной основе. Когда эта версия подтвердилась, были проведены неотложные следственные действия и ОРМ, позволившие получить необходимые доказательства причастности подозреваемых к фальшивомонетничеству. Так, высоко организованное взаимодействие позволило в короткий срок изобличить и привлечь к уголовной ответственности группу из четырех человек, которые изготавливали поддельные денежные средства и сбывали их в магазинах и на рынках города.

Эффективность оперативно-розыскного обеспечения проведения неотложных следственных действий во многом зависит от хорошо организованного взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов и дознания или следствия. Здесь мы солидарны с точкой зрения В. Н. Верютина, считающего, что «такое взаимодействие должно осуществляться при выявлении признаков преступления, на стадии принятия решения о возбуждении уголовного дела и на всех этапах расследования при любых следственных ситуациях» [3, с. 24].

Как показывает практика, специализированная следственно-оперативная группа представляет собой наиболее эффективно действующую организационно-тактическую форму взаимодействия следователя и оперативного подразделения.

Наиболее важным следственным действием при возбуждении уголовного дела по основаниям, указанным в ст.ст. 140—143 УПК РФ, нам представляется осмотр места происшествия.

Значение осмотра места происшествия для предварительного расследования в частности и для обеспечения принципов уголовного судопроизводства в целом трудно переоценить, поскольку основной его задачей является установление механизма совершения преступления, т. е. получение ответа на вопрос о том, что произошло на этом месте. Естественно, в случае некачественного его производства само событие преступления ставится под вопрос.

Исследуя особенности взаимодействия, полагаем, что осмотр места происшествия, без сомнения, имеет, прежде всего, свою следственную специфику, поскольку является следственным действием, осуществляемым с соблюдением ст. 176 и 177 УПК РФ. В связи с этим в интересах качества расследования данное действие должен осуществлять следователь при содействии оперативного сотрудника. Сразу необходимо отметить, что обследование прилегающей местности не является осмотром места происшествия, проводится сотрудниками оперативных аппаратов и представляет собой ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Осмотром места происшествия руководит следователь. Совместно с сотрудниками оперативной группы с учетом обстановки он определяет порядок проведения осмотра, возлагает на каждого из его участников определенные обязанности. Необходимо отметить, что это трудоемкая и сложная работа. В случаях большого объема работы необходимо поручить одному из сотрудников, участвующих в осмотре, сбор и обобщение поступающей информации для доклада ее следователю [4, с. 23].

В процесс осмотра оперативный работник совместно со следователем проверяет первоначальную версию произошедшего. В частности, оперативник, пока следователь фиксирует в протоколе обстановку места происшествия, выявляет негативные обстоятельства, свидетельствующие об инсценировке [5, с. 141] или маскировке преступления.

Следователь при осмотре места происшествия направляет свои усилия на обнаружение и закрепление следов преступления. Но иногда бывает необходимо обследовать и прилегающую местность. Это делается с целью:

- обнаружения следов преступника, жертвы, транспорта;
- поиска преступника, соучастников, свидетелей;
- отыскания спрятанных, потерянных и брошенных преступником или потерпевшим предметов.

Оперативные работники, наряду с обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, проводят и другие

ОРМ, направленные на установление и задержание преступника в местах возможного появления, препятствующие выезду из конкретного района, организуют поиск преступника по приметам на определенной территории. Если в процессе неотложных следственных действий (осмотра места происшествия, допросов потерпевших и свидетелей и др.) будут установлены приметы похищенного имущества, оперативные сотрудники по согласованию со следователем могут начать проверку возможных мест их хранения или сбыта.

Не менее важным следственным действием, которое следует провести в неотложном режиме, является допрос подозреваемого (подозреваемых). Цель такого допроса заключается в получении новых и конкретизации ранее установленных сведений. Проведение данного следственного действия в неотложном режиме позволит получить наиболее достоверные показания, поскольку подозреваемый (подозреваемые) не в полной мере владеет ситуацией, не подготовил четкую линию защиты и не может со всей полнотой определить степень информированности органов следствия.

Тактика допроса зависит от особенностей личности подозреваемых, специфики преступления, сложившейся следственной ситуации. Здесь имеет очень большое значение установление психологического контакта с подозреваемым, для чего необходимо иметь наиболее подробные сведения о личности допрашиваемого, его окружении, роли при совершении преступления. Эти сведения следователь может получить от оперативных работников, обслуживающих территорию, на которой было совершено преступление или линию преступности.

При допросе несовершеннолетних подозреваемых следователю важно получить информацию у оперативного работника, специализирующегося на раскрытии преступлений несовершеннолетних, об их образе жизни, окружении и др. Н. Ш. Сафин отмечает, что «хорошее знание следователем материалов дела, свободная ориентировка в деталях события, именах (а не ознакомление с ними во время допроса), как правило, вызывают у несовершеннолетнего подозреваемого предположение, что следователю уже все известно, что имеет тактическое значение» [6, с. 62]. Данная информация может быть получена оперативным путем и передана следователю.

После проведения допросов подозреваемых и свидетелей следователь и оперативные работники обмениваются полученной информацией и вместе определяют дальнейший ход расследования.

В целом же, как правило, следователь должен сам производить следственные действия. Необходимость привлечения оперативных работников для производства отдельных неотложных следственных действий обычно возникает в следующих случаях:

- а) большой объем работы по данному делу;
- б) следователю затруднительно произвести самостоятельно следственное действие;
- в) необходимость производства нескольких следственных действий в одном месте;

г) необходимость проведения оперативно-розыскных мер одновременно со следственным действием [7, с. 35].

Привлечение оперативных работников к производству следственных и иных процессуальных действий обусловлено: сложностью производства следственного действия; большим объемом работы при производстве следственного действия (осмотр места происшествия на обширной территории, обыск больших помещений, следственный эксперимент), что затрудняет его выполнение единолично следователем; необходимостью принятия различных мер организационно-тактического характера (например, обеспечение понятыми, статистами); обеспечением безопасности участников следственного действия [8, с. 14].

Таким образом, правильное, профессионально организованное взаимодействие следователей и оперативных работников при поступлении информации о совершенном преступлении, предусмотренном ст.ст. 140—143 УПК РФ, и производстве неотложных следственных действий является необходимым условием результативности первоначального этапа расследования.

Приведем один из примеров правильной организации взаимодействия между следователем и сотрудниками органа дознания при осмотре места происшествия.

Ночью в одном из жилых районов города Волгоград неизвестным автомобилем совершено боковое столкновение с автомобилем «Ока». Водитель «Оки» от полученных травм скончался на месте, не приходя в сознание. Сообщение о случившемся поступило в дежурную часть в два часа ночи. На место происшествия немедленно выехали следователь, оперативный сотрудник, эксперт-криминалист, инспектор Госавтоинспекции безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД). Следователь и эксперт сразу приступили к осмотру, а инспектор ГИБДД и оперативный уполномоченный стали принимать меры к розыску скрывшейся автомашины. Начальник ОВД, получив сообщение о чрезвычайном происшествии, вызвал ночью на работу участковых оперуполномоченных, других сотрудников ГИБДД и сотрудников уголовного розыска. Всем были поручены задания по поиску преступника в различных направлениях: осмотр автостоянок, гаражных кооперативов, автохозяйств и пр.

Осмотр места происшествия из-за плохой видимости не дал положительных результатов. Поэтому следователь и эксперт-криминалист после наступления рассвета повторили осмотр. В ходе этого на водительской двери «Оки» наряду с другими следами преступления был обнаружен след от бампера другого автомобиля и слабо отпечатавшиеся цифры. Закономерно предположив, что эти цифры являются частью государственного номерного знака, следователь и эксперт направили дверь на исследование, в ходе которого была установлена часть номера — буква и две цифры. Эти данные следователь сообщил участникам поисковых групп.

Уже в три часа дня по подозрению в преступлении был задержан водитель одного из коммерческих предприятий Н., который около своего дома

пытался уничтожить следы столкновения. При осмотре автомобиля были обнаружены осколки стекла и краска от «Оки», которые явились ценными вещественными доказательствами. На допросе Н. признался в совершенном преступлении.

Данное тяжкое преступление было быстро раскрыто вследствие тщательного осмотра места происшествия, изучения следов, оставшихся на месте преступления, и своевременного и правильно организованного взаимодействия следователя с органами дознания.

Рассмотрев взаимодействие следователя и органа дознания при осуществлении неотложных следственных действий, можно прийти к следующему выводу: незамедлительное проведение необходимых ОРМ, направленных на раскрытие преступления и задержание подозреваемого, тесным образом переплетается с производством неотложных следственных действий. Данная стадия уголовного процесса должна проходить при постоянном взаимодействии между следователем и работниками органа дознания, что способствует полному и быстрому раскрытию преступлений и изобличению подозреваемых в причастности к совершению криминальных деяний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Хоршева В. С.* О некоторых аспектах взаимодействия следователя, дознавателя с оперативными подразделениями органов внутренних дел в ходе расследования преступлений / В. С. Хоршева // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — Вып. 1 (48). — С. 166—172.
2. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: моногр. / Под науч. ред. проф. В. Т. Томина. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. — 346 с.
3. *Верютин В. Н.* Особенности расследования незаконного сбыта наркотиков их потребителям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Верютин. — Волгоград, 2001. — 24 с.
4. *Статкус В. Ф.* Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных аппаратов органов внутренних дел при возбуждении уголовного дела: учеб.-практ. пособ. / В. Ф. Статкус. — М., 1973. — 23. с.
5. *Грибунов О. П., Трубкина О. В.* Роль типичных негативных обстоятельств осмотра места происшествия при выявлении инсценировки изнасилования / О. П. Грибунов, О. В. Трубкина // Юрист-Правоведъ. — 2018. — № 3 (86). — С. 141—145.
6. *Макаренко И. А.* Информационное обеспечение допроса несовершеннолетнего обвиняемого как предпосылка его эффективного проведения / И. А. Макаренко // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. — 2001. — Вып. 2. — С. 61—66.
7. Расследование краж, совершенных из квартир: учеб. пособ. / А. П. Резван [и др.] — Волгоград, 1990. — С. 35.
8. *Плеснева Л. П.* Взаимодействие следователя с органами дознания: правовые и организационные основы: моногр. / Л. П. Плеснева. — Иркутск, 2016. — 104 с.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10034

Владимир Владимирович Конин,

доцент кафедры уголовного-процессуального права,

Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,

кандидат юридических наук, доцент

Евгения Владимировна Марьина,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

юридического факультета

Самарского национального исследовательского университета

им. академика С. П. Королева, кандидат юридических наук

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ В РАМКАХ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. Основным результатом проведённого исследования выступает представленная авторами классификация исходных ситуаций, в основу которой положен критерий получения доказательственной информации на стадии возбуждения уголовного дела. К первой группе относятся преступления, по которым для выявления оснований для возбуждения уголовного дела необходима предварительная проверка информации о возможном совершении преступления. Ко второй группе относятся преступления, по которым к моменту возбуждения уголовного дела уже собрано достаточное количество доказательственной информации, подтверждающей причастность лица к совершённому преступлению либо к совершению нескольких преступлений. К третьей группе относятся преступления, где поводом для возбуждения уголовного дела является заявление лица, в уголовно-правовом смысле — потерпевшего.

Авторы пришли к выводу, что в тех случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела является заявление лица о том, что в отношении него совершено преступление, стадия возбуждения уголовного дела должна быть усечённой, т. е. уголовное дело возбуждается без предварительной проверки, а информация, представленная потерпевшим, проверяется уже на стадии предварительного расследования.

В тех случаях, когда предварительная проверка необходима, для возбуждения уголовного дела должностному лицу правоохранительного органа достаточно установить с необходимой долей вероятности только факт (объект) совершённого преступления.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, первичная информация, заявитель, тактика отдельных проверочных действий, криминалистически значимая информация, алгоритм процессуальных действий, версия.

Vladimir Vladimirovich Konin,

Associate Professor of the Department of criminal procedure law
North-Western branch of the Russian state university of justice,
candidate of Law, Associate Professor

Evgeniya Vladimirovna Marina

Associate Professor of the Department
of criminal process and criminalistics
Samara national research university,
Candidate of Law

TACTICAL-FORENSIC SUPPORT OF THE VERIFICATION OF STATEMENTS AND REPORTS ON THE STAGE OF CRIMINAL CASE INITIATION

Abstract. The main result of the study is the classification of initial situations presented by the authors, which is based on the criterion for obtaining evidence at the stage of criminal proceedings. The first group includes crimes for which, in order to identify the grounds for initiating a criminal case, preliminary verification of information on the possible commission of a crime is necessary. The second group includes crimes for which, at the time of the initiation of the criminal case, a sufficient amount of evidence was already collected that confirms the person's involvement in the crime committed or in the commission of several crimes. The third group includes crimes, where the reason for initiating a criminal case is the statement of the person, in the criminal law sense — the victim.

The authors concluded that in cases where the reason for initiating a criminal case is a statement by a person that a crime has been committed against him, the stage of initiating a criminal case should be truncated, i. e. the criminal case is opened without preliminary verification and the information provided by the victim is checked already at the stage of the preliminary investigation. In cases where a preliminary check is necessary to initiate a criminal case it is enough for an official of a law enforcement agency to establish with a sufficient degree of probability only the fact (object) of the crime committed.

Keywords: stage of criminal case initiation, primary information, applicant, tactics of individual verification actions, forensic information, process algorithm, version.

Целью стадии возбуждения уголовного дела является проверка информации о противоправном деянии и установление компетентным должностным лицом правоохранительного органа наличия события преступления и состава преступления в действиях тех или иных лиц либо отсутствие события или состава преступления в этих действиях и принятие соответствующего процессуального решения.

Стадия возбуждения уголовного дела предполагает следующий алгоритм действий: приём, регистрация, проверка сообщения о преступлении и принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Именно на этой стадии должно быть установлено наличие или отсутствие оснований для начала производства по уголовному делу, а также обеспечено выявление, фиксация и изъятие следов преступления, впоследствии приобретающих статус доказательств. Несмотря на внешнюю простоту, эта стадия в российском уголовном процессе сформировалась не сразу, более того, она и по сей день вызывает немало споров. Согласимся с позицией тех учёных-процессуалистов, которые считают, что стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования, которые являются досудебными стадиями уголовного процесса, стоит называть предварительным производством [1, с. 359].

Такое наименование позволяет сделать вывод о том, что эти стадии неразрывно связаны между собой и направлены на достижение единых целей: собрать достаточное количество доказательств о событии преступления и виновности лиц, его совершивших, с целью дальнейшей передачи материалов уголовного дела для его рассмотрения в суде по существу выдвинутого органом предварительного расследования обвинительного тезиса. Только на стадии возбуждения уголовного дела достаточно сделать лишь обоснованное предположение, что противоправное деяние имело место, а на стадии предварительного расследования уже формулируется и предъявляется обвинение. Поэтому определение предмета и пределов проверки криминалистически значимой информации на стадии возбуждения уголовного дела является основной задачей правоохранительных органов.

Мы не ставим под сомнение существования этой стадии в уголовном процессе, более того, считаем, что присущая процессу стадийность (наличие именно закреплённых в уголовно-процессуальном законе стадий) является его существенной и отличительной чертой, а значит, ликвидация одной из стадий повлечёт отказ от сложившихся традиций, являющихся основой любой системы. Сначала советский, а затем российский уголовный процесс пошли по усложнённому пути, когда так называемая предварительная проверка позволяет должностным лицам правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела сначала проверить наличие оснований, указанных в сообщении, и только после этого принять соответствующее решение. В правоприменительной практике данная стадия рассматривается как некий «фильтр», позволяющий не допустить применение ограничительных действий в отношении личности, при этом в отношении реализации прав потерпевшего она может стать препятствием в своевременном возмещении вреда, причиненного преступлением, и доступа к правосудию. Более того, некоторые авторы, критикующие эту стадию уголовного процесса, часто забывают о том, что препятствием для выдвижения необоснованного обвинения явля-

ется не само постановление, а наличие оснований для возбуждения уголовного дела, потому что при необходимости уголовное дело может быть возбуждено незамедлительно после поступления сообщения, без всякой «предварительной проверки».

При этом важно помнить, что, согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ, решение дознавателя, органа дознания, следователя должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Соответственно, это требование распространяется и на принятие решения на стадии возбуждения уголовного дела. Таким образом, для того, чтобы решение, принимаемое на стадии возбуждения уголовного дела по сообщению о преступлении, было законным и обоснованным, в соответствии со ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны проверить любое сообщение о преступлении.

В настоящей статье под сообщением о преступлении мы понимаем любую информацию, содержащуюся в источниках, перечисленных в ст.ст. 141, 142 и 143 УПК РФ, несмотря на их достаточно разную информационную и процессуальную природу.

Сначала обратим внимание на то, что существует алгоритм последовательности действий следователя (дознавателя) при проверке полученной информации, который используется независимо от источника получения сообщения о преступлении.

Любые проверочные действия начинаются с предварительной оценки и анализа информации, содержащейся в сообщении о преступлении. При этом оценочную деятельность можно условно разделить на оценку информации по процессуальным основаниям и по материальным основаниям.

Под условно процессуальными основаниями оценки информации, содержащейся в сообщении о преступлении, понимается проверка достоверности информации, содержащейся в сообщении о преступлении должностным лицом правоохранительного органа, которая выражается в оценке и анализе содержащейся в заявлении о преступлении информации на предмет территориальности события и его подследственности.

В первую очередь оценке и анализу подлежит вопрос территориальности события, которое послужило основанием для обращения с сообщением о преступлении. Если из сообщения о преступлении усматривается, что речь идёт о деянии, совершённом на территории, на которую не распространяется юрисдикция правоохранительного органа, в который поступило сообщение о совершённом преступлении, должностное лицо правоохранительного органа, принявшее сообщение, обязано, в соответствии с УПК РФ и действующими внутренними нормативными актами, принять все меры для направления сообщения о преступлении в правоохранительный орган, уполномоченный на производство оперативно-розыскных, процессуальных и следственных действий в соответствии с УПК РФ, т. е. по территориальному признаку.

Во вторую очередь оценке и анализу подлежит определение подследственности того события, которое послужило основанием для обращения в правоохранительный орган. Так, например, ст. 151 УПК РФ установила, что ряд составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, подследственны следователям Федеральной службы безопасности РФ, соответственно, проверку по сообщениям о преступлениях данной категории будут проводить сотрудники Федеральной службы безопасности РФ, наделённые соответствующими полномочиями; по уголовным делам, которые подследственны дознавателям таможенных органов РФ, проверку по сообщениям об этой категории преступлений будут проводить сотрудники таможенных органов, наделённые соответствующими полномочиями.

В случае выявления факта сообщения о преступлении, которое, в соответствии с требованиями ст. 151 УПК РФ, подследственно другому правоохранительному органу, должностное лицо правоохранительного органа, принявшее сообщение о преступлении, обязано, в соответствии с УПК РФ и действующими внутренними нормативными актами, принять все меры для направления сообщения о преступлении в соответствующий правоохранительный орган по признаку подследственности.

Следующий этап проверки сообщения о преступлении заключается в проверке наличия материальных оснований для реагирования. Общей, независимо от источника информации, является проверка наличия или отсутствия заведомо ложного доноса, а также добросовестного заблуждения заявителя, когда под преступлением понимались противоправные действия, негативно воспринимаемые обществом, но, тем не менее, не влекущие за собой уголовную ответственность, поскольку эти действия предполагают иные виды ответственности: дисциплинарную или административную ответственность, либо вообще не подпадает под какие-либо виды ответственности, поскольку речь в сообщении о преступлении может содержать признаки спора гражданско-правового характера между различными субъектами, как индивидуальными, так и коллективными.

При этом остальные материальные основания могут отличаться в зависимости от повода для возбуждения уголовного дела и вида информации, содержащейся в сообщении о преступлении. По этому критерию информация проверяется на предмет содержания в ней признаков состава преступления.

В этой связи возникает закономерный вопрос: имеются ли особенности в тактико-криминалистических средствах проверки сообщения о преступлении в зависимости от повода для возбуждения уголовного дела?

Анализ исходных ситуаций позволяет сделать предварительный вывод о том, что их можно разделить на три основных вида по критерию получения доказательственной информации на стадии возбуждения уголовного дела.

1. Как уже было сказано ранее, отличительной особенностью российского уголовного процесса является проведение «предварительной проверки»

с применением организационно-процессуальных средств, таких как оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, разрешённые уголовно-процессуальным законом на этой стадии. В российской правоприменительной практике все дела публичного обвинения проверяются именно таким образом. А. Р. Арсланова приходит к выводу, что должностное лицо на стадии возбуждения уголовного дела не только выявляет признаки преступления, но и должно получить фактические сведения, выдвинуть первоначальную версию и даже сформировать определённую доказательственную базу для дальнейшего расследования [2, с. 13].

Возникает вопрос: возможно ли при проверке сообщений о преступлении применять методику расследования преступлений?

Этот вопрос обсуждался ещё советскими учёными-криминалистами. С одной стороны, в зависимости от криминалистической характеристики преступления, поводы и основания для возбуждения уголовного дела могут меняться, с другой, набор проверочных действий на этой стадии ограничен и при их проведении не должно возникать сложностей. Вместе с тем необходимо осознавать, что от того, какая исходная (первичная) информация будет собрана следователем (дознавателем), будет зависеть выбор первоначальной типовой версии. Для того чтобы эта информация стала криминалистически значимой, а также для понимания того, достаточно ли собрано данных для возбуждения уголовного дела, уже в момент начала проверочных действий необходимо начинать планирование всего комплекса проверочных действий и выдвижение соответствующих версий.

Поэтому должностное лицо правоохранительного органа, которому поручена проверка сообщения о преступлении, должно выдвинуть для проверки следующие версии:

- 1) событие преступления имело место;
- 2) событие преступления не имело место, а лицо, сообщившее о совершённом преступлении, добросовестно заблуждалось;
- 3) имела место инсценировка преступления с целью скрыть другое преступление либо скрыть неправомерное поведение заявителя.

После выдвижения версий необходимо провести планирование по проверке выдвинутых версий. При этом необходимо иметь в виду, что при любом планировании, в том числе при производстве предварительной проверки на стадии возбуждения уголовного дела, должны быть соблюдены два основных принципа планирования: индивидуальность и динамичность. Сам же процесс планирования проверки версии состоит из следующих элементов:

- 1) собирания фактических данных, связанных с проверкой выдвинутой версии;
- 2) постоянного анализа и оценки полученной информации;

3) корректировки версии на основе полученной и проверенной информации (при этом корректировка версии возможна исключительно на основании проверенной информации);

4) отказа от версии в случае её неподтверждения и выработки новой версии;

5) поиска и фиксации дополнительной информации при подтверждении выдвинутой версии.

Собирая информацию по проверяемой версии, нужно каждый раз в основу проверочной деятельности ставить предмет и пределы проверки версии, по аналогии с предметом и пределами доказывания, существующими в уголовном судопроизводстве. Под предметом проверочной деятельности на доследственной стадии следует понимать информацию (факты), которые должны быть установлены для подтверждения либо опровержения выдвинутой версии. Под пределами проверочной деятельности следует понимать достаточность собранной, зафиксированной и проанализированной в процессе проверочной деятельности информации (фактов), подтверждающих достоверность и обоснованность выдвинутой версии.

Наличие предмета и пределов проверочной деятельности выдвинутой версии позволяет оптимизировать деятельность должностных лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ.

Определяя предмет проверочной деятельности по выдвинутой версии, необходимо обратиться к так называемой семичленной формуле¹, разработанной ещё в Древнем Риме: «кто — что — где — с чьей помощью — для чего — каким образом — когда».

В этом случае ответ на вопрос «кто?» позволяет установить субъекта совершённого события, который в дальнейшем может быть признан субъектом состава преступления.

Ответ на вопрос «что?» (имеется в виду, что именно совершено) позволяет дать ответ на вопрос, является ли деяние, послужившее основанием для проверки сообщения о преступлении собственно преступлением, либо это деяние не предусмотрено нормами УК РФ, а ответственность за его совершение установлена иными нормативными правовыми актами (КоАП РФ, Трудовой кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ и др., т. е. устанавливается субъективная сторона состава преступления).

Если же рассматривать ответ на вопрос «что?» по объекту, то ответ на этот вопрос позволяет установить, на что именно было направлено посягательство, кому причинен вред (ущерб), вид вреда и размер ущерба (т. е. устанавливаются объект и объективная сторона состава преступления).

¹ Так, о «семичленной формуле» упоминается на страницах журнала «Советская юстиция», где были освещены результаты Четвёртого совещания ответственных руководителей органов юстиции краёв, областей и автономных республик РСФСР [3, с. 14].

Ответ на вопрос «где?» позволяет определиться с территориальностью совершённого события (место совершения события).

Ответ на вопрос «с чьей помощью?» позволяет установить соучастников события и определить возможное использование средств или предметов, с помощью которых было совершено событие.

Ответ на вопрос «для чего?» позволяет установить мотив произошедшего события, которым руководствовалось лицо при совершении деяния.

Ответ на вопрос «каким образом?» позволяет определить способ и механизм совершения события.

Ответ на вопрос «когда?» позволяет определить время совершения проверяемого события.

Таков примерный круг обстоятельств, выяснение которых составляет предмет проверочной деятельности по сообщению о преступлении.

При более детальном рассмотрении можно сделать вывод о том, что приведённая выше «семичленная формула», будучи усовершенствованной, была положена в основу определения предмета доказывания, определённого в ст. 73 УПК РФ.

Можно утверждать, что ответ на приведённые выше вопросы не охватывает в полной мере всех обстоятельств, подлежащих установлению в ходе предварительного расследования в целом; также в своё время С. А. Голунский указывал на то, что этих вопросов недостаточно, если вышеуказанную формулу применять механически, поэтому важно правильно понимать суть каждого отдельного вопроса [4, с. 231].

Исходя из буквального толкования ст. 24 УПК РФ, получается, что на стадии возбуждения уголовного дела определяется событие преступления и наличие в деянии состава преступления.

Тем не менее для установления основных, ключевых моментов при проверке сообщения о преступлении, позволяющих сделать вывод о наличии либо отсутствии признаков состава преступления в совершённом деянии, этой формулы будет достаточно, а возможно, некоторые её элементы будут даже излишними.

Если обратиться к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., можно увидеть, что, если дело подлежало рассмотрению мировым судом, то полиция, в соответствии со ст.ст. 46 и 47 Устава, должна была установить, когда и где совершено преступление; на кого падает подозрение и какие на то есть доказательства; имеются ли свидетели, гражданский истец и место жительства всех обозначенных лиц [5]. При этом следует учитывать, что речь идёт о производстве у мирового судьи, когда поводом к началу судебной деятельности являлось наличие заявления потерпевшего, а также сообщение полиции. Но даже в этом случае лишними элементами в вышеуказанной формуле являются вопросы «с чьей помощью?» и «для чего?». Если смотреть на то, как Устав уголовного судопроизводства определял рассмотрение дел окруж-

ными судами, когда полицейское дознание предшествовало работе следователя, то можно увидеть, что полиция устанавливала посредством дознания, действительно ли происшествие имело место и какие на это указывают признаки преступления, однако только тогда, когда признаки преступления сомнительны или информация о преступлении получена «по слуху» или из источника не вполне достоверного (ст. 253 УУС). М. В. Духовской обращал внимание на то, что полиция в остальных случаях может сообщить судебному следователю и прокурору не только о фактах «несомненных», но и «вероятных» [6, с. 268].

На этой стадии не нужно стремиться к получению излишних данных о преступлении и лицах, совершивших преступление, в том числе потому, что это может «затянуть» предварительную проверку. Установление мотивов преступления и возможных соучастников преступления, т. е., как правило, квалифицирующих признаков преступления, должно происходить уже на следующей стадии уголовного процесса.

Таким образом, должностное лицо правоохранительного органа, осуществляющее проверку сообщения о преступлении, может сделать относительно обоснованный вывод и принять решение о возбуждении уголовного дела в случае подтверждения версии о том, что событие преступления имело место, либо о вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случае подтверждения версии о том, что событие преступления не имело место, а лицо, сообщившее о преступлении, добросовестно заблуждалось. На этой стадии уголовного процесса достаточно выдвинуть обоснованное предположение, что деяние имело место, однако вопрос, что считать под достаточностью оснований для возбуждения уголовного дела не является бесспорным. Так, М. А. Чельцов отождествлял понятия «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования», обосновывая свою позицию тем, что эта стадия сводится чаще всего к вынесению единственного акта — постановления о возбуждении уголовного дела [7, с. 216]. Между тем возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица по времени чаще всего происходит значительно позже, чем возбуждение уголовного дела. В этом случае прав был М. С. Строгович, утверждавший, что первоначальные действия на стадии возбуждения уголовного дела не могут считаться уголовным преследованием, поскольку они проводятся лишь для того, чтобы сотрудник правоохранительных органов убедился, было ли событие преступления или нет [8, с. 194]. А значит, и ответа на вопрос «кто совершил преступление?» пока ещё не требуется.

Проводимая на этой стадии проверка и установление обстоятельств совершённого преступления посредством неоднократного получения объяснений, отбора образцов для сравнительного исследования, проведения ревизий и обследований, затребования различных документов увеличивают сроки рассмотрения сообщения. С другой стороны, в тех случаях, когда содержа-

щаяся в сообщении информация неясная, неполная, не позволяющая решить вопрос о возбуждении уголовного дела, приходится прибегать к производству подобных проверочных действий. Понятно, что на этой стадии невозможно получить исчерпывающие данные о преступлении и лицах, его совершивших, поэтому в «семичленной» формуле должен быть установлен один элемент («что произошло?»), т. е. с определённой долей вероятности должен быть установлен объект совершённого преступления.

Вместе с тем при проверке выдвинутой версии о том, что имела место инсценировка преступления с целью сокрытия другого преступления либо с целью сокрытия неправомерного поведения заявителя, необходимо установить реальный объект преступного посягательства, но с некоторыми дополнительными корректировками, которые будут состоять в применении необходимых тактических приёмов, позволяющих диагностировать ложь (как один из наиболее распространённых способов противодействия расследованию) и попытаться преодолеть её.

2. К моменту возбуждения уголовного дела собран такой объём информации, который позволяет сделать достоверный вывод о совершённом преступлении. К этой группе относятся преступления, у которых источником информации о преступлении, побуждающей должностное лицо правоохранительного органа приступить к проверочным действиям, будет выступать рапорт сотрудника правоохранительного органа об обнаружении признаков преступления в соответствии со ст. 143 УПК РФ.

Как правило, это преступления коррупционного характера, а также — связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также — связанные с незаконным оборотом огнестрельного оружия, его основных частей, взрывчатых веществ и боеприпасов.

Для сбора достоверной информации по указанной категории преступлений сотрудники правоохранительного органа вправе проводить оперативно-розыскные действия, перечисленные в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, такие как оперативный эксперимент, оперативное внедрение, проверочная закупка, контролируемая поставка и т. д.

В подобных ситуациях очень важно взаимодействие сотрудников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по сбору информации и документированию преступной деятельности, с руководителем следственного подразделения, который может оценить информацию, имеющуюся у сотрудников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на предмет достаточности для того, чтобы сделать первоначальный вывод о наличии признаков состава преступления

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 (ред. от 02.08.2019) // СПС «Консультант плюс».

в действиях лица, и её последующего преобразования в доказательственную информацию в соответствии с требованиями УПК РФ¹. При этом очень важен момент планирования предстоящего расследования, определение перечня первоначальных следственных действий, которые позволят зафиксировать как преступное деяние, так и доказательства, подтверждающие наличие события преступления и состава преступления в действиях виновного, т. к. преждевременное составление плана, равно как и запоздалое его составление приведут либо к неверному пути расследования, либо к его бессистемности. Тем не менее по значительному количеству преступлений, выявленных и зафиксированных в результате оперативно-розыскных мероприятий, определённые данные у следователя появляются лишь с момента возбуждения уголовного дела и принятия его к производству, что явно не идет на пользу быстрому и полному раскрытию преступления, изобличению виновного, о чем ставился вопрос советскими учёными-криминалистами [11, с. 188].

В то же время по данной категории дел при получении следователем информации в виде зарегистрированного в порядке ст. 143 УПК РФ рапорта о выявленном преступлении уже существуют алгоритмы последовательности действий. Сначала выясняется достоверность указанной в рапорте информации путём опроса лиц, причастных к совершению преступления, и возможных очевидцев, хотя в ряде случаев последних могут и не опрашивать, если есть необходимость сохранить втайне осуществляемую предварительную проверку.

Наибольший с позиции криминалистики интерес вызывает ситуация, когда в правоохранительные органы поступает информация, оформленная в виде рапорта либо заявления о ещё не совершённом, но подготавливаемом преступлении. В данном случае сотрудникам органа дознания, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, предоставляются достаточно широкие возможности для производства проверочных действий (как одиночных оперативно-розыскных действий, так и оперативно-розыскных комбинаций действий). Как показывает анализ изученных архивных уголовных дел, в большинстве случаев принимается решение о проведении оперативного эксперимента. Как правило, оперативный эксперимент проводится по таким видам преступлений, как взяточничество, незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, незаконный оборот оружия или его основных частей или боеприпасов. Задача любого оперативного эксперимента заключается в воссоздании условий для демонстрации лицом, в отношении которого имеется информация о возможном наличии у него преступных замыслов, своего намерения совершить преступление без «подталкивания» либо провоцирования этого лица на совершение преступления.

¹ Вопросы взаимодействия следователя с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность ранее были предметом рассмотрения ряда учёных [9, с. 118—122; 10, с. 271—274].

Таким образом, принятие как оперативно-розыскного, так и криминалистического либо процессуального решения по данной категории дел зависит от того обстоятельства, является ли преступление уже совершённым или ещё готовящимся. В качестве проверочных действий могут использоваться наблюдение, изъятие документов или образцов, истребование какой-либо документации. По данной категории дел проверка первичной информации чаще всего проводится сотрудниками органа дознания, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Именно они к моменту вынесения постановления о возбуждении уголовного дела обладают наиболее полной информацией о проверяемом событии, нежели следователь. Именно орган дознания фактически «расследует» преступление ещё до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Одновременно с этим, ст. 157 УК РФ предусматривает возможность возбуждения уголовного дела органом дознания и проведения неотложных следственных действий, цель которых в поиске, сборе и фиксации доказательств совершения преступления и виновности лица, его совершившего. Более того, после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, но только по поручению следователя. В. Н. Махов, активный сторонник института «полицейского дознания» пишет: «следователям не надлежит раскрывать преступления ... преступления должны раскрывать соответствующие службы полиции» [12, с. 20]. Такой подход, на наш взгляд, является упрощённым и основывается на понимании того, что преступление считается раскрытым, когда установлено лицо, его совершившее, и получена достаточно убедительная информация о причастности этого лица к совершённому преступлению. Между тем преступление можно считать раскрытым только тогда, когда следователем собрана и сформирована достаточная доказательственная база, подтверждающая виновность лица, совершившего преступление, и в отношении этого лица выдвинут обоснованный обвинительный тезис вне зависимости от отношения обвиняемого к своей виновности (признание вины в полном объёме, признание вины частично, отказ в признании своей вины).

Вместе с тем необходимо отметить, что существующая современная практика оперативного сопровождения расследования уголовного дела, осуществляемая сотрудником подразделения органа дознания, показывает достаточно позитивный результат, особенно по уголовным делам, представляющим особую сложность. Часть 2 ст. 163 УПК РФ предусматривает, что к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Однако в настоящее время сотрудник органа дознания, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить следственные действия исключительно на основании поручения следователя. В то же время такой симбиоз в виде создания следственно-оперативной группы вполне может быть закреплён на уровне закона (определение совместно реализуемых обязанностей

следователя и должностных лиц органа дознания по некоторым категориям дел) и может быть введён в правоприменительную практику, когда сотрудник органа дознания, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность и привлечённый к работе следственно-оперативной группы, самостоятельно выполняет те или иные следственные действия по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя либо следственной группы. Это позволит в определённой мере «разгрузить» следователей, снять с них часть нагрузки, а с другой стороны, повысит профессионализм сотрудников органа дознания, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Хотелось бы отдельно обратить внимание на статистику: наилучшие показатели раскрываемости преступлений в 2019 г. у преступлений коррупционной направленности — раскрыто 28715 (из зарегистрированных 30991); из них, связанных со взяточничеством 11946 (из зарегистрированных 13869); преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия — раскрыто 19034 (из зарегистрированных 26557); преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ — раскрыто 102771 (из зарегистрированных 190197)¹.

3. Ещё в советский период учёные-криминалисты сделали вывод, что уголовные дела условно можно разделить на две группы: (1) при расследовании следователь отправляется от факта преступления; (2) при расследовании следователь отправляется от определённого лица. И существенные отличия этих групп преступлений влияют на методику расследования преступлений [13, с. 334].

Продолжая изучать виды информации, содержащейся в поступающих сообщениях, невозможно обойти вниманием ещё одну группу преступлений, где поводом для возбуждения уголовного дела является сообщение физического лица о том, что в отношении него совершено преступление. Эта группа преступлений и проводимые действия должностных лиц правоохранительных органов, направленные на проверку полученной информации, вызывают наибольший интерес.

Казалось бы, что может быть проще: есть заявление о преступлении, оно регистрируется, и начинается предварительное расследование. Следовательно, привычная комбинация действий, используемая в ходе «предварительной проверки» не нужна, т. к. здесь идёт речь о необходимости реализации права на восстановление нарушенных прав лица, которое пострадало от преступления. Таким образом «предварительная проверка» не должна осуществляться в тех случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела является заявление (сообщение) будущего потерпевшего, процессуальный статус которого на этой стадии нормативно не закреплён, что приводит

¹ См.: сайт МВД РФ. Состояние преступности на январь — декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 30.04.2020).

фактически к «повторной виктимизации» из-за несвоевременного обеспечения ему доступа к правосудию. В определённой мере представляется обоснованной позиция тех учёных, которые предлагают статус заявителя и лиц, привлекаемых для получения объяснений, закрепить в уголовно-процессуальном законе. Стоит также согласиться с необходимостью расширения оснований для признания лица потерпевшим — с момента подачи заявления о преступлении [14, с. 123—124].

С другой стороны, изучив статистику, можно, на первый взгляд, сделать вывод о том, что, обязав правоохранительные органы по заявлениям «потерпевших» возбуждать уголовные дела незамедлительно, без предварительной проверки, мы столкнёмся с ещё большей нераскрываемостью преступлений. Так, в 2019 г. из зарегистрированных 774159 краж, было раскрыто 272691; преступлений, связанных с мошенничеством — раскрыто 64378 из зарегистрированных 257187¹.

При этом по данным Генеральной прокуратуры РФ, прокуратура в 2019 г. отменила 2035927 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, но только 162445 постановлений прокуроров были учтены, и следователи (дознаватели) всё-таки возбудили уголовные дела. При этом в 2019 г. всего было возбуждено 2024337 уголовных дел². И если предположить, что одна треть постановлений следователей (дознавателей) об отказе в возбуждении уголовного дела отменяется³, то общее число таких постановлений составляет примерно 6000000. Таким образом, 6 млн граждан не могут получить доступ к правосудию и эффективно защитить свои права. К числу преступлений, информация о которых поступает в правоохранительные органы из заявлений граждан, относятся деяния, посягающие на различные не только видовые, но и родовые объекты: заявления об угрозе убийства или причинения вреда здоровью; заявления об истязании; принуждении к изъятию органов; заражении венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией; неоказании помощи больному; оставлении в опасности; похищении; незаконном лишении свободы; преступления против конституционных прав и т. д. Полагаем, что в тех случаях, когда поводом к возбуждению уголовного дела является заявление лица, которому преступлением причинён вред, проверочными действиями могут быть: получение объяснений и предупреждение лица об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В таких случаях необходимо

¹ См.: сайт МВД РФ. Там же.

² См.: сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. — URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

³ В 2013 году Генеральная прокуратура указывала, что каждое третье постановление об отказе в возбуждении уголовного дела выносится с нарушением. См. Сайт Генеральной прокуратуры РФ: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-83261/> (дата обращения: 30.04.2020).

увеличивать срок дознания, если предварительное расследование ведётся в данной форме.

Подводя итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть, что, в зависимости от источника получения информации о преступлении, последовательность действий по её проверке будет разная. При этом необходимо учитывать роль оперативно-розыскных мероприятий, применяемых на стадии возбуждения уголовного дела, а также криминалистическую характеристику самого преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Уголовный процесс*: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 7-е изд. — М.: Норма: Инфра-М, 2018. — 752 с.
2. *Арсланова А. Р.* Криминалистическая тактика процессуальных действий при рассмотрении сообщения о преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. / А. Р. Арсланова. — Ростов н/Д., 2017. — 27 с.
3. *Результаты Четвёртого совещания ответственных руководителей органов юстиции краёв, областей и автономных республик РСФСР* // Советская юстиция. — 1931. — № 4. — С. 12—22.
4. *Криминалистика*: учебник для вузов / отв. ред. чл.-корр. Акад. наук СССР С. А. Голунский. — М.: Госюриздат, 1959. — 511 с.
5. *Устав Уголовного судопроизводства*. — 6-е изд., испр. и доп. — Петроград: Изд-е юрид. книжн. магазина Н. К. Мартынова, 1913. — 1368 с.
6. *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс: изд. для студ. / М. В. Духовской. — М.: Склад изд. в книжном магазине М. В. Клюкина (Тип. А. П. Поплавского), 1910. — 448 с.
7. *Советский уголовный процесс*: учебник для высш. юрид. учеб. завед. / М. А. Чельцов. — 2-е изд. — М.: Госюриздат, 1951. — 512 с.
8. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
9. *Грибунов О. П.* Взаимодействие следователя с субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте / О. П. Грибунов // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы [Электронный ресурс]: сб. науч. ст. междунар. научно-практ. конф. / под ред. И. П. Можайевой. — М.: Академия управления МВД России, 2017. — С. 118—122.
10. *Никитин А. В.* Взаимодействие сотрудников оперативных и следственных подразделений: теоретико-правовой анализ понятия и признаков / А. В. Никитин // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 11 (126). — С. 271—274.
11. *Криминалистика* / А. И. Винберг, Б. М. Шавер; Всесоюзн. ин-т юрид. наук Мин-ва юстиции СССР. 4-е изд. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. — 272 с.
12. *Махов В. Н.* Проблемы совершенствования досудебного производства в уголовном процессе России / В. Н. Махов // Учёные труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2016. — № 2 (41). — С. 18—21.
13. *Криминалистика*: техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского; Всесоюзн. ин-т юрид. наук. — М.: Юрид. изд-во, 1938. — 540 с.
14. *Гладышева О. В.* Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве / О. В. Гладышева // Российский юридический журнал. — 2012. — № 6. — С. 122—132.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10035

Дмитрий Михайлович Кудра,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ
«СНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ С ТЕХНИЧЕСКИХ КАНАЛОВ СВЯЗИ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РОЗЫСКА ЛИЦ,
ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ»**

Аннотация: В представленной статье рассматривается необходимость законодательного урегулирования применения оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи», осуществляемого при розыске лиц, без вести пропавших. Делаются выводы о том, что оперативно-розыскное законодательство не позволяет использовать указанное оперативно-розыскное мероприятие во всех случаях розыска без вести пропавших. Актуализируется внимание на важности этого оперативно-розыскного метода для решения задач оперативно-розыскной деятельности по розыску безвестно исчезнувших. Предлагаются пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: без вести пропавший, несовершеннолетний, снятие информации с технических каналов связи, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, розыск, оперативно-розыскной закон.

Dmitry Mikhailovich Kudra,

Lecturer at the of the Department of Operative Search Activity and
Special Technology in the internal Affairs bodies
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia

**OPERATIONAL SEARCH EVENT REMOVAL
OF INFORMATION FROM TECHNICAL COMMUNICATION
CHANNELS IN THE SEARCH FOR MISSING PERSONS**

Abstract. The article discusses the need of legislative regulation of the use of operational search measures "collecting of information from technical communication channels", carried out in the search for missing persons. The author concludes that the operational search legislation does not allow to use this operational search activity in all cases of missing persons. Attention is paid to the importance of this operational search method for solving the problems of operational search activities for the search for the missing persons. Solutions to that problem are suggested.

Keywords: missing, minor, to take information from technical communication channels, operational-search measures, operational-search activities, search, operational-search law.

На сегодняшний день актуальным вопросом в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации (далее — РФ), остается решение задач, связанных с проведением первоначальных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) по розыску лиц, пропавших без вести, в целях своевременного реагирования на поступающие сообщения об исчезновении граждан [1, с. 9—10]. В последнее время получили распространение негативные сообщения средств массовой информации о безвестном исчезновении граждан, в том числе несовершеннолетних, которые впоследствии становились жертвами преступлений либо погибли в результате несвоевременной помощи или безуспешной работы полиции по поиску пропавшего. Новостные сводки федеральных и местных каналов телевидения, а также социальных сетей постоянно пополняются информацией о розыске той или иной категории граждан (несовершеннолетних, инвалидов, пожилых людей и т. д.). Например: «Житель Иркутска ушел в лес и пропал без вести в Иркутской области»¹; «59-летняя жительница Тулунского района ушла в лес за брусникой и пропала»²; «В Саратове около тысячи людей ищут пропавшую 9-летнюю девочку»³.

Общая характеристика состояния розыска без вести пропавших граждан, в том числе несовершеннолетних в РФ в настоящее время характеризуется тем, что правоохранительные органы не только уступают в оперативности реагирования на поступающие заявления и сообщения о розыске, но и в большинстве случаев обязаны ждать возбуждения уголовного дела, чтобы задействовать весь комплекс оперативно-розыскных методов розыска безвестно исчезнувших граждан, в особенности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста.

Анализ деятельности правоохранительных органов, указывает на наличие ограничений в проведении всего комплекса ОРМ в отношении данной категории разыскиваемых граждан. В частности, сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел (далее — ОВД) при поступлении и проверке заявления о розыске без вести пропавшего не могут осуществлять

¹ Житель Иркутска ушел в лес и пропал без вести в Иркутской области // Иркутск Медиа [Электронный ресурс]. — URL: <https://irkutskmedia.ru/news/614710/> (дата обращения: 27.02.2020).

² 12-летняя школьница пропала в Иркутском районе // ИрСити [Электронный ресурс]. — URL: <https://ircity.ru/news/45072Fnews> (дата обращения: 27.02.2020).

³ В Саратове около тысячи людей ищут пропавшую 9-летнюю девочку // Вести.Ru [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3198058&cid=8> (дата обращения: 27.02.2020).

ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, в отношении разыскиваемого, закрепленные в ч. 2 ст. 23 Конституции РФ¹, его связей, иных лиц, которые могут быть причастными к его безвестному исчезновению или располагать информацией о его возможном местонахождении, в случаях, когда отсутствуют признаки криминального события [2].

Обращает на себя внимание точка зрения А. М. Карякина, который полагает, что «в рамках проведения проверки информации по поступившему заявлению в отношении без вести пропавшего лица законодатель ограничил оперативные подразделения ОВД в его инструментарии, несмотря на то, что реализация задачи оперативно-розыскной деятельности по розыску без вести пропавших лиц предусмотрена ст. 2 Закона², а часть первая статьи 7 предусматривает наличие сведений о лицах, без вести пропавших, в качестве основания для проведения ОРМ» [3, с. 89].

Одним из таких ограничений является отсутствие в ст. 8 Федерального закона № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») положений, разрешающих ограничение конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, включая возможность проведения ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» (далее — СИТКС) в отношении без вести пропавшего лица, до возбуждения уголовного дела.

В августе 2019 г. были внесены соответствующие поправки в ФЗ «Об ОРД», разрешающие получение информации о месте нахождения сотового телефона (абонентского устройства) и списка абонентских соединений без вести пропавших несовершеннолетних, Федеральным законом Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее — ФЗ № 311-ФЗ). Данная норма, безусловно, расширила розыскной инструментарий ОВД, сделав первоначальные мероприятия по розыску несовершеннолетних эффективнее, однако вместе с тем законодатель, к сожалению, обошел стороной другие категории граждан, которым также может потребоваться экстренная помощь, оказать которую будет возможно лишь при своевременном обнаружении разыскиваемого.

Надо полагать, что инициатор поправок в ФЗ «Об ОРД», вводя эту норму в отношении детей, имел в виду широкий общественный резонанс, ко-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.

² Федерального закона № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности» Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.02.2020).

³ О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: федер. закон от 02.08.2019 № 311-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020083> (дата обращения: 26.02.2020).

торый носят в последнее время события, связанные с безвестным исчезновением несовершеннолетних. Так, по официальным данным, ежегодно, в ОВД поступают десятки тысяч заявлений о безвестном исчезновении. При этом за последние пять лет разыскивалось более 390 тыс. без вести пропавших. Из них доля несовершеннолетних, от общего числа разыскиваемых составляла от 8,4 до 9,4 %. Например, в 2018 г. в розыске находилось 76217 граждан, из них несовершеннолетних 6440. В указанный период было объявлено в розыск 35787 человека, включая 5248 лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Принятыми мерами розыска установлено местонахождение 33545 граждан, включая 5190 несовершеннолетних. Из числа пропавших жертвами преступлений стали 310 человек, среди них 16 — это несовершеннолетние. Всего в указанном году по факту безвестного исчезновения возбуждалось 14411 уголовных дел, 854 были связаны с розыском детей¹ [4].

По мнению некоторых ученых, в условиях развития технического прогресса, практический каждый гражданин имеет в пользовании сотовый телефон или иное мобильное устройство (планшет, смарт-часы) оснащенные sim-картой, что дает возможность операторам связи и правоохранительным органам определить его местоположение практически до метра [4, с. 31; 5; 6, с. 192]. Полученная информация с технических каналов связи может позволить ОВД заметно сузить район проведения розыскных мероприятий, своевременно направить необходимые силы и средства, сохранить жизнь, обезопасить от преступных посягательств и достигнуть поставленной цели — обнаружения разыскиваемого.

Приведенные данные статистики свидетельствуют о необходимости законодательного урегулирования пробела в возможности проведения всего комплекса ОРМ, включая СИТКС, на стадии проведения первоначальных мероприятий по проверке информации о розыске граждан, в том числе при отсутствии очевидных признаков криминального исчезновения. Совершенствование российского законодательства в области ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также механизмов их восстановления при осуществлении правоохранительными органами розыска безвестно исчезнувших способствовало бы устранению указанных проблем [7, с. 65].

Следует обратить внимание, что на момент принятия Федерального закона № 311-ФЗ о внесении изменений в ст. 8 ФЗ «Об ОРД», затрагивающих розыск без вести пропавших несовершеннолетних, в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 546865-7 от 12.09.2018, который предусматривал изменения в законе «О связи» и оперативно-розыскном законе, в части наличия возможности «получения у оператора подвижной радиотелефонной связи сведений о месте нахождения радиоэлектронных средств оператора связи, с помощью которых осуществляется подключение пользо-

¹ Официальные статистические показатели // ЕМИСС государственная статистика [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 26.02.2020).

вательского оборудования абонента к сети подвижной радиотелефонной связи, и положении пользовательского оборудования абонента относительно радиоэлектронных средств, лиц, пропавших без вести»¹. Условием проведения указанных действий являлось, мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД). При этом оператору связи закреплялась обязанность предоставления уполномоченным государственным органам, осуществляющим ОРД, запрашиваемых сведений, а также создание условий для оперативного поиска пропавших людей путем определения местоположения принадлежащих им мобильных устройств на основе геолокационных данных.

Однако законопроект так и не был принят. Хотя его инициатор уведомлялся о нахождении на рассмотрении в Государственной Думе РФ проекта закона, содержащего схожие по своей структуре и нормам положения, касающиеся розыска без вести пропавших граждан. Указанные инициатором предложения отличались от принятого закона содержащимися в них поправками, которые позволяли бы правоохранительным органам, осуществляющим ОРД, проводить мероприятия по установлению местонахождения абонентского устройства без получения разрешения суда, не только в отношении несовершеннолетних, но и других категорий без вести пропавших.

Следует учитывать, что истребование информации о местонахождении абонентского устройства влечет за собой ограничение конституционных прав и свобод гражданина, т. к. направлено на сбор сведений о входящих и исходящих соединениях абонента, определение его местоположения и контроль за его перемещением, что предусматривает получение судебного разрешения (см. ст. 8 ФЗ «Об ОРД») [8, с. 6].

Справедливо возникает вопрос, — чем же отличаются остальные граждане, пропавшие без вести, от лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, если в отношении них нельзя в полной мере провести ОРМ, связанное с получением сведений о соединениях абонентского устройства до и после исчезновения, с целью установления местонахождения и возможного их спасения или оказания иной помощи? Зачем в законе две различные нормы, разделяющие категории без вести пропавших лиц по возрастным критериям, дающие возможность эффективно обнаруживать одних — несовершеннолетних, и занижающих инструментарий поиска в отношении других — взрослых, пропавших граждан?

Практика показывает, что при розыске без вести пропавших полученные данные о соединениях абонента и абонентского устройства позволяют максимально быстро установить возможные обстоятельства исчезновения человека, получить информацию о его связях, месте фактического нахожде-

¹ О внесении изменения в статью 22 Федерального закона «О связи» от 11.12.2018 № 465-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/546865-7> (дата обращения: 26.02.2020).

ния и др. Истребованные сведения оказывают оперативным сотрудникам неоценимую помощь в проведении других различных ОРМ и розыскных действий, направленных на установление местонахождения пропавшего человека. При этом значительно экономится время, затрачиваемое на осуществление первоначальных мероприятий по розыску пропавшего. Эффективность розыска лиц, пропавших без вести, в указанном случае, зависит от такой критерия, как оперативность принимаемых мер по установлению местонахождения разыскиваемого [9].

Показателен в этом плане зарубежный опыт работы правоохранительных органов по розыску без вести пропавших граждан. Так, в Республике Беларусь проведение мероприятия, связанного с получением информации о соединениях абонентского устройства и установления его местонахождения, регламентировано Законом от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, при соблюдении условий обязательного санкционирования прокурором и осуществления мероприятия в рамках заведенного дела оперативного учета.

Решением обозначенной проблемы проведения ОРМ может стать корректировка ст. 8 ФЗ «Об ОРД» путем введения положений, разрешающих проведение ОРМ СИТКС, в отношении всех категорий лиц, пропавших без вести, а не только несовершеннолетних. Поскольку изменения должны касаться не только детей, но и взрослых [10, с. 110]. В данном случае речь идет о сотнях или тысячах жизней, всегда есть риск, что человек может не дожидаться своевременной помощи.

Дополнение к ФЗ «Об ОРД» может выглядеть следующим образом: «в случае поступления заявления (сообщения) о безвестном исчезновении лица, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у пропавшего лица, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи, с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативно-розыскного мероприятия орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение».

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что возможность незамедлительного проведения ОРМ СИТКС при реагировании на заявления и сообщения о безвестном исчезновении любого гражданина, вне зависимо-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Р-ки Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 // Комитет государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <http://kgb.by/ru/zakon289-3/> (дата обращения: 27.02.2020).

ти от его возраста, в конечном итоге будет являться важным инструментом в организации поисковой работы, включая установление причин и обстоятельств исчезновения лиц, пропавших без вести.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бастрыкин А. И.* Основные направления деятельности Следственного комитета РФ в 2018 году / А. И. Бастрыкин // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения.* — М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. — 2018. — № 4. — С. 9—12.
2. *Кузнецов Е. В., Ступницкий Е. А.* Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособ. / Е. В. Кузнецов, Е. А. Ступницкий. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. — 2011. — 132 с.
3. *Карякин А. М.* Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при решении задач по розыску лиц, без вести пропавших / А. М. Карякин // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.* — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 88—94.
4. *Буряков Е. В.* Проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, в процессе розыска без вести пропавших лиц / Е. В. Буряков // *Оперативно-розыскное право.* — 2017. — № 1. — С. 30—32.
5. *Бахта А. С., Вагин О. А., Чечетин А. Е.* Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного суда Российской Федерации: науч.-практ. пособ. / А. С. Бахта, О. А. Вагин, А. Е. Чечетин [и др.]. — Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России. — 2012. — 64 с.
6. *Тимофеев С. В.* Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С. В. Тимофеев // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.* — 2020. — № 1. — С. 192—199.
7. *Семилетов С. И.* Проблемы обеспечения конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в сетях связи / С. И. Семилетов // *Труды института государства и права Российской академии наук.* — 2011. — № 6. — С. 45—66.
8. *Железняк Н. С.* О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке / Н. С. Железняк // *Вестник Восточно-Сибирского юридического института МВД России.* — 2016. — № 3. — С. 5—7.
9. *Лапин Е. С.* Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: моногр. / Е. С. Лапин. — М.: Юрлитинформ. — 2014. — 191 с.
10. *Томилин С. М., Щетнёв Л. Е.* Проведение оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» в свете последних изменений оперативно-розыскного законодательства / С. М. Томилин, Л. Е. Щетнёв // *Вестник Владимирского юридического института.* — 2019. — № 4. — С. 108—110.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10036

Дмитрий Николаевич Лузько,

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России

РОЗЫСК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты нормативного правового регулирования деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел и органов военной полиции Вооруженных Сил РФ по осуществлению розыска военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы. Автором делается предложение по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства с целью устранить пробелы в законодательном регулировании рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, розыск, военная полиция, военнослужащий, компетенция, меры по розыску, изменения, законодательство.

Dmitriy Nikolaevich Luzko,

Associate Professor at the of the Department
of Operative Search Activity
and Special Technology in the internal Affairs bodies
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia

SEARCH FOR MILITARY PERSONNEL WHO AVOID MILITARY SERVICE: LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS

Abstract. The article discusses some problematic issues related to the normative law regulation of the activities of operational units of internal affairs bodies and military police bodies of the Armed Forces of the Russian Federation for the search for military personnel who avoid military service. The author also suggests measures to improve operational-search law in order to fill gaps in the legislation on the issue under consideration.

Keywords: search activity, operational-search measures, search, military police, military serviceman, competence, search measures, changes, legislation.

Одной из задач оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) является осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания,

следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания¹, своевременное решение которой оказывает непосредственное влияние на неотвратимость наказания виновных лиц и эффективность осуществления правосудия.

Немаловажный аспект розыскной деятельности, которому в практической и научной сфере не уделяется должного внимания, является розыск военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы (далее — розыск военнослужащих). Указанное обстоятельство обусловлено недостаточным уровнем научной проработки и нормативного правового регулирования рассматриваемого вопроса.

Несмотря на то, что в общем массиве разыскиваемых удельный вес военнослужащих, находящихся в розыске за преступления, предусмотренные ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы), ст. 338 УК РФ (дезертирство) незначителен (около 1,3 %), он в достаточной мере воздействует на состояние розыска в целом.

Изучение статистических сведений ГИАЦ МВД России в период с 2015 по 2019 гг. о разыскиваемых указанной категории показало, что их количество неизменно сокращается. Это связано с общероссийской тенденцией снижения числа лиц, находящихся в розыске.

Так, в рассматриваемый период снижение количества объявленных в розыск военнослужащих составило 35,2 % (с 1790 в 2015 г., до 1160 в 2019 г.), розыск прекращен в 2015 г. в отношении 546 лиц, в 2019 г. в отношении 233 (снижение на 57,4 %), осталось в розыске на конец отчетного периода 2015 г. 1244 военнослужащих, в 2019 году — 927 (-25,5 %)². Представленные статистические показатели наглядно свидетельствуют о том, что в настоящее время проблема организации розыска военнослужащих актуальна, и оперативные подразделения органов внутренних дел (далее — ОВД) прилагают значительные силы и средства на их установление и задержание.

Необходимо напомнить, что военнослужащие обладают специальным правовым статусом³, который помимо прав и свобод закрепляет ответственность и выполнение возложенных на них должностных обязанностей, связанных с прохождением военной службы. Исполнение воинского долга, как важнейшей составляющей при решении задач в сфере безопасности и обороны государства определяет сущность рассматриваемой специфики [1, с. 250]. Основной формой реализации конституционной обязанности по защите Оте-

¹ Статья 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

² ГИАЦ МВД России. Состояние преступности в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/12899359/> (дата обращения: 05.03.2020).

³ Статья 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащего».

чества является прохождение военной службы по призыву либо путем добровольного поступления на военную службу (по контракту).

Регламентированный порядок несения службы обязывает военнотружущего находиться в определенном месте дислокации (воинская часть либо место службы), принимать исчерпывающие меры для прибытия в место расположения в указанное время и проходить службу в течение установленного законом срока. Нарушение перечисленных норм влечет за собой юридические последствия, выраженные в уголовном преследовании. При этом их тяжесть для военнотружущих, самовольно оставивших часть или место службы (ст. 337 УК РФ), напрямую зависит от количества времени, в течение которого они уклонялись от прохождения службы, и варьируется следующим образом: свыше двух суток, но не более десяти (ч. 1), свыше десяти суток, но не более одного месяца (ч. 3), свыше одного месяца (ч. 4). Для дезертиров (ст. 338 УК РФ) временной промежуток не предусмотрен¹.

При этом законодатель, учитывая стечение тяжелых обстоятельств, послуживших основанием уклонения от прохождения воинской службы, для военнотружущих, впервые совершивших деяния, закрепленные в ст. 337 УК РФ, частью 1 ст. 338 УК РФ предусмотрел освобождение от уголовной ответственности.

А. А. Лопатенков в своем исследовании сообщает «о невозможности достоверного определения количества совершенных преступлений данной категории, в связи с их значительной латентностью. В то же время, исходя из рассмотренных военными судами уголовных дел, ученый приходит к выводу, что наиболее часто совершаемым видом уклонения является самовольное оставление части — 79 %, дезертирство — 20 %» [2, с. 94].

С учетом специфики субъекта розыска приходится констатировать о значительных пробелах регламентации компетенции ОВД и военной полиции Вооруженных Сил РФ (далее — военная полиция) по розыску военнотружущих. В частности, сегодня нормативно не закреплен механизм взаимодействия при осуществлении розыскных мероприятий, а также документально не отражены организационно-тактические особенности установления местонахождения военнотружущих, находящихся в розыске за указанные преступления.

Для более подробного изучения вопроса, касающегося розыска военнотружущих, рассмотрим юридическое содержание понятия «компетенция», которое включает в себя такие элементы, как предмет ведения, т. е. круг тех объектов, явлений, действий на которые распространяются полномочия, подразумевающие права и обязанности органа государственной власти и их ответственность.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 8. Ст. 916.

Анализируя предназначение военной полиции, закрепленное в ст. 25.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», следует отметить, что оно выражается в защите жизни, здоровья, прав и свобод военнослужащих Вооруженных Сил РФ. Реализации норм, направленных на обеспечение законности, правопорядка, воинской дисциплины, а также в пределах своей компетенции противодействие преступности, защиты других охраняемых законом правоотношений в области обороны путем применения юридических мер воздействия. И одним из основных направлений деятельности военной полиции, как подразделения, входящего в систему «военных правоохранительных органов» [3, с. 237], является организация в Вооруженных Силах розыска и задержания военнослужащих, уклоняющихся от военной службы и содействие в пределах своих полномочий органам внутренних дел РФ в их розыске.

Компетенция ОВД, в сфере розыска «преступников», раскрыта не только в ст. 2 Закона об ОРД, но и в ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», и заключается в осуществлении розыска лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении, а также лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда. Подразумевает под собой систему необходимых мер, направленных для установления местонахождения разыскиваемых преступников, но не отражающих всего круга объектов, на обнаружение которых могут быть сосредоточены розыскные действия [4, с. 195]. Как мы видим, в перечисленных правовых нормах не конкретизирована функция ОВД по розыску военнослужащих и участие военной полиции в данной деятельности.

Логично предположить, что полномочия военной полиции в отношении военнослужащих, допустивших противоправное деяние, значительно объемнее и существеннее, чем в ОВД, у которых они практически отсутствуют применительно к указанному специализированному субъекту розыска.

В связи с этим возникает вопрос: почему розыск военнослужащих осуществляет ОВД, а не военная полиция, уставом¹ которой закреплено проведение мер по розыску лиц, уклоняющихся от прохождения военной службы? Для ответа на него рассмотрим различие в смысловом значении терминов «меры по розыску» и оперативно-розыскные мероприятия.

В данном аспекте внимание заслуживает мнение С. А. Минтягова, который сообщает, что в сфере военного законодательства отсутствуют понятия «розыскные мероприятия», «розыскные меры», но при этом отождествляет их с понятием «меры по розыску» [5, с. 17]. Из чего следует, что розыскные мероприятия могут осуществляться не только оперативными подразделениями правоохранительных органов, но также и органами военной

¹ Указом Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 утвержден Устав военной полиции Вооруженных Сил РФ и внесены изменения в некоторые акты Президента РФ.

полиции, в круг обязанностей, которых входит проведение розыскных мер, но только гласно.

В этой связи следует отметить, что в истории современной России впервые на законодательном уровне, регламентирующем деятельность по розыску в Вооруженных силах, дано определение «мер по розыску», которые, в соответствии со ст. 189 Устава военной полиции Вооруженных Сил РФ (далее — УВП ВС РФ), являются мерами, направленными на установление местонахождения военнослужащих, уклоняющихся от прохождения военной службы, оказание содействия ОВД в розыске и задержании военнослужащих, самовольно оставивших воинские части (места службы).

Отраженный в ст. 192 УВП ВС РФ комплекс мер включил в себя: возможность получения справочных, характеризующих разыскиваемого сведений, от государственных и местных органов власти; осуществление опроса военнослужащих и иных лиц, обладающих необходимой информацией; обследование местности в целях обнаружения объектов розыска, а также предметов и следов, имеющих отношение к совершённом преступлению; преследование; блокирование и задержание субъекта розыска.

Перечисленное наглядно демонстрирует, тот факт, что компетенция или объем полномочий военной полиции в осуществлении розыскных мер достаточно широк, но не содержит возможности проведения специальных мероприятий, включая негласных, необходимых для установления местонахождения и задержания разыскиваемого, принимающего активные меры для противодействия его розыску.

По нашему мнению, в данном контексте необходимо понимать, что «меры по розыску» относятся к поисковым действиям, т. е. действиям по обнаружению, установлению лиц или получению информации о разыскиваемых в упрощенном, не урегулированном оперативно-розыскным законодательством смысле, в связи с чем по своей специфике не являются оперативно-розыскными мероприятиями (далее — ОРМ) и существенно отличаются от них.

Чтобы аргументировать данный тезис, обратимся к теории ОРД. Так, основное различие отражено в самой дефиниции ОРМ. В этом вопросе нам импонирует точка зрения Н. С. Железняк, который определяет ОРМ как «совокупность основанных на использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов, объединенных единым тактическим замыслом действий, осуществляемых оперативными подразделениями в целях своевременного выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска причастных к ним лиц и без вести пропавших, решения других задач ОРД» [6, с. 88]. Значительная часть указанных действий имеет конспиративный характер и в зависимости от сложившейся ситуации оперативные подразделения ОВД определяют вид и тактику их проведения [7, с. 114].

При этом стоит заметить, что перечень государственных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, закрепленный ст. 13 Закона об ОРД, конкретизирован, и военная полиция в их число не входит.

Возникает дилемма, почему целенаправленно созданный, специализированный орган, которым является военная полиция, действующий в рамках своей компетенции, не имеет возможности оперировать эффективным комплексом мероприятий, необходимых для решения поставленных задач. При этом, как известно, действенность розыскных мероприятий во многом зависит от тактических особенностей их проведения и принимаемых на первоначальном этапе мер. Немаловажную роль в этом случае играет владение информацией о мотиве, побудившем военнотружущего уклониться от прохождения службы. Не определив причины и условия, способствующие его совершению, достаточно сложно выбрать правильное направление поиска и осуществить продуктивный комплекс розыскных мер. Зачастую не отрабатывается версия криминального исчезновения разыскиваемого [8, с. 7], вследствие чего достигнуть положительного результата розыска затруднительно. В настоящее время, как отмечает В. В. Меркурьев, «выявлением и раскрытием преступлений, совершенных в Вооруженных Силах, часто занимаются органы безопасности в войсках, что является для них непрофильной деятельностью» [9, с. 9].

По нашему мнению, было бы логичным наделить военную полицию компетенцией осуществления ОРД в объеме, необходимом для эффективного решения задачи по розыску военнотружущих, уклоняющихся от прохождения военной службы. Нельзя не согласиться с Е. В. Кузнецовым, который указал, что ОРМ «представляют из себя универсальные методы добывания информации, используемые и в других видах государственной и негосударственной деятельности» [10, с. 83—85].

В связи с изложенным, считаем необходимым внести дополнения в п. 9 ст. 13 Закона об ОРД и изложить в следующей редакции: «оперативное подразделение военной полиции Министерства обороны Российской Федерации проводят оперативно-розыскные мероприятия (опрос; наблюдение; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; отождествление личности; исследование предметов и документов; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств) в целях розыска военнотружущих, уклоняющихся от прохождения военной службы, а также вправе использовать конфиденциальное содействие граждан».

Данное изменение позволит частично устранить пробелы в законодательном регулировании в отношении специального субъекта розыска и возникающие при этом проблемные вопросы, связанные с спецификой проведения розыскных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Морхинин А. М. «Воинский долг»: этимология понятия и психолого-педагогическая характеристика / А. М. Морхинин // Мир образования — образование в мире. — 2014. — № 2 (54). — С. 249—253.
2. Лопатёнков А. А. Мотивы преступлений и социально-экономические причины уклонения от исполнения обязанностей воинской службы / А. А. Лопатёнков // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. — 2013. — № 2. — С. 93—99.
3. Минтягов С. А. Военная полиция Вооруженных Сил Российской Федерации в системе военных правоохранительных органов / С. А. Минтягов // ЭНИ «Военное право». — 2017. — № 1 (41). — С. 231—240.
4. Гордеев С. Н. О направлениях розыскной работы в теории оперативно-розыскного права / С. Н. Гордеев // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 11. — С. 195—197.
5. Минтягов С. А. Правовые основы организации розыска военнослужащих, самовольно оставивших место службы, органами военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации / С. А. Минтягов // ЭНИ «Военное право». — 2017. — № 5 (45). — С. 14—21.
6. Железняк Н. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник / Н. С. Железняк. — 2-е изд., доп. — Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2013. — 297 с. ISBN 978-5-7889-0211.
7. Кузнецов Е. В., Шиханов В. Н. Принцип целесообразности как основа совершенствования оперативно-розыскного законодательства: моногр. / Е. В. Кузнецов, В. Н. Шиханов. — Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2012. — 128 с.
8. Вирясова Н. В. Розыск и задержание военнослужащих, уклонившихся от военной службы: истоки, реалии, перспективы совершенствования / Н. В. Вирясова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2014. — № 102 (08). — С. 1161—1169.
9. Меркурьев В. В. Обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба / В. В. Меркурьев // Право в Вооруженных Силах. — 2017. — № 2. — С. 6—12.
10. Кузнецов Е. В. Оперативно-розыскные мероприятия как универсальные методы познания действительности / Е. В. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 1 (56). — С. 80—85.

УДК 343.9

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10037

Павел Борисович Панфилов,

начальник отдела экспертиз запаховых следов человека

Экспертно-криминалистического центра МВД России,

кандидат юридических наук;

Зинаида Юрьевна Панфилова,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского управления

Экспертно-криминалистического центра МВД России,

кандидат биологических наук;

Юлия Сергеевна Фирнова,

эксперт отдела экспертиз запаховых следов человека

Экспертно-криминалистического центра МВД России»

СПОСОБ ХИМИЧЕСКОЙ ЭКСТРАКЦИИ ФРАКЦИИ ПОЛЯРНЫХ ЛИПИДОВ БИОЛОГИЧЕСКИХ СРЕД И ВЫДЕЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОБОПОДГОТОВКЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОЛЬФАКТОРНОЙ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ (МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. Статья посвящена методическим аспектам использования способа химической экстракции фракции полярных липидов биологических сред и выделений человека при производстве ольфакторной судебной экспертизы. Рассмотрены основные результаты научной деятельности авторского коллектива по выделению и дальнейшему изучению свойств источников запаховых следов человека, особенностям использования нового способа пробоподготовки при производстве ольфакторной судебной экспертизы, в частности, при выявлении диагностического признака наличия запаховых следов человека в исследуемых пробах инструментальным методом тонкослойной хроматографии. Приведены некоторые результативные примеры экспертной практики, полученные с использованием способа химической экстракции запаховых следов человека при расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет, вызвавших большой общественный резонанс.

Ключевые слова: ольфакторная судебная экспертиза, запаховые следы человека, полярные липиды, церамиды, биодетекторы, тонкослойная хроматография, особо тяжкие преступления против личности.

Pavel Borisovich Panfilov,

Head of the Department of examinations of human odor traces,

Forensic Science Center of the MIA of Russia;

Zinaida Yurievna Panfilova,

Head research scientist Department of scientific researches

Forensic Science Center of the MIA of Russia;

Yulia Sergeevna Fironova,

forensic expert of the Department

of examinations of human odor traces Forensic Science Center of the MIA of Russia

METHOD OF CHEMICAL EXTRACTION OF POLAR LIPID FROM HUMAN BIOLOGICAL MEDIUM AND EXCRETION DURING SAMPLE PREPARATION AND FEATURES OF EXPLOSIVE SCENT FORENSIC EXAMINATION WITH ITS USE. METHODOICAL ASPECT

Annotation. The article is devoted to the methodological aspects of using the method of the polar lipid chemical extraction from biological medium and human excretion during explosive scent forensic examination. The main results of scientific activity of research group for determining the characteristics of sources of human odorous traces. The authors consider the characteristic use of a new method of sample preparation during explosive scent forensic examination, particularly in identifying diagnostic feature of the existence of human odorous traces in the sample under study by instrumental method thin-layer chromatography. The authors give many examples of successful practical using the chemical extraction method in the investigation of particularly serious crimes of previous years which caused a great public outcry.

Keywords: explosive scent forensic examination, human odorous traces, polar lipids, ceramides, biodetectors, thin-layer chromatography, especially serious crimes against the person.

В 2018 г. инициативной группой специалистов отдела экспертиз запаховых следов человека Экспертно-криминалистического центра МВД России (далее — ЭКЦ МВД России) завершены уникальные разработки в области определения и изучения веществ, отвечающих за индивидуальный запах человека, а также механизма их глубокой очистки и концентрирования в отобранных пробах.

Работа проводилась в сотрудничестве и на базе Криминалистического центра Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (далее — ГУК СК России), ГБУЗ «Бюро СМЭ» Московской области, ГБУЗ г. Москвы «Городская клиническая больница им. С. С. Юдина», «Городская клиническая больница № 1 им. Н. И. Пирогова», факультета биологии и зоотехники Российского государственного аграрного университета — Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, профильной лаборатории Института биоорганической химии РАН им. Академиков М. М. Шемякина и Ю. А. Овчинникова.

В дополнение к первоначальным данным по исследованию образцов пота и крови [1, с. 109], авторским коллективом за 2018—2019 гг. было получено и исследовано свыше 2 тыс. образцов от 516 умерших и погибших лиц (образцы трупной крови, смывы с поверхности кожи, полостей, образцы тканей трупов, следы трупного материала на одежде), более 3 тыс. образцов

от 1,5 тыс. человек — статистов, проведено более шестнадцати тысяч экспериментов по дифференциации и идентификации ольфакторным экспертным методом выделенных физико-химическим путем липидных фракций из биологического материала человека (кровь, пот, слюна, висцеральная жидкость, сперма, вагинальный и простатические секреты, ткани внутренних органов, костный материал). Обширные репрезентативные данные проведенных исследований и их анализ позволили впервые в мировой практике установить, что источниками индивидуализирующих человека пахучих веществ служат специфичные для каждого организма продукты межклеточного обмена и сигнализации — полярные липиды, относящиеся к классу сфинголипидов, а именно церамиды [2, 1]. Указанные биологически индивидуальные компоненты являются сигнализаторами клеточного обмена, присутствуют практически во всех тканях и выделениях человека, что значительно расширяет современное понятие объекта ольфакторного исследования. В серии проводимых опытов с использованием обозначенной репрезентативной выборки данные вещества извлекались не только из образцов пота (смыслов с тела), крови и иного биологического материала человека, но и из самих клеток, межклеточного пространства [3], клеточных мембран, митохондрий, эндоплазматического ретикулума и других органелл, в том числе костного материала с применением специализированных лизирующих буферов и ферментов под контролем хроматомасспектрометрии и микроскопии.

В процессе получения требуемых липидных фракций экстрагируемые вещества полностью очищались от посторонних пахучих включений, представляющих собой «сенсорный шум» для обонятельной системы биодетекторов. Экспериментальная практика показала, что указанная очистка не только значительно повышает количественный показатель получаемых веществ и их концентрацию, но и на порядки понижает пороги обнаружения и идентификации исходного ольфакторного сигнала на уровне биологической системы при сохранении должного уровня достоверности его обнаружения (обеспечение минимаксного принципа выявления сигнала) [4]. Это позволяет уже на стадии получения запаховых проб избавляться от возможных пахучих помех (продуктов ГСМ и пиролиза, аммиачных соединений, едких, раздражающих и ядовитых веществ, других сопутствующих компонентов, повышающих пороги обнаружения ольфакторного сигнала).

В опытах на модельных объектах с использованием 42 животных ольфакторных экспертных лабораторий ЭКЦ МВД России и территориальных органов МВД России было установлено, что концентрация пахучих веществ, достаточная для устойчивого и воспроизводимого распознавания индивидуального запаха в составе исследуемой липидной смеси тремя животными подряд (до начала затухания исходных поведенческих реакций) не превышает одной десятиллионной части микрограмма в одной запаховой пробе (10^{-12} г/л). При этом используемые группы животных не встречали препятст-

вий для распознавания индивидуального запаха субъекта в смеси, экстрагированной из липидных фракций разной концентрации входящих в нее элементов (индивидуализирующих пахучих веществ) до 26 человек.

В результате определения конкретного вида веществ, отвечающих за ольфакторную индивидуальность человека, стало возможным выявление основного диагностического ольфакторного признака (наличие видового (индивидуального) запаха человека как биологического вида) инструментальным методом тонкослойной хроматографии, с последующей оценкой полученных липидных фракций путем сопоставления факторов подвижности (R_f) с соответствующими эталонными значениями R_f для искомым веществ, ответственных за индивидуальный запах человека. Указанные данные подтверждают известными методами аналитической химии — последовательными качественными реакциями с использованием нингидрина в метаноле и четыреххлористом углероде, и реагента Васьковского [5, с. 16—23] (указанные качественные реакции могут также проводиться с использованием 20 % сульфата аммония в четырехпроцентной серной кислоте для определения класса липидов) [6].

В серии из 3 тыс. проведенных опытов по инструментальному исследованию экстрагированных химическим путем полярных липидов биологического материала человека, животных и растений в 99,93 % случаев результаты анализа выделенных веществ подтверждались их последующим ольфакторным исследованием с использованием групп специально обученных животных, что свидетельствует о необходимой и достаточной достоверности указанных исследований, а также о возможности их широкого использования в экспертной практике при производстве судебных экспертиз запаховых следов человека. Выявленные два факта расхождения результатов инструментального и последующего ольфакторного анализа проб относятся к случаям наличия в исследуемых пробах, характеризующихся запахом человека, ольфакторного липидного комплекса в концентрациях, достаточных для восприятия обонятельным анализатором применяемых животных, но находящегося за пределами чувствительности используемого инструментального метода анализа (предел поглощения 10^{-9} г).

В этой связи последующее после инструментального ольфакторное диагностическое исследование полученных проб на наличие запаховых следов человека с использованием животных рекомендуется проводить только в случаях расхождения значений факторов подвижности (R_f) соответствующим эталонным значениям, а также при выявлении в исследуемых пробах загрязнений, неустраняемых предусмотренным циклом многократной химической очистки проб, т. к. чувствительность и избирательность обонятельного анализатора животных-макросматиков в выявлении пахучих веществ в настоящее время на порядки превосходит возможности инструментальных методов их анализа.

Таким образом, с использованием современных возможностей пробоподготовки вопрос о получении и сохранении запаховых следов человека с объектов может быть решен инструментальным методом без проведения ранее предусмотренного для этого диагностического ольфакторного исследования. А выявление церамидов как источника индивидуального запаха человека позволяет в перспективе ольфакторным экспертным лабораториям решить актуальный вопрос об их компактном долгосрочном хранении в криохранилищах.

Впервые в мировой практике в ольфакторном экспертном исследовании реализована возможность идентификации человека на основе синтеза инструментальных и биосенсорных методов исследования полярных липидов, входящих в состав его биологических сред.

В результате проведенных исследований были подтверждены некоторые ранее выдвинутые постулаты и получены новые данные о свойствах индивидуализирующих субъекта пахучих веществ, возможностях их образования, перехода и сохранности на предметах-следоносителях.

Так, химической очисткой индивидуализирующих пахучих веществ сред и выделений человека с последующими исследованиями подтверждено, что индивидуальный запах обладает уникальным свойством биологической целостности — он неизменяем, неделим и несмешиваем (в смеси), представляет собой своеобразную биологическую матрицу «пахучего кода», возможность восприятия и анализа которого достигается за счет использования в исследовании адекватных биосенсорных средств и способов перевода и обработки массива их бинарных сигналов на основе специальных знаний с помощью современных ольфакторных методик и элементов математической логики [7, с. 29—36].

Была подтверждена бесперспективность ольфакторного исследования объектов одномоментного бытового контакта, где исследуемые пахучие вещества либо вовсе отсутствуют, либо находятся в крайне низкой (недостаточной) для исследования концентрации. Бесперспективно исследование стреляных гильз, а также объектов, подвергшихся длительному воздействию высоких температур (полностью обугленных), уничтожающих биологические следы. Также неэффективным признано получение запаховых проб с объектов способом аппликации (наложением тканевых салфеток на поверхность объекта).

Вместе с тем были получены новые экспериментальные данные, подтвержденные результатами экспертной практики, о высокой степени сохранности микроколичеств индивидуализирующих субъекта пахучих веществ пота и другого биологического материала в смеси со следами крови и биологических сред иных лиц (простатического и вагинального секретов, слюны, спермы), в том числе без форменных элементов (клеток).

Так, положительные результаты идентификации субъекта по запаховым следам, сыгравшие решающее значение в следственной и судебной практике, позволяют обоснованно утверждать о сохранности индивидуализирующего субъекта ольфакторного липидного комплекса в смеси биологических следов потерпевших на их одежде и в смывах из полостей тела до 35 лет с момента следообразования [8]. При этом с использованием разработанного способа химической экстракции липидных фракций биологических сред и выделений человека оказалось возможным извлекать указанные вещества из материалов, ранее считавшихся непригодными к ольфакторному исследованию — подвергшихся длительному (от года и более) нахождению в открытых водоемах, зарытых в земле, со следами плесневых образований, явными признаками органического разложения (гниения).

Высокая степень сохранности индивидуализирующих субъекта пахучих веществ в данных материалах связана со свойством керамидов во влажной среде (воде) образовывать специфические надмолекулярные шаровидные структуры — так называемые мицеллы, в которых гидрофобная («отталкиваемая» водой) часть молекулы керамидов обращена внутрь шара, а гидрофильная («притягиваемая» водой) часть — наружу. В этом состоянии искомые вещества, в отличие от клеточных структур, используемых в ДНК-анализе, практически не подвергаются разрушению, а фиксация обозначенных структур в смеси с кровью и иными биологическими средами потерпевших при нахождении в просветах между волокнами и пораами объектов-следоносителей препятствует их вымыванию в водной среде.

Сохранность и устойчивость индивидуализирующих субъекта пахучих компонентов в неблагоприятных для биологических следов человека условиях была неоднократно подтверждена специалистами ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России как в процессе обширной и продолжительной экспериментальной научной работы и экспертной практики, так и по результатам осуществления совместных с представителями Главного управления криминалистики и территориальных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, а также уголовного розыска выездных поисковых мероприятий по обнаружению со специализированными трупопоисковыми собаками криминальных захоронений в Московской, Тверской и Нижегородской областях при анализе образцов почвы и грунтовых вод на наличие следовых количеств полярных липидов, характеризующих человека. При этом в последнем случае, при наличии в лаборатории сравнительных образцов без вести пропавшей малолетней девочки удалось с использованием разработанного способа пробоподготовки и современных экспертных ольфакторных методик идентифицировать индивидуализирующий ее ольфакторный липидный комплекс на участке болотистой местности с вытекающими в ручей грунтовыми водами.

Та же экспериментальная работа подтвердила, что «консервация» запаховых следов преступника кровью (сукровицей, секретами слизистых выделений) потерпевшего возможна только при непосредственном контакте с ней до высыхания. Сухая кровь не «отдает» и не «впитывает» индивидуализирующие субъекта пахучие вещества. Установлено, что запаховые следы человека, в отличие от клеточных структур, используемых в геномной идентификации, не перемещаются по воздуху вместе с пылью и сквозняками, не переносятся с субъекта на объект в результате чихания, не образуются в достаточном для ольфакторного исследования количестве при одномоментных бытовых контактах, не переходят с объекта на объект при их соприкосновении или длительном нахождении в непосредственной близости друг от друга, как в обычных условиях, так и в общей упаковке. Для их образования требуется непосредственный интенсивный или продолжительный контакт с субъектом, а для долгосрочной фиксации — «растворение» в крови (ином биологическом материале) потерпевшего. Это и определяет высокую доказательственную значимость выявленных в результате ольфакторной судебной экспертизы запаховых следов человека на тех или иных объектах исследования, в особенности в смеси со следами крови потерпевших — как образовавшихся непосредственно в момент совершения преступления.

Существенное повышение селективности и чувствительности метода в выявлении микроколичеств индивидуализирующих субъекта пахучих веществ за счет извлечения их из смесей биологического материала, в том числе не содержащего ДНК-структур, позволяет добиваться результативного исследования вещественных доказательств даже после нескольких проведенных по ним молекулярно-генетических исследований, в том числе с использованием лизирующих буферных растворов. Это обстоятельство позволяет в настоящее время признать ранее существовавшие рекомендации о проведении ольфакторного исследования вещественных доказательств в первоочередном порядке как неактуальные.

Разработанный и апробированный в ходе экспериментальной работы, а также последующей практики производства ольфакторных судебных экспертиз способ химической экстракции значительно расширяет возможности использования ольфакторного экспертного метода не только по отношению к исследуемым биологическим объектам, но и образцам для сравнения.

Так, ранее (до 2018 г.) в качестве образцов для сравнения при решении идентификационной задачи требовались качественные и достаточные экспериментальные образцы крови проверяемого лица, высушенные на марлевых салфетках [9, с. 134]. Это было обусловлено тем, что в отсутствие способа глубокой очистки исходного биологического материала от посторонних пахучих включений, именно кровь соответствовала требованиям необходимой «чистоты», т. к. она не содержит пахучих ингредиентов и фоновых компонентов, обусловленных носимой одеждой, микрофлорой, парфюмерией, ро-

дом деятельности и особенностями быта, которыми могут характеризоваться запаховые образцы с тела и личных вещей проверяемого лица, а соблюдение процессуального порядка изъятия образцов крови гарантировало достоверность их происхождения от проверяемого субъекта.

В настоящее время в качестве образцов для сравнения при производстве идентификационных ольфакторных экспертиз, кроме экспериментальных образцов крови, допускается использование иных биологических образцов проверяемого лица, к которым также предъявляются требования достоверности происхождения, качества и достаточности. При этом достоверность происхождения свободных биологических образцов от проверяемого лица (например, потожировых следов на изъятной ношенной нестиранной одежде или личных вещах), как и отсутствие в них биологического материала, происходящего от нескольких лиц, в обязательном порядке проверяется молекулярно-генетическими методами. Качество и достаточность индивидуализирующего субъекта ольфакторного липидного комплекса указанных образцов выявляются экспертным путем на стадии пробоподготовки методом тонкослойной хроматографии.

Если ранее представляемые к исследованию образцы крови в жидком виде были пригодны для использования в качестве источников индивидуализирующих субъекта пахучих веществ в течение нескольких часов до начала активных процессов гемолиза клеток, то с использованием способа химической экстракции экспериментальным путем, а затем и экспертной практикой была подтверждена возможность их использования по прошествии года после изъятия и хранения при комнатной температуре.

Новые возможности пробоподготовки в отношении контрольных объектов сравнительного ряда (экспертных образцов) упразднили существовавшие ранее требования к получению их из модельных объектов со схожими ольфакторными характеристиками в отношении материала-носителя и сопутствующих пахучих включений (ранее их наличие оценивалось органолептически), т. к. получаемые химическим путем пробы практически не содержат в себе иных, кроме подлежащих исследованию, пахучих характеристик. А смоделированный указанным образом сравнительный ряд за счет отсутствия в своем составе посторонних пахучих включений sensibilizes обонятельный анализатор используемых животных к распознаванию искомых пахучих веществ с близкими к пороговому для обнаружения значениям, на порядок повышая минимальный уровень и стабильность обнаружения слабых надпороговых сигналов.

В связи с возможностью получения с объектов, изъятых с места происшествия, индивидуализирующего субъекта ольфакторного липидного комплекса, очищенного от посторонних пахучих включений, подверглась пересмотру оценка одного из вариантов предварительного этапа сравнительного ольфакторного исследования в части статистической оценки достоверности

сопоставления запаховых проб с исследуемого объекта с образцами проверяемых лиц в сравнительном ряду [9, с. 141]. В отсутствие негативного влияния сопутствующих компонентов, не связанных с ольфакторной индивидуальностью, указанный вариант следует считать подлежащим интерпретации и оценке при вероятностно-статистическом анализе получаемых в исследовании данных.

Кроме того, инструментальный контроль выделения полярных липидов биологических сред и выделений человека на стадии пробоподготовки дает основание по завершении исследования в аналитической и выводной частях заключения эксперта указывать на выявление (невыявление) индивидуализирующего субъекта *ольфакторного липидного комплекса*, происходящего от конкретного лица.

Таким образом, апробированный экспериментальной научной работой и экспертной практикой способ экстракции полярных липидов биологических сред и выделений человека под контролем инструментального метода ТСХ можно отнести к инновационным нововведениям, имеющим характер эффективных технических решений и не влияющих на оценку ольфакторного экспертного метода как отвечающего критериям научности, безопасности и допустимости, отчетливо повышающим результативность его применения за счет увеличения разрешающей способности метода в части его селективности и чувствительности.

Внедрение указанных инновационных разработок в практику борьбы с преступностью позволяет получить поистине революционные результаты для следственной практики, в первую очередь по делам об особо тяжких преступлениях против личности (убийства, изнасилования, причинение тяжкого вреда здоровью и т. п.), совершенных в условиях неочевидности, где исследование ДНК не дало результатов. Вследствие внедрения указанных разработок в экспертную практику на порядок повысилась эффективность ольфакторных исследований, проводимых в специализированной лаборатории ЭКЦ МВД России, существенно возрос запрос на их производство со стороны органов следствия Следственного комитета Российской Федерации. С 2018 г. активно начали использовать возможности ольфакторного экспертного метода следователи центрального аппарата и территориальных следственных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь в расследовании особо тяжких преступлений против личности и общественной безопасности прошлых лет [10].

В целом только за 2019 г. в профильном отделе ЭКЦ МВД России выполнены 72 многообъектные экспертизы по таким преступлениям, установлено 62 лица, проверяемых на причастность к их совершению, в том числе убийств малолетних и несовершеннолетних детей, сопряженных с их изнасилованиями, убийств двух и более лиц, совершенных с особой жестокостью.

Так, например, в ходе производства в 2019 г. ольфакторных судебных экспертиз была получена уникальная по своей значимости информация о причастности конкретных лиц в совершении преступлений по резонансным уголовным делам об убийстве с особой жестокостью четырех взрослых и двух малолетних детей, совершённом в июне 2005 г. в Могилевской области Республики Беларусь; убийствах восьми малолетних детей, сопряженных с их изнасилованиями (действиями сексуального характера), совершённых в январе 1984 г. и в декабре 1989 г. в г. Минске Белорусской ССР, в марте 2011 г. — в Волосовском районе Ленинградской области; в апреле 2011 г. — в Жердевском районе Тамбовской области; в октябре 2014 г. — в Минераловодском районе Ставропольского края; в августе 2018 г. — в Кстовском районе Нижегородской области; в сентябре 2018 г. — в Кемском районе Республики Карелия; изнасилование и покушение на убийство малолетней, совершённое в Новокубанском районе Ставропольского края в ноябре 2019 г.; убийство малолетнего ребенка и его матери, сопряженное с изнасилованием последней, совершенное в июле 2000 г. в г. Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа, а также серия из шести убийств, сопряженных с разбойными нападениями, совершённых в Республике Башкортостан в 2008—2011 гг. По всем указанным преступлениям результаты ДНК-анализа исследовавшихся в ольфакторной лаборатории ЭКЦ МВД России объектов не дали информации о личности преступников по причине отсутствия или недостаточного количества выделенной ДНК, нахождении ее в смеси, происходящей от двух и более лиц, из-за деградации клеточного материала, ставшего непригодным для молекулярно-генетического анализа, а также по иным причинам.

Дальнейшее внедрение рассматриваемых отечественных разработок открывает, в частности, широкие возможности для возобновления расследования уголовных дел, совершённых с особой жестокостью, убийствах и половых преступлениях, в том числе, против детей, производство по которым было прекращено из-за недостаточности полученных объективных данных, не позволивших установить личность преступника.

Запрос на данные инновационные исследования, разработанные и проводимые в настоящее время только в ольфакторной лаборатории ЭКЦ МВД России, исходит исключительно из следственных подразделений центрального аппарата и территориальных органов Следственного комитета Российской Федерации, а также подразделений Главного и территориальных управлений уголовного розыска, сопровождающих раскрытие указанных преступлений.

В этом отношении потенциал использования запаховых следов человека в расследовании особо тяжких преступлений против личности пока остается незадействованным, а ограниченных возможностей ведущей ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России уже недостаточно для обеспечения потребностей следственных подразделений СК России в производстве экспертиз указанного вида.

В связи с этим актуальна проработка вопроса о создании в системе Следственного комитета Российской Федерации экспертной ольфакторной лаборатории, что позволит значительно повысить качество и комплексность криминалистического исследования вещественных доказательств по особо тяжким преступлениям против личности и общественной безопасности, а также снизить сроки производства экспертных исследований за счет интенсификации их проведения.

Кроме того, в перспективе внедрение указанных разработок также может широко использоваться при поиске криминальных захоронений и расследовании особо тяжких преступлений против общественной безопасности, например, при выявлении запаховых следов участников преступления на огнестрельном оружии, взрывных устройствах, средствах связи, передвижения и транспортировки самодельных взрывных устройств и их частях (осколках) при подготовке и совершении террористических актов. Указанная перспектива может быть реализована в научном и практическом плане только на базе экспертных подразделений СК России, т. к. поиск сокрытых трупов и расследование преступлений террористической направленности не входит в число функций экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России.

В целом же это высокоэффективное наукоёмкое направление экспертной деятельности, основанное исключительно на отечественных научно-методических разработках, должно получить приоритет в развитии и практическом использовании на государственном уровне.

Ниже приведены некоторые примеры экспертной практики использования инновационных технологий химической экстракции полярных липидов биологических сред и выделений человека в получении доказательственной информации при производстве экспертиз по делам об особо тяжких преступлениях против личности, совершённых в условиях неочевидности и вызвавших большой общественный резонанс:

1. По факту обнаружения 4 июля 2011 г. скелетированных останков малолетней, 2001 г. р., в лесополосе Волосовского района Ленинградской области, безвестно исчезнувшей 27 марта 2011 г., в ольфакторную лабораторию ЭКЦ МВД России были представлены одежда с трупа (штаны, кофта, куртка), а также обнаруженная рядом с телом итыковая лопата, по данным следствия, использовавшаяся преступником для закапывания тела. Смерть потерпевшей, по версии следствия, наступила, предположительно, от механической асфиксии, вследствие перекрытия потерпевшей дыхательных путей. Ранее проведенные по делу молекулярно-генетические экспертизы не дали данных для установления личности преступника из-за деградации биологического материала на личных вещах потерпевшей, а также из-за его недостаточного количества на исследуемой итыковой лопате.

В результате проведенной ольфакторной судебной экспертизы на подкладке штанов малолетней потерпевшей и черенке штыковой лопаты был выявлен индивидуализирующий ольфакторный липидный комплекс, происходящий от одного из двух проверяемых по делу лиц, 1964 г. р.

2. По факту изнасилования и убийства 11-летней потерпевшей в Минераловодском районе Ставропольского края, чей труп с гнилостными изменениями был обнаружен в реке Куме через 43 дня с момента безвестного исчезновения 17 октября 2014 г., в ЭКЦ МВД России была произведена комплексная судебно-биологическая экспертиза, включавшая в себя повторную молекулярно-генетическую экспертизу и первичное ольфакторное идентификационное исследование. Из-за действия процессов органического разложения в полостях потерпевшей и на имевшейся на ее теле одежде биологические следы преступника не удалось установить по результатам проведенного ДНК-анализа, что согласовывалось в целом с результатами ранее проведенных в трех генетических лабораториях различных ведомств молекулярно-генетических экспертиз. Проведенная же специалистами профильного отдела ольфакторная судебная экспертиза с применением метода глубокой очистки исходного биологического материала, полученного с одежды, полостей и ногтевых пластин трупа потерпевшей, выявила на указанных объектах индивидуализирующий ольфакторный липидный комплекс, происходящий от проверяемого по делу лица, 1983 г. р.

3. 1 августа 2018 г. на участке местности между поворотом с трассы М7 на СНТ «Борок» и д. Подлесово Кстовского района Нижегородской области безвестно пропала малолетняя 2005 г. р., масштабные поиски которой не дали результатов. 20 апреля 2019 г. в ходе возобновленных поисковых мероприятий на участке местности вблизи с. Слободского Кстовского района Нижегородской области обнаружен и изъят strapon (фаллоимитатор) из полимерного материала. Согласно заключению генетической экспертизы, на крае strapon обнаружены биологические следы, которые произошли от жителя д. Прокошево Кстовского района Нижегородской области, ранее неоднократно судимого за серию преступлений сексуального характера. В профильный отдел ЭКЦ МВД России в ноябре 2019 года была назначена ольфакторная судебная экспертиза, в результате которой на исследуемом straponе, а также на спортивной сумке проверяемого лица выявлен ольфакторный липидный комплекс, происходящий как от малолетней потерпевшей, так и от проверяемого по делу лица, 1975 г. р.

4. 19 ноября 2019 г. в 20 часов 40 минут внутри выгребной ямы общественного туалета, расположенного по адресу: Краснодарский край, Новокубанский район, х. Родниковский, ул. Мира, д. 18/2, в бессознательном состоянии и без нижнего белья обнаружена малолетняя 2010 г. р., на голове, конечностях и половых органах которой имелись множественные телесные повреждения, свидетельствующие о насильственном характере их возник-

новения. Потерпевшая доставлена в реанимационное отделение ГБУЗ «Детская больница города Армавира» в состоянии комы. Проведенные по данному делу генетические экспертизы не дали данных для установления лица, совершившего указанное преступление. В декабре 2019 года в профильный отдел ЭКЦ МВД России были представлены срезы ногтевых пластин правой и левой рук малолетней потерпевшей, смывы содержимого ее влагалища и анального отверстия, а также образцы крови шести лиц, проверяемых на причастность к совершению преступления.

В результате произведенной ольфакторной судебной экспертизы на срезах ногтевых пластин правой и левой рук малолетней потерпевшей, смывах содержимого ее влагалища и анального отверстия выявлены запаховые следы человека, которые происходят от одного из шести проверяемых по делу лиц, 1984 года рождения.

5. По факту обнаружения 28 июля 2000 г. в квартире № 168 дома № 38 по ул. Зверева в г. Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа трупов женщины 1972 г. р. и ее малолетнего сына 1994 г. р. с признаками насильственной смерти — открытыми черепно-мозговыми травмами, а также множественными проникающими колото-резаными ранениями груди, живота и шеи в июне 2019 г. в профильный отдел ЭКЦ МВД России были представлены срезы ногтей с рук трупов потерпевших, их вещи со следами крови, мазки и содержимое влагалища потерпевшей (по данным проведенных судебно-медицинских исследований, потерпевшая перед смертью была изнасилована), а также нож и молоток со следами крови потерпевших. В совершении указанного преступления подозревались два монозиготных близнеца 1978 г. р., одновременно отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершенные изнасилования. Их общий генотип совпал с ранее выявленным в следах спермы из влагалища трупа потерпевшей, содержащимся в федеральной базе данных геномной информации. Фактических данных и иной информации о том, кто из указанных братьев совершил это преступление, следствие не имело. В ходе произведенной судебной ольфакторной экспертизы на срезах ногтевых пластин с рук потерпевших матери и ребенка, в мазках и содержимом влагалища потерпевшей, на ее трусах, футболке с трупа ребенка, полотенце, которым преступник вытирал руки, а также на ноже и молотке (орудиях убийства потерпевших) по прошествии 19 лет с момента совершения данного преступления был выявлен индивидуализирующий субъекта ольфакторный липидный комплекс, происходящий от одного из подозреваемых монозиготных близнецов.

Таким образом, дифференцировать одного из монозиготных близнецов по следам биологического происхождения и предъявить ему обоснованное обвинение удалось только по результатам ольфакторного анализа вещественных доказательств по уголовному делу.

6. 9 января 2016 г. на территории производственной базы в Карсунском районе Ульяновской области пропали два предпринимателя, автомобиль которых был обнаружен 11 января того же года в лесополосе Инзенского района Ульяновской области, а трупы, завернутые в полимерную пленку с привязанным грузом, — 1 июня 2016 г. в реке Сура недалеко от с. Ростиславка Карсунского района Ульяновской области. Ранее проведенные по данному делу генетические исследования не дали данных для раскрытия и расследования указанного преступления.

В результате ольфакторной судебной экспертизы, проведенной в профильной лаборатории ЭКЦ МВД России, на смыве с рулевого колеса автомобиля потерпевших, куртке и джинсовых брюках трупа одного из братьев выявлен индивидуализирующий ольфакторный липидный комплекс одного из четырех проверяемых лиц, 1984 г. р., а на куртке с трупа другого брата — индивидуализирующий ольфакторный липидный комплекс второго из четырех проверяемых лиц, 1985 г. р. Экстрагированный из указанных объектов и многократно очищенный качественный и достаточный липидный комплекс позволил установить проверяемых на причастность к совершению указанного преступления лиц на объектах, находившихся почти полгода в воде и подвергшихся серьезной биологической деградации.

7. По факту убийства курсанта Казанского ВТКУ и хищения у него автомата «АК-74», совершенных 12 июня 1994 года близ территории склада ГСМ танкового батальона обеспечения, на ольфакторное исследование в ЭКЦ МВД России в начале 2020 года были представлены форменная куртка и брюки военнослужащего, а также фрагмент металлического провода, использованный преступником для нападения на военнослужащего.

В результате проведенного ольфакторного исследования на форменной куртке и брюках потерпевшего военнослужащего, а также на фрагменте металлического провода по прошествии более 25 лет с момента совершения преступления выявлены запаховые следы одного из четырех лиц, проверявшихся на причастность к совершению указанного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Панфилов П. Б., Панфилова З. Ю., Фиронова Ю. С. Новые возможности ольфакторного экспертного метода в исследовании объектов биологического происхождения: инициативные научные исследования и результаты их применения в экспертной практике / Вестник Восточно-сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (88). — С. 105—113.

2. Панфилов П. Б., Панфилова З. Ю., Фиронова Ю. С. Выделение липидных фракций крови и пота человека, отвечающих за индивидуальность его личного запаха, методом химической экстракции // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики — 2019: мат-лы междунар. конгресса и науч.-практ. шк. 17—19 апр. 2019 г. Тезисы докладов под ред. проф. В. А. Клевно // Судебная Медицина: Ассоциация судебно-медицинских экспертов. — 2019. — Т. 5. — № 15 (прил.). — С. 140—141.

3. Панфилов П. Б., Панфилова З. Ю., Фиронова Ю. С. Выявление индивидуального запаха человека в форменных элементах его крови и искусственной культуральной среде RPMI 1640 & NEPES // Судебная медицина. 2019. № S1. — С. 141.

4. Панфилов П. Б. Научные принципы обеспечения контроля над сигнальным поведением собак-детекторов, реализованные в биосенсорном ольфакторном методе исследования запаховых следов человека в судебной экспертизе// Известия Тульского государственного университета. Сер.: Актуальные проблемы юридических наук. — Вып. 15. (№ 9) — Тула, 2006. — С. 263—269.

5. *Препаративная биохимия липидов.* — М.: Наука, 1981. — С. 16—23.

6. Bouhours J. F. and Guignard H. Henri. Journal of Lipid Research. Vol. 20, 1979. — P. 897—907.

7. Панфилов П. Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов: учеб пособ. — М.: Юрлитинформ, 2007. — С. 264.

8. Панфилов П. Б. О практике подготовки и назначения ольфакторной судебной экспертизы при расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет // Вестник криминалистики / Под ред. А. Г. Филиппова. — № 3 (71). — М., 2019. — С. 30—45.

9. Сулимов К. Т., Старовойтов В. И., Панфилов П. Б., Саламатин А. В. Идентификация субъекта по запаховым следам из его пота и крови // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / Под ред. А. Ю. Семёнова; под общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. — М.: ЭКЦ МВД России, 2012. — С. 133—155.

10. Галь В. Л., Панфилов П. Б. Опыт взаимодействия Следственного комитета Республики Беларусь с Экспертно-криминалистическим центром МВД России в расследовании особо тяжких преступлений против личности прошлых лет с использованием современных возможностей судебной ольфакторной экспертизы // Предварительное расследование. — № 2 (6). — Минск: Следственный комитет Республики Беларусь, 2019. — С. 80—86.

ОТЗЫВ

на методические разработки авторского коллектива ЭКЦ МВД России в области определения индивидуализирующих субъекта пахучих веществ, их химической экстракции и диагностического исследования с использованием тонкослойной хроматографии

Развитие института судебной экспертизы в Российской Федерации невозможно представить без повышения качества экспертного производства, разработки и внедрения инновационных методов и средств экспертного исследования. Введение таких инноваций требует реализации механизма защиты научно-методического обеспечения экспертных исследований от проникновения в его состав псевдонаучных методик, так как судебная экспертиза представляет собой важный инструмент уголовного процесса. Это особенно актуально в тех случаях, когда на основе результатов производства судебной экспертизы устанавливается личность участника преступления.

О научности ольфакторного метода, используемого в идентификации субъекта по запаховым следам, свидетельствует то, что он базируется на фундаментальных закономерностях естественных наук (зоологии, физиологии высшей нервной деятельности и сенсорных систем, биологической и физической химии). Еще на заре становления научность данного метода была подтверждена ведущими отечественными физиологами и зоопсихологами (основатель отечественной школы зоопсихологов проф. К.Э. Фабри, зав. кафедрой физиологии высшей нервной деятельности МГУ В.В. Шульговский). Кроме того, его научную обоснованность характеризует и строгая система обеспечения достоверности результатов, предусмотренная типовыми методиками производства судебной экспертизы запаховых следов человека. Научная обоснованность, точность и надежность применения ольфакторного метода в судебной экспертизе также подтверждается более чем 30-летней практикой использования его результатов в процессе доказывания по уголовным делам в ходе предварительного и судебного следствия.

Что касается методов, лежащих в основе предлагаемых авторами инновационных способов пробоподготовки, то их научность не вызывает сомнений, так как они традиционно используются в аналитической и физической химии и творчески адаптированы (валидированы) авторами для

2

решения специфических задач ольфакторной экспертизы – выделения, очистки и концентрирования фракции липидов, отвечающих за индивидуальный запах человека.

О высоком научном уровне представленных рекомендаций по использованию физико-химических методов выделения пахучих веществ из биологических сред человека также свидетельствует большой объем экспериментальной работы, предшествовавший их разработке, широкая апробация на семинарах, конференциях, конгрессах по актуальным проблемам судебной экспертизы и биологических наук.

Вводимые в экспертную практику способ химической экстракции и метод инструментального выявления диагностического признака в исследуемых образцах (наличие запаховых следов человека как биологического вида) не затрагивают сущности ранее разработанных типовых экспертных методик, но многократно повышают эффективность их использования и переводят работу с запаховыми следами человека на качественно иной уровень. Например, показана возможность установления пригодности изъятых объектов для идентификации по запаховым следам без использования обоняния животных-макросматиков, с опорой на исследование экстрагированных проб методом тонкослойной хроматографии (ТСХ). При этом возможности применения ТСХ и биосенсорного метода в рекомендациях авторов четко разграничены.

Представленные авторским коллективом ЭКЦ МВД России разработки в области химической экстракции запаховых следов и их диагностического инструментального анализа значительно расширяют круг препарируемых объектов: с их применением появилась возможность использовать в идентификационном ольфакторном исследовании смывы с участков кожных покровов потерпевших, которые могут сохранять следы преступника, а также предметы и биологический материал, подвергшиеся разрушительному воздействию влаги, воды, гнилостных процессов.

К существенным положительным моментам следует отнести и то, что представленные авторами разработки открывают перспективу получения сравнительных образцов проверяемых лиц неинвазивными способами, что

3

значительно упростит подготовку материалов для назначения ольфакторной экспертизы, а также позволит, при соблюдении требования достоверности происхождения сравнительных образцов, идентифицировать по индивидуализирующему субъекта ольфакторному липидному комплексу без вести пропавших и скрывающихся от следствия лиц, использовать костный и иной биологический материал для проведения сравнительных ольфакторных исследований.

Считаю, что разработки авторского коллектива ЭКЦ МВД России (П.Б. Панфилов, З.Ю. Панфилова, Ю.С. Фиронova) заслуживают положительной оценки как инновационные, эффективные и отвечающие требованиям научности и эффективности средств и методов судебной экспертизы, имеют большой потенциал для дальнейшего развития и внедрения в деятельность профильных лабораторий экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России, других заинтересованных судебно-экспертных учреждений, а также следственную практику.

Директор ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России
доктор юридических наук, профессор
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации.

С.А. Смирнова

Отзыв на методические разработки авторского коллектива ЭКЦ МВД России в области определения индивидуализирующих субъекта пахучих веществ, их химической экстракции и диагностического исследования с использованием тонкослойной хроматографии.

Использование обоняния и рефлексии специально подготовленных собак как инструмента экспертного исследования следов пахучих веществ человека имеет почти полувековую историю, не зная которой нельзя оценить современного состояния судебной экспертизы данного вида ее современных достижений и повседневного вклада в следственную практику раскрытия и расследования преступлений.

Становление и развитие ольфакторных исследований рука об руку шло с совершенствованием технических приемов работы с запахowymi следами и методиками их исследования. Ключевым в развитии этого направления стало утверждение представления о запахахых следах как о фиксированных на следоносителях материальных образованиях (1980–1990 годы). В этот период было также установлено, что они могут быть частью не только потожирового вещества, но и крови человека. Появилась методика экспертного исследования, основанная на требованиях к организации эксперимента в рамках судебной экспертизы, предусматривающая использование контрольных проб, применение используемых животных в режиме слепого опыта, оценку воспроизводимости и достоверности получаемых результатов. Соответственно, изменились и способы получения запахахых проб для ольфакторного исследования, был разработан на тот момент высокоэффективный и неразрушающий способ термовакuumной десорбции летучих веществ.

В 1990 годы и первое десятилетие XXI века сделан дальнейший шаг в развитии ольфакторного направления экспертных исследований: установлено, что информативные компоненты, составляющие запахахые следы человека, являются жироподобными веществами – липидами, а для их извлечения могут использоваться физико-химические методы экстракции и очистки веществ. Проф. Т.Ф. Моисеевой показаны возможности комплексного криминалистического исследования потожировых следов человека, основанного на сочетании анализа папиллярных узоров, запахахых следов,

состава жирных кислот (для установления пола человека), ДНК и иных его компонентов. Однако эти интересные разработки были вынужденно приостановлены из-за возникших в то время трудностей организационного и материально-технического характера.

В настоящее время профильным подразделением ЭКЦ МВД России производится ольфакторные экспертные исследования по уголовным делам прошлых лет. Как правило, это особо тяжкие преступления против личности (убийства, сопряженные с изнасилованиями, серийные преступления, убийства двух и более лиц, особо тяжкие насильственные преступления, совершенные в отношении малолетних), при расследовании которых уже были использованы все доступные возможности иных судебных исследований, в том числе молекулярно-генетических. Особенность таких преступлений – образование смешанных биологических следов преступника и потерпевшего, имеющих определенную локализацию на орудиях преступления, одежде, открытых поверхностях кожи потерпевшего, а также в его полостях, что открывает возможность обнаружить и эффективно извлечь из них вещества, индивидуализирующие преступника. Однако применение известного способа термовакuumной десорбции наталкивается на ряд затруднений, так как в этих случаях биологические следы на объектах, как правило, уже подверглись частичному разрушению, а запахахым следам человека сопутствуют загрязнения, препятствующие их эффективному извлечению и результативному исследованию ольфакторным методом.

Инициативным авторским коллективом ЭКЦ МВД России (Панфилов П.Б., Панфилова З.Ю., Фиронova Ю.С.) предложен эффективный вариант решения задачи идентификации человека по запахахым следам при расследовании преступлений прошлых лет на основе новой технологии выделения и очистки веществ, индивидуализирующих субъекта. В публикациях, касающихся данных разработок показано, что использование этой технологии основано на подлинно научных методах, соответствует требованиям действующих экспертных методик к организации исследования, воспроизводимости и достоверности его результатов. Относительно высокая доля идентификационных исследований, по результатам которых

устанавливаются причастные к совершению преступлений лица (8 из 10 случаев), обусловлена высокой эффективностью извлечения и очистки полярных липидов, определяющих индивидуальный запах субъекта. В отличие от этого при использовании способа термовакuumной десорбции отсутствует возможность глубокого извлечения и последующего удаления из состава получаемых проб посторонних пахучих веществ, повышающих порог обоняния и затрудняющих восприятие и распознавание индивидуальных запахов субъектов в ходе ольфакторного исследования.

Таким образом исследования авторского коллектива ЭКЦ МВД России позволили впервые в мировой практике объединить возможности физико-химических методов выделения и очистки веществ и биосенсорного ольфакторного метода, получить новые значимые результаты для теории и практики судебной экспертизы запахахых следов человека, а также следственной практики раскрытия и расследования особо тяжких преступлений против личности прошлых лет. При этом достоверность результатов проводимых исследований обеспечивается неукоснительным соблюдением требований соответствующих экспертных методик.

Полагаю, что широкое внедрение авторских разработок такого научно-методического и практического уровня способно придать новый импульс развитию данного направления экспертной деятельности в экспертной службе системы МВД России и других заинтересованных ведомств.

Директор института судебных экспертиз,
заведующая кафедрой судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Е.Р. Россинская

Отзыв на методические разработки авторского коллектива ЭКЦ МВД России в области определения индивидуализирующих субъекта пахучих веществ, их химической экстракции и диагностического исследования с использованием тонкослойной хроматографии

В криминалистической литературе долгое время обсуждался вопрос об объективности данных, получаемых при экспертном исследовании запаховых следов человека. Причиной этому служило то, что эти следы человека не имеют внешнего строения и невидимы глазу, а для их выявления используются биодетекторы – специально обученные служебные собаки или иные животные-макросматки.

Действующие типовые методики судебной экспертизы запаховых следов человека, работы в области обеспечения достоверности ольфакторных исследований, а также публикации авторского коллектива (П.Б. Панфилов, З.Ю. Панфилова, Ю.С. Фиронова), посвященные научным и практическим аспектам использования методов тонкослойной хроматографии и химической экстракции веществ на подготовительной и аналитической стадиях ольфакторного экспертного исследования, а также их практическое применение в следственной практике закономерно приводят к положительному ответу на этот вопрос.

Роль эксперта как субъекта ольфакторного исследования последовательно реализуется на всех стадиях его проведения. При этом новые научные и практические достижения коллектива ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России свидетельствуют о том, что на современном этапе развития ольфакторной судебной экспертизы позиции эксперта и его специальных знаний только укрепляются.

В имеющейся в открытом доступе литературе и методических рекомендациях отмечается, что установление локализации запаховых следов на объектах исследования – тактически важная задача при проведении ольфакторного исследования. От того, насколько точно эксперт сможет установить их локализацию, зависит эффективность извлечения пахучих веществ и результаты их последующего ольфакторного анализа.

Специалистами рассматривается множество визуальных признаков, сопутствующих вероятному наличию запаховых следов на объектах исследования. Такими признаками могут быть следы ношения (использования), повреждения волокон, расположение пятен и мазков крови на одежде потерпевшего и предметах обстановки места происшествия, а также расположение и поза трупа, зафиксированные в протоколе осмотра места происшествия. Именно эти данные служат ориентирами для наиболее эффективного извлечения пахучих веществ как криогенно-вакуумным способом, так и путем химической экстракции.

Если раньше раздельный анализ собранных запаховых следов предполагал обязательное использование биодетекторов (специально подготовленных животных), то сейчас, после появления методических разработок в области химической экстракции пахучих веществ, определяющих индивидуальный запах человека, пригодность указанных следов для идентификационного ольфакторного исследования может быть с достаточной степенью надежности установлена с применением метода тонкослойной хроматографии. Так в современной ольфакторной судебной экспертизе реализуется сочетание инструментального и биосенсорного методов. При этом авторы разработок указывают, что в сомнительных случаях приоритет сохраняется за результатами выявления запаховых следов человека биосенсорным ольфакторным методом как за более чувствительным.

Необходимо отметить, что для ольфакторного исследования, в отличие других видов биологических экспертиз, установление точных границ следа не имеет принципиального значения, так как, согласно представленным методическим разработкам, на этапе пробоподготовки при экстракции изучаемого липидного комплекса реализуется возможность очистки и концентрирования изучаемых веществ. Это позволяет исследователям избавиться от примесей, затрудняющих ольфакторное исследование, а также дает возможность выявлять следы проверяемых лиц даже в тех случаях, когда они характеризуются малыми (пороговыми для детекции) концентрациями пахучих веществ. Таким образом, представленные

инновационные нововведения, имеющие характер технических решений и не влияющие на оценку ольфакторного метода как отвечающего критериям научности, безопасности и допустимости, отчетливо повышают эффективность его применения за счет увеличения «разрешающей способности» (селективности и чувствительности) данного метода судебной экспертизы.

Эффективность нового способа пробоподготовки и введение в экспертную практику инструментального анализа запаховых проб на наличие запаховых следов человека как биологического вида при производстве ольфакторной экспертизы определяет их актуальность и практическую значимость для практики расследования уголовных дел. Предлагаемые способы работы с запаховыми следами, основанные на полученных авторами новых достоверных данных о составляющих их веществах, значительно расширяют границы применения данного вида экспертных исследований. Это подтверждается и эффективностью выявления запаховых следов преступников на ногтевых пластинах, в смывах с тела потерпевших, на объектах, извлеченных из воды и имеющих гнилостные изменения, не позволяющие установить биологические следы преступника по причине полного разрушения на них его клеточного материала.

Все это свидетельствует о том, что представленные разработки в области методик судебной экспертизы являются значительным научным достижением, которое вносит существенный вклад в расследование особо тяжких неочевидных преступлений против личности прошлых лет, заслуживает признания и дальнейшего развития в рамках научно-методической и практической деятельности авторского коллектива ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России.

Профессор кафедры оружейведения и трасологии УНК СЭ
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ

Лавин

Н.П. Майлис

**Отзыв
на методические разработки коллектива ольфакторной экспертной
лаборатории ЭКЦ МВД России в области определения
индивидуализирующих субъекта пахучих веществ, их химической
экстракции и диагностического исследования с использованием
тонкослойной хроматографии**

В последние десятилетия фундаментальные исследования в области молекулярной биологии породили целый ряд прикладных ответвлений, которые затрагивают не только медицину и биотехнологию, но и криминалистику. Наиболее яркое и известное направление среди них – изучение генома человека, в русле которого сформировалась современная молекулярно-генетическая экспертиза. Реже встречаются упоминания о том, что в молекулярной биологии появляются все более точные количественные методы исследования белков, что, возможно, позволит на новом уровне вернуться к идее использования в идентификации человека полиморфизма этих макромолекул. Наименее же изученная и «популярная» сфера – это огромное разнообразие липидов и возможность использовать это разнообразие в идентификации человека.

Инициативной группой специалистов отдела экспертиз запаховых следов человека Экспертно-криминалистического центра МВД России выполнены уникальные разработки в области определения и изучения веществ, отвечающих за индивидуальный запах человека, а также механизма их глубокой очистки и концентрирования в отобранных пробах. Ими установлено, что индивидуализирующие субъекта вещества, относятся к группе полярных липидов и являются церамидами, они могут быть выделены в чистом виде путем их экстракции с применением органических растворителей и специального оборудования, а затем эффективно использованы в идентификации личности преступника (потерпевшего). Появление этого подхода в практике ольфакторных экспертных исследований можно без преувеличения оценить как новое слово в судебной экспертизе. Если раньше запаховые следы лиц, причастных к совершению преступлений, выявлялись в каждом третьем идентификационном

ольфакторном экспертном исследовании, то с внедрением указанных технологий это происходит в девяти из десяти случаев.

В ходе исследований выявлен устойчивый признак хроматографического распределения липидов из состава биологических сред человека, указывающий на наличие на объектах исследования запаховых следов человека, которые ранее выявлялись только с использованием специально подготовленных животных. Таким образом, благодаря новым способам пробоподготовки в исследовании запаховых следов человека реализована возможность идентификации человека на основе синтеза инструментальных и биосенсорных методов исследования полярных липидов, входящих в состав его биологических сред.

Отдельно стоит отметить, что благодаря широко представленным в научных изданиях биологического и юридического профиля результатам исследований коренным образом меняется представление о самих запаховых следах человека и их источниках в организме человека. Если ранее в качестве их источников рассматривались пот и кровь человека, то, исходя из представленных результатов исследований, они могут иметь своим источником любые клеточные мембраны и проникать в межклеточное пространство, плазму крови и выделения желез.

К достоинствам указанных разработок следует отнести то, что их применение базируется на широко апробированных и тщательно проверенных в научных экспериментах и на практике методиках ольфакторного экспертного исследования. Известно, что точность и надежность идентификации субъекта по запаховым следам, проводимой с использованием российских методик, сопоставимы с точностью и надежностью самых современных инструментальных методов анализа, а иногда и значительно их превосходят. Применение же физико-химического метода экстракции и использование тонкослойной хроматографии в качестве дополнительного аналитического и контрольного механизма только расширяют возможности судебной экспертизы запаховых следов человека. В частности, наличие этапа предварительной очистки получаемых проб от неинформативных компонентов резко снижает пороги

обнаружения ольфакторного сигнала, не снижая достоверности его выявления.

Внедрение предлагаемых методических аспектов в практику борьбы с преступностью позволяет получить поистине революционные результаты для следственной практики, в первую очередь, по делам об особо тяжких преступлениях против личности (убийства, изнасилования, причинение тяжкого вреда здоровью и т.п.). Появилась возможность извлекать качественный и достаточный индивидуализирующий человека липидный комплекс с загрязненных и гнилостно измененных объектов с деградированным биологическим материалом, не содержащим ядерной ДНК, а также из смывов с тел и из полостей погибших лиц (актуально при расследовании уголовных дел об убийствах, сопряженных с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности).

По результатам анализа представленных материалов следует дать положительную оценку работе, проводимой специалистами ольфакторной экспертной лаборатории ЭКЦ МВД России в области совершенствования средств и методов экспертного исследования запаховых следов человека. Полученные результаты обладают существенной научной новизной, актуальны для практики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об особо тяжких насильственных преступлениях против личности. Разработанные инновационные способы получения запаховых проб не только органично дополняют имеющиеся экспертные методики, но и существенно расширяют возможности современной ольфакторной судебной экспертизы, открывают принципиально новые перспективы для развития этого направления судебно-экспертной деятельности.

Зав. кафедрой судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, кандидат биологических наук,
профессор

 Т.Ф. Моисеева

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10038

Николай Александрович Подольный,

заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики

Казанского института (филиала)

Всероссийского государственного университета юстиции,

доктор юридических наук, доцент

СЛЕДСТВЕННАЯ ТАЙНА — ОБЩЕЕ УСЛОВИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Установление обстоятельств совершения преступления — одна из основных задач предварительного расследования. При этом, подозреваемый, обвиняемый обладают знанием собственной причастности (а в отдельных случаях непричастности) в то время как следователь, дознаватель на начальном этапе предварительного расследования, как правило, не имеют достаточного объёма данных об этом. В этом проявляется неравенство в процессуальном положении названных участников уголовного судопроизводства. Одним из средств уравнивать позиции является предоставление следователю, дознавателю на начальном этапе предварительного расследования возможности сохранения в тайне данных о ходе проводимого предварительного расследования (прежде всего, сведений о степени осведомлённости следователя, дознавателя о совершённом преступлении). В связи с этим для теории и практики предварительного расследования представляет интерес следственная тайна, которая является одним из условий предварительного расследования.

Ключевые слова: следственная тайна, предварительное расследование, тактико-криминалистическое средство расследования, общее условие предварительного расследования, конфиденциальная информация; принцип презумпции невиновности.

Nikolay Alexandrovich Podol'nyy,

Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

Doctor of Law Sciences, Associate Professor

INVESTIGATIVE SECRECY IS A GENERAL CONDITION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND TACTICAL-FORENSIC MEANS TO ESTABLISH THE CIRCUMSTANCES OF THE CRIME

Abstract. Establishing the circumstances of the crime is one of the main tasks of the preliminary investigation. At the same time, the suspect and the ac-

cused have knowledge of their own involvement (and in some cases, non-involvement). The investigator or interrogator does not have enough data about this at the initial stage of the preliminary investigation, as a rule. This shows the inequality of participants in criminal proceedings in the procedural position. One way of equalizing the positions is to provide the investigator or interrogator the possibility of keeping secret data on the process of the preliminary investigation at the initial stage (first of all, information about the awareness of the investigator or interrogator about the committed crime). Therefore, the theory and practice of preliminary investigation is of interest to the investigative secrecy. It is one of the conditions of the preliminary investigation.

Keywords: investigative secrecy, preliminary investigation, tactical and forensic means of investigation; general condition of preliminary investigation; confidential information; presumption of innocence.

Термин «следственная тайна» в УПК РФ не используется. В ст. 161 УПК РФ речь идёт о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Тем не менее в практике правоохранительных органов используется именно этот термин. Он важен также и для теории криминалистики, поскольку позволяет определять наиболее оптимальные способы и направления проводимого предварительного расследования. Использование обозначаемого им понятия позволяет решать важные тактические и стратегические задачи, которые встают перед следователем, дознавателем в ходе планирования и проведения предварительного расследования конкретных преступлений. В самой же названной норме уголовно-процессуального законодательства указано на данные предварительного расследования, разглашение которых недопустимо. Вполне очевидно, что это понятие несколько шире, чем понятие «следственная тайна». Так, в ст. 161 УПК РФ речь идёт не только о данных, которые, несомненно, могут быть отнесены к следственной тайне, но и о других данных, разглашение которых не допускается. В частности, в ч. 5 названной нормы не допускается разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства, если нет на то их согласия. Вполне очевидно, что такие данные вовсе не являются следственной тайной, поскольку запрет их разглашения вовсе не преследует какие-либо цели по установлению обстоятельств совершения конкретного преступления.

Но несмотря на то, что в УПК РФ не используется термин «следственная тайна» нельзя рассматривать его, как не правовой, не используемый в нормативных документах. В п. 2 Перечня сведений конфиденциального характера (утверждённого указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188) названы сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства. Хотя и здесь имеются некоторые отличия в звучании, но всё же можно говорить о том, что данный термин обозначает то же самое понятие, что и термин «следственная тайна». В целом названный пункт Перечня охватывает нес-

колько более широкий круг сведений, позволяя отграничить сведения, составляющие следственную тайну, от других видов информации, которая носит конфиденциальный характер, и которая должна защищаться законом от её разглашения [1]. В частности, здесь также указаны сведения о лицах, подлежащих государственной защите (судей, должностных лиц правоохранительных органов, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства), а также иные сведения, которые касаются мер государственной защиты этих лиц. Такое отграничение названных групп конфиденциальной информации если и не позволяет достаточно полно определить сведения, составляющие тайну следствия, то, по крайней мере, позволяет сказать, что нельзя относить к данному виду сведений [2]. К информации, составляющей тайну следствия, нельзя относить сведения о названных выше лицах, подлежащих государственной защите, и сведения о мерах по осуществлению этой защиты. С учётом этого вполне логичным представляется то, что сведения, составляющие тайну следствия, ориентированы, прежде всего, на использование их с целью установления обстоятельств совершения преступления. Иными словами, сохранение данных сведений в тайне имеет тактическое и стратегическое значение для расследования конкретных преступлений [3].

За разглашение данных предварительного расследования предусмотрена уголовная ответственность по ст. 310 УК РФ. Тем самым законодатель подчёркивает не только повышенную общественную опасность таких действий, но и значимость данных предварительного расследования, разглашение которых запрещено [4]. При этом в названной норме не употребляется термин «следственная тайна». Имеется лишь отсылка к закону, без пояснения к какому. Однако по указанию на порядок предупреждения о недопустимости такого разглашения не вызывает сомнений, что имеется в виду уголовно-процессуальное законодательство, а именно — ст. 161 УПК РФ. Другими словами, норма ст. 310 УК РФ по своей конструкции является бланкетной, поскольку отсылает к другому закону без конкретного его указания. Такая конструкция нормы, будучи вполне эффективной в выражении уголовного запрета, тем не менее, не вносит достаточной ясности в понимание следственной тайны [5]. Она лишь определяет правовую значимость данных предварительного расследования, запрещённых к разглашению. Поэтому для понимания данных предварительного расследования, которые запрещены к разглашению, необходимо обращение к ст. 161 УПК РФ.

Из ч. 1 и ч. 2 ст. 161 УПК РФ видно, что не подлежат разглашению все данные предварительного расследования за исключением сведений, перечисленных в ч. 4 и ч. 6 рассматриваемой нормы. Это в полной мере соответствует розыскному характеру предварительного расследования. Важным при определении данных предварительного расследования, запрещённых к разглашению, является то, что установление такого запрета — это общее условие предварительного расследования. Получается, уже сам законодатель подчёр-

кивает необходимость запрета разглашения названных данных для обеспечения установления обстоятельств совершения преступления. Это позволяет признать методологическое значение рассматриваемого запрета. Таким образом, законодатель создаёт условия для эффективного расследования конкретных преступлений. Но при этом названные данные не определяет, как следственную тайну и не использует понятия, данного в п. 2 Перечня сведений конфиденциального характера (утверждённого Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188) — «сведения, составляющие тайну следствия». Как условие предварительного расследования названный запрет является дополнительной гарантией справедливости принятия процессуальных решений, поскольку обеспечивает полноту, всесторонность и объективность исследования обстоятельств соответствующего события (которое не обязательно является преступным).

Распространяя запрет на разглашение всех, за небольшим исключением, данных, в ч. 5 ст. 161 УПК РФ дополнительно указывается на недопустимость разглашения данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства и, прежде всего несовершеннолетних потерпевших, не достигших возраста 14 лет. Формулировка данного требования может, на первый взгляд, казаться тавтологичной, поскольку это тоже данные предварительного расследования. Но здесь закон акцентирует внимание на соблюдении конституционного права на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ). Тем самым ещё раз подчёркивается то, что названное право является ценностью, посягать на которое недопустимо даже в связи с необходимостями, которые могут возникать в ходе уголовного судопроизводства [6]. При этом запрет на разглашение этих данных накладывается такой же, как и на разглашение всех иных данных предварительного расследования [7]. Такой подход законодателя нельзя рассматривать как бесспорный, соответствующий современным требованиям к соблюдению прав граждан в уголовном судопроизводстве. Более того, он не соответствует избранной самим же законодателем при формулировании данной нормы логики акцентирования на ценности права на тайну частной жизни. Названная логика предполагает необходимость сделать следующий шаг — установить особый порядок наложения запрета на разглашение данных о частной жизни [8]. Например, указать на безусловный характер такого запрета, выражающийся в недопустимости разглашения данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства ни при каких условиях. Это бы вынесло ещё больше определённости в названную норму уголовно-процессуального права.

При этом следует отметить, что и существующая редакция рассматриваемой нормы не предполагает того, чтобы кто-либо из должностных лиц имел право снять запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 2 УПК РФ следователь, дознаватель могут дать разрешение на разглашение только данных предвари-

тельного расследования, но не данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства, которые стали известны в ходе предварительного расследования. Тем самым законодатель выделяет две группы данных, которые не подлежат разглашению: данные предварительного расследования и данные о частной жизни участников уголовного судопроизводства, полученные в ходе предварительного расследования. В связи с этим встаёт вопрос: обе ли эти группы данных следует рассматривать, как данные, составляющие следственную тайну? Представляется, что следственной тайной могут быть только данные, относящиеся к первой из названных групп — данные предварительного расследования. Говоря другими словами, в ст. 161 УПК РФ речь идёт не только о следственной тайне, но и другом виде конфиденциальной информации. Это позволяет сделать вывод о том, что следственная тайна — это данные предварительного расследования.

Но всё же не только это достаточно банальное определение позволяет дать норма ст. 161 УПК РФ. В ней перечислены также данные, на которые не может распространяться запрет разглашения. Эти данные названы в частях 4 и 6 рассматриваемой нормы. Как из этого видно, законодатель избрал для формулирования определения данных, подлежащих запрету на разглашение, метод исключения, указывая ту информацию, на разглашение которой не может накладываться запрет. Исходя из этого, можно определить то, что понимается под следственной тайной, опираясь на действующее уголовно-процессуальное законодательство. Под следственной тайной понимаются данные, которые могут быть использованы для оптимизации установления обстоятельств совершения конкретного деяния. Это данные, которые могут быть использованы для решения тактических и стратегических задач предварительного расследования [9]. Соккрытие этих данных является средством, использование которого способно помочь следователю, дознавателю в решении тех проблем, которые перед ним встают. Так, сохраняя конфиденциальность о ходе предварительного расследования, следователь может предотвратить противодействие предварительному расследованию. Он предотвращает саму возможность создания предполагаемыми преступниками системы мер, которыми они могут помешать установлению обстоятельств совершения соответствующего преступления. Таким образом, законодательно закрепляется тактико-криминалистическое средство, использование которого позволяет решать тактические и методические задачи, являющиеся предметом криминалистических исследований. Следственная тайна становится средством, с помощью которого следователь имеет возможность усилить свою позицию в уголовном судопроизводстве.

Важным для организации и проведения предварительного расследования в определении следственной тайны (пусть и без использования этого термина) уголовно-процессуальным законом является признание того, что утаивание информации от обвиняемого, подозреваемого и иных участников

уголовного судопроизводства не просто допустимо, но и является условием, необходимым для установления обстоятельств совершения соответствующего деяния. Это не позволяет признавать такое утаивание, как безнравственное действие. Тем самым не только подготавливаются условия для проведения предварительного расследования конкретного преступления, а обеспечивается оптимизация такого предварительного расследования, которая предполагает установление обстоятельств совершения преступления качественно и по возможности в краткие сроки, не позволяющие лицам, не заинтересованным в установлении истины, организовать и осуществить противодействие. Следственная тайна позволяет обеспечивать качество предварительного расследования, поскольку создаёт условия, когда ничто не препятствует познавательной деятельности следователя. Он имеет возможность в отведённые законом сроки основательно исследовать обстоятельства совершения преступления, что позволяет вынести справедливые процессуальные решения.

Следственная тайна позволяет следователю уравнивать своё положение с положением подозреваемого, обвиняемого по отношению к обладанию знанием о совершённом преступлении. Так, вполне очевидно то, что следователь на момент начала предварительного расследования не обладает знанием обстоятельств совершения преступления. В то же время подозреваемый, обвиняемый обладает знанием того, какое отношение он имел к совершённому преступлению (даже в тех случаях, когда он не причастен к совершённому преступлению). Знание обстоятельств совершения преступления усиливает позицию обладающей им стороны. В связи с этим позиция стороны защиты на момент начала предварительного расследования всегда более выгодна, поскольку позволяет на основе имеющегося знания аргументировать занятую позицию, выраженную в соответствующих тезисах полной или частичной невиновности. Следователь, дознаватель такими знаниями на момент начала предварительного расследования не обладают, а потому их позиция в состязании (дискуссии) относительно виновности соответствующего лица ещё не подкреплена достаточным объёмом необходимых аргументов. Это делает позицию следователя, дознавателя на момент начала предварительного расследования более слабой по сравнению с позицией обвиняемого, подозреваемого. Одним средством, которое способствует уравниванию этих позиций, является следственная тайна, которая не позволяет стороне защиты знать ход проводимого расследования и степень осведомлённости следователя о совершённом преступлении. Умелое использование следственной тайны позволяет следователю существенно улучшить своё положение, поскольку сторона защиты при отсутствии данных о ходе предварительного расследования всегда стремится исходить из того, что следователь может знать об обстоятельствах совершения соответствующего деяния и, находясь в неведении, не может оказывать активного противодействия проводимому расследованию. Следственная тайна является эффективным средством для установления следовате-

лем обстоятельств совершения преступлений. Она может быть элементом тактических операций, который повышает эффективность в решении тактических задач, которые встают на определённых этапах проводимого предварительного расследования. Говоря другими словами, при сочетании с иными тактико-криминалистическими средствами следственная тайна способна позволять следователю получать доказательства, обладание которыми предоставляет ему возможность на равных дискутировать о виновности соответствующего подозреваемого, обвиняемого. Тем самым следственная тайна выступает как средство обеспечения гарантии действия принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, важным является и то, что следственная тайна является правовой основой такого тактического приёма, как следственная хитрость. Следственная хитрость основана на том, что подозреваемый, обвиняемый, свидетель, не располагая данными о ходе предварительного расследования, представляет соответствующую следственную ситуацию совсем не такой, какой она является на самом деле [10]. Следователь при планировании и проведении соответствующего следственного действия использует такое заблуждение ради получения недостающей ему информации, доказательств. При этом сам следователь, чаще всего, не вводит в заблуждение лицо, от которого планирует получить соответствующую информацию. Без следственной тайны выполнение данного тактического приёма было бы невозможным. Более того, легитимность следственной тайны позволяет констатировать легитимность и применения следственной хитрости. Поэтому следственную тайну следует рассматривать также в двух ипостасях: как условие успеха применения следственной хитрости и как элемент данного тактического приёма, на основании которого выстраиваются соответствующие действия следователя, дознавателя, призванные обеспечить получение соответствующих доказательств.

Таким образом, следственная тайна — это не просто условие предварительного расследования, это тактико-криминалистическое средство, закреплённое в уголовно-процессуальном законодательстве, использование которого способно обеспечить оптимальное решение тактических и стратегических задач, встающих перед следователем. Хотя прямо данный термин не употребляется в УПК РФ, тем не менее именно о следственной тайне идёт речь в ст. 161. Данный факт законодательного признания следственной тайны указывает на то, что криминалистическая тактика предварительного расследования принимается во внимание уголовно-процессуальным законодательством. Тем самым следователь, дознаватель получает легитимное средство, использование которого позволяет установить обстоятельства совершения конкретных преступлений.

При этом также следует отметить и то, что следственная тайна представляет собой средство защиты прав лиц, участвующих в уголовном судопро-

роизводстве. Она позволяет, сохраняя в тайне отдельные сведения, гарантировать участникам соблюдение их прав и законных интересов. Например, сохранение в тайне факта привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого позволяет не допустить опорочить имя этого лица без достаточных к тому оснований, соблюдая принцип презумпции невиновности. То же самое обеспечивается сохранением в тайне информации, которая может оказаться непригодной для изобличения соответствующего лица в совершении преступления, но вполне достаточной для того, чтобы запятнать имя соответствующего лица (например, если стали известны некоторые нелицеприятные подробности поведения этого лица). Также следственная тайна способна защитить и интересы иных участников уголовного судопроизводства, а не только подозреваемого, обвиняемого. Прежде всего, она способна защитить права и законные интересы потерпевшего. Проявляется это в том, что в интересах потерпевшего получение следователем, дознавателем достаточного для изобличения соответствующего подозреваемого, обвиняемого доказательств. Это часто бывает возможным сделать лишь при сохранении тайны о ходе проводимого предварительного расследования. При этом следует отметить то, что речь идёт именно о следственной тайне, а не о тайне частной жизни, запрет на распространение которой сформулирован в ч. 5 ст. 161 УПК РФ. Следственная тайна создаёт условия для реализации принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) при расследовании каждого конкретного преступления. Только в этом случае можно упредить утечку информации, разглашение которой может поставить под угрозу соблюдение названного принципа уголовного судопроизводства. В связи с этим интерес к соблюдению следственной тайны могут иметь не только следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, но и иные участники уголовного судопроизводства. Следственная тайна должна рассматриваться так же, как средство, обеспечивающее права и законные интересы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Иным словом, значение следственной тайны не ограничивается только целями и задачами, которые стоят перед следователем, дознавателем и состоят в установлении обстоятельств совершения конкретных преступлений, её значение также в том, что она является условием гарантии соблюдения целого ряда прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Но всё же основной задачей является установление обстоятельств совершения конкретных преступлений. Причём данная норма является ответом на запросы практики предварительного расследования, которая испытывает потребность в средствах, способствующих оптимизации в установлении истины по каждому конкретному случаю совершения преступления. Она также является ответом на запрос со стороны теории предварительного расследования, которая нуждается в таком средстве для разработки эффективных методик расследования совершённых преступлений. Законодательное её закреп-

ление даёт ответ на некоторые «неудобные» вопросы относительно нравственности отдельных действий, которые выполняются ради решения встающих проблем предварительного расследования. Речь идёт о следственной хитрости, которая применяется в ходе предварительного расследования, но факт применения которой часто замалчивается из-за того, что распространено ложное представление о том, что данный тактический приём аморален. На самом деле он аморален не более, чем аморальна следственная тайна, поскольку он от неё произведен. В связи с этим следственная тайна, являясь общим условием предварительного расследования, имеет значительное методологическое значение для расследования каждого конкретного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сидорова Е. И. Понятие и состав следственной тайны / Е. И. Сидорова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2007. — № 3. — С. 54—56.
2. Евсеенко В. Е. Обеспечение конфиденциальности в уголовном судопроизводстве: российский и зарубежный опыт / В. Е. Евсеенко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2014. — № 6 (17). — С. 104—107.
3. Шибанова Е. В. О тактике недопущения разглашения тайны предварительного расследования / Е. В. Шибанов // Российский следователь. — 2017. — № 11. — С. 3—7.
4. Новикова М. А. Определение понятия «разглашение данных предварительного расследования» / М. А. Новикова // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 1 (19). — С. 32—37.
5. Гончаров Д. Ю. Уголовно-правовая охрана следственной тайны / Д. Ю. Гончаров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2015. — № 1 (7). — С. 40—42.
6. Карташов И. И., Соколов В. А. Защита тайны частной жизни при производстве следственных действий / И. И. Карташов, В. А. Соколов // Центральный научный вестник. — 2016. — Т. 1. — № 15 (15). — С. 55—57.
7. Башинская И. Г. Процессуальные проблемы сохранения в тайне данных о личности участников уголовного судопроизводства / И. Г. Башинская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (50). — С. 44—46.
8. Аношко О. А. Необходимость совершенствования норм о недопустимости разглашения тайны предварительного расследования / О. А. Аношко // Мир юридической науки. — 2018. — № 6. — С. 46—50.
9. Зорин Р. Г., Смолькова И. В. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение механизма формирования следственной тайны в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Зорин, И. В. Смолькова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. — 2012. — № 2 (32). — С. 25—32.
10. Горский М. В. Последний раз о понятии «следственных хитростей» / М. В. Горский // Воронежские криминалистические чтения. — 2018. — № 20. — С. 105—111.

УДК 343.721

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10039

Эдуард Юрьевич Пороховой,

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники в ОВД

Восточно-Сибирского института МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы борьбы с преступностью, признанные международным сообществом. Отмечена роль ООН в вопросах борьбы транснациональной организованной преступностью. Исследованы положения международных нормативных правовых актов в сфере противодействия транснациональной преступности, а также современное состояние международной преступности. Отмечена динамика совершения преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, преступлений с использованием персональных данных. Определены ключевые факторы, способствующие транснациональной организованной преступности.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная преступность, наркоторговля, киберпреступность, экологические преступления, незаконный оборот наркотиков, торговля человеческими органами, изменения, законодательство.

Eduard Yurievich Porokhovoy,

Lecturer at the of the Department of Operative Search Activity and
Special Technology in the internal Affairs bodies
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia

SOME ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TRANSNATIONAL CRIME

Abstract. The article discusses the principles of fight against crime, recognized by international community. The role of the UN in the fight against transnational organized crime is noted. The statements of the international regulatory acts in countering transnational crime, as well as the current state of international crime are examined. The author notes the dynamics of commission of a crime in information technology and crimes using personal data. The key factors contributing to transnational organized crime are identified.

Keywords: international cooperation, transnational crime, drug trafficking, cybercrime, environmental crimes, drug trafficking, trafficking in human organs, changes, legislation.

На данном этапе развития человеческой цивилизации одной из основных задач мирового сообщества является обеспечение мира, глобальной и региональной стабильности. В Уставе ООН в качестве основополагающей цели закреплено осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, гуманитарного характера, в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. В данном контексте правонарушения, признанные в большинстве стран мира как преступления, рассматривается как угроза правам и свободам человека и опасность для фундаментальных основ государственности. Одной из таких угроз являются транснациональные преступные организации (сообщества). Международное сотрудничество в борьбе с преступностью — это специфическая деятельность государств и других участников международного общения в сфере предупреждения преступности, борьбы с ней и обращения с правонарушителями [1, с. 114].

Транснациональные преступные организации (сообщества) следуя тенденциям развития современного общества, все активнее используют передовые информационно-телекоммуникационные технологии, позволяющие создавать многонациональные союзы, обеспечивать контроль за рынками, которые приносят многомиллиардную прибыль. Указанные процессы детерминированы всеобщей глобализацией, на фоне процессов размывания границ многих стран мира, проблем в экономике и невозможностью контроля государственных органов стран мира за деятельностью киберпреступности на просторах сети «Интернет» и в особенности его теневой части DarkNet.

В связи с этим возникают объективные процессы, характерные для общества в XXI в., создающие уникальные условия для появления новых, ранее неизвестных форм транснациональной преступности, усугубления её организованности и профессионализации. ООН определила их как «правонарушения, охватывающие в аспектах, связанных с планированием, совершением и (или) прямыми или косвенными последствиями, более чем одну страну».

Анализ принятых международных документов в рамках универсальных и региональных международных организаций, чья деятельность непосредственно связана с противодействием преступности, свидетельствует о признании международным сообществом принципов, стратегий и механизмов противодействия.

В современных условиях человеческой цивилизации, преступность, стремительно расширила сферы своего влияния и напрямую противодействует созданию благоприятных условий для дальнейшего социального экономического развития, обеспечения безопасности и укрепления правопорядка. Данные факты обусловили дальнейшую эволюцию сотрудничества государств в вопросе борьбы с организованной формой преступности и объективно является одной из наиболее востребованных областей взаимодействия

стран мира с учетом всего спектра современных криминальных вызовов и угроз.

Несмотря на всеобщую активизацию усилий международного сообщества в борьбе с такими распространенными видами преступлений, как незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ, оружия, экстремизм и терроризм, нелегальная миграция и торговля людьми эффективность противодействия преступности имеет динамику к ее снижению. Наличие данных проблем и появление новых форм транснациональной организованной преступности были обозначены на XIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Катар, 12—19 апреля 2015 г.) [2]. Это такие виды преступлений, как киберпреступность, преступления с использованием личных данных, преступления в сфере спорта (проведение договорных матчей и организация нелегальных тотализаторов), морское пиратство, экологические преступления (включая торговлю видами дикой флоры и фауны), незаконный оборот наркотиков, торговля человеческими органами и поддельными медицинскими препаратами и др. Перечень подобных преступлений не является окончательным. Особое место среди них занимают преступления в сфере информационных технологий, которые достаточно многообразны¹.

Российская Федерация, как постоянный член Совета Безопасности ООН, однозначно подтвердила свою приверженность верховенству права [3, с. 62].

По общему правилу международное сотрудничество государств в различных сферах деятельности осуществляется в соответствии с международными договорами, действующими между заинтересованными государствами. Но наличие общей цели (эффективное противодействие преступности) поощряет государства к взаимодействию и при отсутствии соответствующего межгосударственного соглашения. В данном случае заинтересованное государство может выступить с просьбой о совершении каких-либо действий, связанных с противодействием преступлениям транснационального характера. Юридической основой для такого обращения выступают как общие принципы международного права (равенства и сотрудничества государств), так и специальные принципы, выработанные в процессе сотрудничества государств, в борьбе с транснациональной преступностью. К ним следует отнести принцип верховенства права и принцип взаимности [4, с. 71].

По мнению специалистов, принцип верховенства права выступает основой обеспечения безопасности, правосудия и прав человека, а также опре-

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/delc_conv/conventions/orgcrim.shtml (дата обращения: 05.04.2020)

деляющим условием в укреплении законности и упрочении системы национального и международного уголовного правосудия.

Разделяя позицию Нигматуллина Р. В., отметим, что «в науке международного права принцип взаимности понимается как один из фундаментальных принципов международного сотрудничества. Принцип взаимности является проявлением (продолжением) принципов равенства и сотрудничества государств, закрепленных в ст. 2 Устава ООН. Равенство государств предполагает уважительное отношение друг к другу, выражающееся в оказании взаимной помощи в различных сферах международного сотрудничества» [5, с. 361]. По способу закрепления принципа взаимности в нормативных документах выделяют «прямое» и «косвенное». «Прямое» предполагает, что при отсутствии международного договора взаимодействие государств осуществляется на началах взаимности, если иное не предусмотрено соответствующим законодательством. «Косвенное» часто используется в большинстве международных договоров. Например, в соглашениях об оказании правовой помощи используется формулировка «государства берут на себя обязательства совершать те или иные действия на взаимной основе».

Тем не менее проблемы реализации принципа взаимности возникают в самых различных сферах международного сотрудничества: вопросах разоружения, противодействии экономическим преступлениям, преступлениям в сфере высоких технологий и т. д. Этим обусловлено выяснение нами содержания норм о взаимности их применения в различных ситуациях и поэтому имеет существенное практическое значение в деятельности правоохранительных органов стран мира.

Анализ практики применения норм о взаимности в сфере противодействия преступности показывает, что взаимность в первую очередь рассматривается не как принцип международного права, а как юридическая основа взаимодействия между двумя государствами. По этой причине имеют место случаи, когда государство, руководствуясь общими интересами, по политическим либо идеологическим соображениям вводит какие-либо ограничения по исполнению обязательств. Подобные проявления недружественного поведения не являются нарушениями норм международного права, т. к. предоставление взаимности не считается обязанностью государства. На наш взгляд, вследствие этого существенно снижается эффективность противодействия современным вызовам и угрозам человечества.

Следует отметить, что научно-технический прогресс способствует быстрому развитию информационных технологий, новых систем телекоммуникаций и компьютерных сетей, что сопровождается злоупотреблением данными технологиями в преступных целях.

Специалистами в сфере противодействия транснациональным преступлениям отмечаются тенденции к трансформации криминальных вызовов и угроз. Они становятся не только более агрессивными, изощренными, нау-

коемкими и реализуются с применением высоких информационно-телекоммуникационных технологий, но и остаются «белыми пятнами» в виду отсутствия однородного законодательного регулирования в странах мира. Так же в последнее время наметилась тенденция использования транснациональными преступными организациями информационного оружия для совершения хищений денежных средств [6, с. 275].

На этом фоне транснациональные преступные организации все активнее используют современные финансовые инструменты, как способ легализации денежных средств, вырученных от торговли наркотиками, оружием, людьми и т. п.

Законодательное регулирование криптовалюты в зарубежных странах не отличается единообразием, характеризуется своими особенностями. Их изучение позволило прийти к выводу о том, что нормативная база складывается в основном только на уровне гражданского законодательства.

Подобное стало возможным ввиду противоречий в трактовке процессов, которые протекают на фоне экономических проблем. Вот пример. В январе 2019 г. на официальном сайте ООН размещен доклад, посвященный обзору мирового экономического и социального положения в 2018 г., где сделан вывод о том, что криптовалюты и Blockchain «стали важной частью глобальной финансовой системы», они могут избавить мир от необходимости доверять централизованным финансовым институтам, создать новые бизнес-модели и существенно повысить эффективность управления. Помимо этого, криптовалюту рассматривают как «новый рубеж в области цифровых финансов».

ООН открывает фонд для финансирования цифровыми токенами¹, а его подразделение «Чрезвычайный фонд защиты детей ООН» (далее — ЮНИСЕФ) начинает принимать пожертвования в девяти криптовалютах: Bitcoin, Bitcoin Cash, Ethereum, Litecoin, XRP, EOS, Monero, Dash и Stellar. В соответствии с международной программой «Цели устойчивого развития» предлагается решать такие глобальные проблемы, как бедность, неравенство, климатические изменения, ухудшение состояния окружающей среды и т. д. Для реализации указанной программы создан фонд, который планирует привлечь несколько сотен миллионов долларов и разместить их как в фиатном, так и в цифровом формате на Blockchain. Фонд станет первой структурой в составе программы ООН, которая сможет принимать и работать со всеми видами цифровых активов. Известно, что управлять фондом будет децентрализованная платформа кредитования Celsius Network, а запускать проект станет поставщик финансовых услуг Fifth Element. Более того,

¹ Токен — это форма цифрового актива, который располагается поверх блокчейна; криптовалюта — это цифровая или виртуальная валюта, которая шифруется (защищена) с помощью криптографии.

ЮНИСЕФ уже применяет вычислительные мощности компьютеров для сбора пожертвований с помощью майнинга криптовалюты Monero [7].

Ряд стран уже информировал международное сообщество об использовании Blockchain и криптовалюты. Так, премьер-министр Республики Мальта (далее — Мальта) Джозеф Мускат посвятил свое выступление на Генеральной Ассамблее ООН именно этой проблеме. В своем докладе он раскрыл перспективы и представил цифры экономических достижений, которые принесли плоды криптолиберализации национального законодательства, поскольку здесь официально разрешен выпуск токенов на ICO и уравнены в правах цифровые и фиатные валюты. Более того, привлечена биржа Binance, чьи 200 000 000 долларов квартальной прибыли превысили показатели крупнейшего оператора рыночных торгов традиционными активами NASDAQ. Мальта получила практически мгновенный эффект от принятия регулирующих цифровые активы законов, что особенно важно для бедных государств, лишенных традиционных источников прибыли в виде полезных ископаемых. На примере интеграции Blockchain в госуправление Мальта показала, как этот процесс может снизить коррупционные риски и эффективно управлять различными сферами — от здравоохранения и до утилизации отходов [8].

Анализ международного законодательства привел к формулированию тезиса о том, что в настоящее время на международном уровне недостаточно базовых документов, которые могут быть положены в основу формирования нормативных правовых актов, направленных на противодействие преступной деятельности с использованием «виртуальной валюты» (криптовалюты). Имеющаяся правовая база в сфере киберпространства и противодействия киберпреступности в полной мере не отвечает современным угрозам и требует консолидации мирового сообщества в принятии единых правовых подходов как в повседневном использовании криптовалюты, так и в противодействии преступлениям, связанным с ее криминальным оборотом.

Эффективное сотрудничество государств в противодействии транснациональной преступности возможно на основе не только международных, но и региональных договоров, а также двусторонних межведомственных соглашений и договоренностей. Анализ практики такого сотрудничества показывает, что государствами не в полной мере реализован потенциал основных международных соглашений в сфере противодействия транснациональной преступности.

Раскрытие и расследование преступлений — это сложный процесс, осуществляемый на основе соответствующей уголовно-правовой, процессуальной, оперативно-розыскной и криминалистической информации и знаниях определенных частных закономерностей [9, с. 27].

Считаем, что применение в практике международных отношений положений, вытекающих из содержания принципа взаимности, станет еще од-

ним эффективным правовым средством не только борьбы с преступностью, но и средством преодоления межгосударственных противоречий, обусловленных, как видится, более политическими и идеологическими факторами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Клименко Т. М., Третьякова Е. И. Международное сотрудничество в области противодействия обороту фальсифицированных лекарственных средств / Т. М. Клименко, Е. И. Третьякова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2015. — С. 114—119.
2. Пихов А. Х. Транснациональная преступность в контексте современных криминальных процессов / А. Х. Пихов // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3 (35). — С. 252—257.
3. Тимофеев С. В. Особенности предупреждения сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С. В. Тимофеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — 1 (92). — С. 192—199.
4. Саенков А. В. Принцип взаимности и принцип национального режима в международном гражданском процессуальном праве / А. В. Саенков // Бизнес в законе. — 2012. — № 3. — С. 71—73.
5. Нигматуллин Р. В. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью / Р. В. Нигматуллин, Р. Р. Сулейманова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 358—368. DOI: 10.17150/1996-7756. 2016. 10 (2). С. 358—368.
6. Родивилина В. А., Родивилин И. П. Информационное оружие / В. А. Родивилина, И. П. Родивилин // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2018. — С. 275—278.
7. Криптовалюты «пришли» в ООН [Электронный ресурс]. — URL: <https://cryptor.net/news/kriptovalyuty-prishli-v-oon-2060> (дата обращения: 10.04.2020).
8. ООН и ЮНИСЕФ принимают криптовалюты [Электронный ресурс]. — URL: <https://cryptofeed.ru/news/oon-i-yunisef-prinimayut-kriptovalyuty/> (дата обращения: 05.04.2020).
9. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А. В. Варданян, О. П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23—35.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10040

Алексей Викторович Репин,

заместитель начальника кафедры криминалистики

Сибирского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ КОНТАКТА, УСТАНОВЛИВАЕМОГО СЛЕДОВАТЕЛЕМ В ХОДЕ ДОПРОСА

Аннотация: В статье на основе анализа теоретического материала и результатов опроса следователей обосновывается вывод о том, что: а) традиционно используемый термин «психологический контакт» на допросе и вкладываемая в его содержание необходимость достижения взаимного психологического понимания и сопереживания, а также иных составляющих эмпатийного взаимодействия не соответствует сегодняшним реалиям проведения допросов подозреваемых и обвиняемых, осуществляемых, как правило, в условиях противодействия; б) предлагается использовать термин «коммуникативный контакт» как состояние, при котором допрашиваемый проявляет готовность к восприятию и передаче информации по делу. Анализируются причины, препятствующие установлению контакта следователем с подозреваемым и обвиняемым в процессе допроса. Предлагается рассматривать коммуникативный контакт как минимально необходимое условие для проведения допроса, с необходимостью его постоянного поддержания и укрепления для достижения контакта психологического.

Ключевые слова: коммуникативный контакт, психологический контакт, допрос, конфликтная ситуация допроса, противодействие на допросе.

Alexey Victorovich Repin ,

deputy chief of the Department

of Criminalistics of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia.

ON THE CONCEPT AND ESSENCE OF CONTACT ESTABLISHED BY THE INVESTIGATOR DURING INTERROGATION

Abstract. Based on the analysis of theoretical material and on the results of questioning of investigators the article concluded that: a) commonly used term “psychological contact” during interrogation and the need to achieve mutual psychological understanding and empathy, as well as other components of empathic interaction does not match today's realities of interrogation of suspects and accused, carried out, as a rule, in the conditions of opposition; b) the author proposes to use the term “communicative contact” as a condition in which the interrogated person is ready to receive and give information on the case. The author analyzes the reasons preventing the investigator from establishing contact with the suspect and the

accused during the interrogation. It is proposed to consider communicative contact as the minimum necessary condition for interrogation, with the need for its constant maintenance and strengthening in order to achieve psychological contact.

Keywords: communicative contact, psychological contact, interrogation, conflict situation of interrogation, opposition during interrogation.

Установление контакта с допрашиваемым является необходимым условием для эффективного производства допроса и передачи управляющего воздействия. Однако не всегда следователям удается установить надлежащий контакт для получения полных и достоверных показаний. По мнению самих следователей, причинами этого являются:

- наличие в ходе допроса посторонних людей (в том числе коллег) в кабинете или ином месте допроса — 61,7 %;
- нежелание допрашиваемого вступать в контакт и давать показания — 50 %;
- неумение ряда следователей устанавливать такой контакт — 41,7 %;
- участие в ходе допроса защитника — 41,7 %;
- отсутствие времени на установление контакта — 33,3 %;
- нежелание следователей тратить время и силы на установление контакта — 11,7 %;
- недостаток методических рекомендаций по установлению контакта — 10 %;
- беспорядок в кабинете следователя, включенная музыка и т. п. — 5 %¹.

Полученные данные свидетельствуют, что причинами неудовлетворительного контакта или его отсутствия с допрашиваемым являются как объективные (отсутствие в большинстве подразделений персональных кабинетов следователей), так и субъективные (неумение и нежелание следователей устанавливать контакт с допрашиваемым) обстоятельства. Однако, несмотря на многочисленные исследования и публикации, вопросы установления контакта представляются проблемными не только для практических работников, но и для ученых. Р. Л. Ахмедшин справедливо отмечает, что, «к громадному сожалению, тактический потенциал современной криминалистики в области взаимодействия в рамках психологического контакта крайне мал» [1, с. 195]. Нередко в теоретических исследованиях наблюдается смешение или подмена понятий, прямой (т. е. без учета специфики следственной деятельности) перенос рекомендаций по установлению психологического контакта из общей

¹ Респонденты отмечали по 2—3 причины, поэтому результаты превышают 100 %. Всего опрошено 69 следователей органов внутренних дел.

психологии в криминалистику и т. д., что изначально делает такие рекомендации неприменимыми в реальных условиях допроса.

На сегодняшний день существуют различные подходы к пониманию контакта между следователем и допрашиваемым. В целом, высказываясь единодушно относительно самого термина «контакт» и понимая под ним передачу партнеру по общению имеющейся информации, мнения авторов существенно отличаются при определении его сущности, характера и целей.

Определяя сущность контакта, авторы рассматривают его как условие, необходимое для благоприятной обстановки производства следственного действия [2, с. 272; 3, с. 540; 4, с. 30], как тактический прием [5, с. 196], как тактическую задачу [6, с. 44; 7, с. 45—46], как принцип производства следственных действий [8, с. 350—351]. Помимо перечисленного, Г. А. Зорин отмечает, что контакт может рассматриваться как тактическое средство или способ; как тактический метод; как стадия следственного действия; как тактическая операция (комбинация); как благоприятствующее состояние следователя или его партнера; как элемент криминалистической тактики и стратегии; как тактический подход, сфокусированный на личность [9, с. 232].

Несмотря на такое разнообразие подходов, во многом они являются не противоречащими друг другу, т. к. раскрывают различные аспекты контакта¹. Спорными представляются лишь точки зрения авторов, считающих психологический контакт тактическим приемом, либо стадией допроса. Во-первых, «тактический прием имеет локальный характер и ограничен во времени. Психологический же контакт должен сопутствовать всему ходу допроса» [4, с. 43]. По этой же причине его нельзя рассматривать как стадию следственного действия. Во-вторых, являясь многофакторным явлением, контакт позволяет реализовывать различные стороны общения на допросе, а достигается это именно за счет применения тех или иных тактических приемов и комбинаций.

Таким образом, установление и поддержание контакта с допрашиваемым, являясь элементом криминалистической тактики, выступает в качестве сквозной тактической задачи на всем протяжении следственного действия. Решение этой задачи позволяет на основе индивидуального подхода сформировать благоприятную обстановку для общения и создать необходимые условия для реализации управляющего воздействия.

Традиционно, по своему характеру, контакт именуется психологическим. В качестве свойств, определяющих его содержание, отмечается общность интересов и целей деятельности; взаимопонимание; переживание глу-

¹ Ученые отмечают, что «любые определения, даже взаимоисключающие друг друга, тем не менее, в конечном счете дополняют профессиональное понимание познаваемого явления. Одно сознание, каким бы оно ни было гениальным, не может претендовать на владение конечной истиной. Истина лежит в самом явлении» [10, с. 8].

бокого взаимного доверия; сопереживание общающихся, сопровождающееся легкостью отношений, позволяющее успешно общаться, решать совместные задачи [11, с. 78]. Все это направлено на «создание такой атмосферы допроса, при которой допрашиваемый проникается уважением к следователю, ... осознает необходимость способствовать своими показаниями установлению истины» [12, с. 100].

Если рассматривать контакт с указанных позиций применительно к допросу подозреваемых (обвиняемых), то его установление возможно только в ситуации полного отсутствия тактического риска [13, с. 34] и какого-либо противодействия с их стороны. Однако допрос подозреваемых (обвиняемых) проходит в подавляющем большинстве случаев в ситуации противодействия с той или иной степенью выраженности и достижение «сопереживания», «глубокого взаимного доверия» или «общности интересов», как минимум представляется спорным и идеализированным. Р. Л. Ахмедшин отмечает, что «обвиняемый, в случае если он действительно совершил преступление, крайне незаинтересован в объективном рассмотрении своего дела, желая либо полностью, либо частично смягчить последствия эффективной работы следователя» [1, с. 192]. Особенно наглядно это проявляется при допросе подозреваемых (обвиняемых) имеющих установку на дачу ложных показаний, отказ от дачи показаний, а также лиц, ранее судимых. По этому поводу Р. С. Белкин справедливо заметил, что «представление о том, что существует психологический контакт, особенно если подследственный — рецидивист или участник сплоченной преступной группировки, нередко чисто иллюзорно: о каком контакте может идти речь при наличии диаметрально противоположных интересов „контактирующих“?» Ведь «если до выяснения этой противоположности еще можно было говорить о некоем контакте, то после такого выяснения, никакого контакта в его *психологическом* (курсив наш — А. Р.) смысле не существует» [14, с. 114—115].

Аналогичная точка зрения высказана В. П. Бахиным, М. Ч. Когамовым, Н. С. Карповым, которые отмечают, что «не взаимопонимание и доверие (они желательны, но не всегда достижимы) составляют основу психологического контакта, а „настрой“ на общение ради или для обмена информацией» [6, с. 42]. Основу контакта, предпосылки для его установления составляет необходимость получения полных и достоверных сведений о преступлении, т. е. информация, выступающая формой связи управляющего объекта с управляемым, посредством речевых и неречевых коммуникаций. Исходя из этого, представляется правильной точка зрения ученых, рассматривающих контакт между следователем и допрашиваемым по своему характеру не как психологический, а как коммуникативный [15, с. 45]. Это объясняется следующими причинами: во-первых, термин «коммуникативный контакт» наиболее точно отражает цель его установления на допросе — обмен информацией, т. к. он «основан на осознании необходимости информационного общения

и направлен на создание условий для получения определенной информации» [16, с. 19]. Во-вторых, коммуникативный контакт адекватно отражает характер взаимодействия между следователем и подозреваемым (обвиняемым). Такое взаимодействие нередко характеризуется противоположностью целей, что, с одной точки зрения, раскрывает специфику интерактивной стороны допроса подозреваемых (обвиняемых), а с другой, позволяет рассматривать контакт не как взаимодействие, «основанное на общей эмоциональной настроенности», «на основе единства целей и интересов», «взаимных эмоциональных положительных переживаний» (что, по меткому замечанию Р. С. Белкина выглядит как «трогательный союз единомышленников» [17, с. 154]), а как деловое межличностное взаимодействие, когда общающиеся стороны заинтересованы и проявляют готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга. При этом главная задача воздействия «сблизить позицию лица, с которым взаимодействует следователь ... к позиции, занимаемой следователем» [18, с. 263].

Таким образом, при подготовке к допросу и в самом начале допроса «программа минимум» для следователя — это установление именно коммуникативного контакта. Важно убедить допрашиваемого в необходимости дачи показаний. И уже после того, как установлен коммуникативный контакт, необходимо постараться перейти к «программе максимум» — установлению контакта психологического, т. е. контакта, основанного на взаимной эмпатии, доверии и т. д.

Подводя итог, отметим, что мы полностью разделяем позицию Ю. В. Трофимовой о необходимости понимания разницы между психологической и юридической составляющей психологического контакта [19, с. 137—138], а также позицию А. А. Шаевича, что при изучении контакта необходимо четко осознавать разницу между контактом как характеристикой определенных отношений между следователем и допрашиваемым в конкретной ситуации допроса и контактом как деятельности по созданию таких отношений, протекающих в форме общения [20, с. 48]. В настоящей статье нами рассмотрен только коммуникативный контакт как характеристика отношений между следователем и допрашиваемым в условиях противодействия. Вопросы, связанные с организацией отношений, когда коммуникативный контакт может перерасти в психологический контакт, не менее актуальны и требуют дальнейшего серьезного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ахмедшин Р. Л. О понятии и видах психологического контакта и тактике его достижения в ходе следственных действий / Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 445. — С. 192—196.
2. Пахомов А. В. Криминалистика (конспект лекций) / А. В. Пахомов. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. — 136 с.

3. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. — СПб: Лань, 2001. — 928 с.
4. *Порубов Н. И.* Научные основы допроса на предварительном следствии. — 3-е изд., перераб. / Н. И. Порубов. — Мн.: Вышэйшая школа, 1978. — 176 с.
5. *Баев О. Я.* Основы криминалистики: курс лекций / О. Я. Баев. — М.: Экзамен, 2001. — 288 с.
6. *Бахин В. П., Когамов М. Ч., Карпов Н. С.* Допрос на предварительном следствии (уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы) / В. П. Бахин, М. Ч. Когамов, Н. С. Карпов. — Алматы, 1999. — 208 с.
7. *Питерцев С. К., Степанов А. А.* Тактика допроса / С. К. Питерцев, А. А. Степанов. — СПб: Питер, 2001. — 160 с.
8. Криминалистика: учебник / под ред. В. А. Образцова. — М.: Юрист, 1999. — 735 с.
9. *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса / Г. А. Зорин. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 320 с.
10. *Киришбаум Э. И., Еремеева А. И.* Психологическая защита. — 3-е изд. / Э. И. Киришбаум, А. И. Еремеева. — СПб: Питер, 2005. — 176 с.
11. *Носков В. А.* Психотехника общения: учебное пособие / В. А. Носков. — М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2001. — 120 с.
12. *Лифшиц Е. М., Белкин Р. С.* Тактика следственных действий / Е. М. Лифшиц, Р. С. Белкин. — М.: Новый Юрист, 1997. — 176 с.
13. *Лапша В. Л., Бондарь А. Я.* Риск в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений / В. Л. Лапша, А. Я. Бондарь // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 4 (12). — С. 33—39.
14. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня / Р. С. Белкин. — М.: НОРМА, 2001. — 240 с.
15. *Еремеев С. Г.* Отдельные тактико-психологические аспекты производства допроса и очной ставки / С. Г. Еремеев // Научный компонент. — 2019. — № 3. — С. 44—50.
16. *Еникеев М. И., Черных Э. А.* Психология допроса / М. И. Еникеев, Э. А. Черных. — М.: Институт международного права и экономики, 1994. — 147 с.
17. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 тт. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. — М.: Юрист, 1997. — 480 с.
18. *Конин В. В., Конин А. В.* Значение криминалистики для успешной деятельности следователя / В. В. Конин, А. В. Конин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 3 (90). — С. 259—270.
19. *Трофимова Ю. В.* Психологический контакт: психологический и юридический подходы / Ю. В. Трофимова // Вестник Барнаульского института МВД России. — 2018. — № 2 (35). — С. 137—139.
20. *Шаевич А. А.* О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий / А. А. Шаевич // Научный портал МВД России. — 2018. — № 2. — С. 45—51.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10041

Андрей Борисович Соколов,

доцент кафедры криминалистики Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент;

Антон Александрович Шаевич,

профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

Альфия Рамазановна Жайтуменова,

адъюнкт Омской академии МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация: На современном этапе криминалистической науки сформировались и продолжают совершенствоваться несколько теоретических конструкций, назначение которых состоит в глубоком анализе преступления. Данные конструкции во многом схожи, что затрудняет определение их понятийного аппарата, места и значения в криминалистической науке. В статье рассматривается соотношение категорий «криминалистическая характеристика преступлений», «механизм преступной деятельности (механизм преступления)», «типовая криминалистическая информационная модель преступления (преступной деятельности)».

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, механизм преступной деятельности, механизм преступления, информационная модель преступления, криминалистические категории.

Andrey Borisovich Sokolov,

Associate Professor of the Department of Criminalistics
of the Omsk Academy of the MIA of the Russia,
Candidate of Law, Associate Professor;

Anton Aleksandrovich Shaevich,

Professor of the Department of Criminalistics
of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russia,
Candidate of Law, Associate Professor;

Alfia Ramazanova Zhaitumenova,

adjunct to the Academy of the Omsk of the MIA of the Russia

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES: UNRESOLVED ISSUE

Abstract. At the present stage of forensic science, some theoretical approaches have been formed and continue to be improved, their purpose is to analyze the crime in depth. These constructions are similar in many ways, which

makes it difficult to determine their conceptual apparatus, place and meaning in forensic science. The article considers the correlation of the categories “criminalistic characteristics of crimes”, “mechanism of criminal activity (mechanism of crime)”, “typical forensic informational model of crime (criminal activity)”.

Keywords: forensic characteristics, mechanism of criminal activity, mechanism of crime, information model of crime, forensic categories.

Осуществляя рассмотрение сообщений о преступлениях, а также расследование по уголовному делу, следователь стремится определенным образом упорядочить свою деятельность, в том числе путем познания и использования закономерностей совершения преступлений, анализа последствий противоправных деяний. Помочь правоприменителю сориентироваться на месте происшествия, правильно организовать и спланировать свою работу позволяет знание методик расследования преступлений определенных видов, каждая из которых содержит рекомендации, учитывающие особенности, свойственные конкретному виду (группе) противоправных деяний. При этом особенно важную роль играет такая подсистема частной криминалистической методики, как криминалистическая характеристика преступлений.

Исследованию указанной категории посвящено большое количество работ, однако остались не до конца разрешенными вопросы, поставленные учеными-криминалистами, относительно ее сущности, структуры и содержания, системного характера входящих в нее элементов, практической значимости; значения в формировании частных криминалистических методик; соотношение с обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию (предметом доказывания); существования криминалистической характеристики конкретного преступления и др.

Повышенное внимание вызывает постановка вопроса об отказе в использовании такой категории, как «криминалистическая характеристика преступлений» и ее замена на «механизм преступной деятельности» (механизм преступления)«, «типовая криминалистическая информационная модель преступления (преступной деятельности)». Есть и более кардинальные мнения — исключить рассматриваемую криминалистическую категорию из системы частной методики расследования отдельных видов (групп) преступлений и заменить ее предметом доказывания.

Разрешение данных вопросов, по нашему мнению, имеет колоссальное значение, поскольку от понимания фундаментальных основ криминалистической теории зависит ее современное положение и дальнейшее развитие.

Глубокий анализ научных работ, посвященных обозначенным направлениям исследования позволяет сформулировать вывод о существовании полярных мнений в оценке самой проблемы и эффективности применения криминалистической характеристики при расследовании определенных видов преступлений. Обозначенный круг проблем еще не раз будет подвержен обсуждению учеными на страницах периодической печати либо на более высоком — монографическом уровне. Мы лишь постараемся разобраться в одной

из обозначенных проблем, связанных с соотношением понятий «криминалистическая характеристика преступлений», «механизм преступной деятельности» (механизм преступления) и «типовая криминалистическая информационная модель преступления (преступной деятельности)».

Напомним, появившееся в конце 60-х гг. XX в. понятие «криминалистическая характеристика преступлений» стало одним из основных элементов частных криминалистических методик. Разработкой и исследованием данного понятия занимались многие ученые-криминалисты И. И. Артамонов, О. Я. Баев, В. П. Бахин, Р. С. Белкин, А. А. Бессонов, И. Е. Быховский, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Г. А. Густов, Л. Я. Драпкин, А. В. Дулов, В. Ф. Ермолович, Г. К. Захаров, Е. П. Ищенко, В. Я. Колдин, А. Н. Колесниченко, А. Ф. Лубин, И. М. Лузгин, А. Ф. Облаков, В. А. Образцов, И. Ф. Пантелеев, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. Г. Филиппов, А. А. Хмыров, С. Н. Чурилов, Н. Е. Шурухнов, Н. П. Яблоков и др. Криминалистическая характеристика преступлений как понятие, аккумулирующее в себе совокупность типичных черт криминалистического характера конкретного вида преступления, определено в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, выполненной А. Н. Колесниченко [1], которая была успешно защищена.

Дальнейшее исследование рассматриваемой категории нашло отражение в определении, предложенном в научной статье А. Н. Колесниченко и В. Е. Коноваловой: «Криминалистическая характеристика — это система сведений (информации) о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, отражающая закономерные связи между ними и служащая построению и проверке следственных версий для решения конкретных задач расследования» [2, с. 7]. Мнение указанных ученых акцентируется именно на том, что криминалистическая характеристика преступлений является системой сведений, отражающей закономерные связи между криминалистически значимыми признаками преступлений конкретного вида.

Развивая представления о сущности и назначении анализируемой категории Н. П. Яблоков указывает: «криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему описания криминалистически значимых признаков вида, группы и отдельного преступления, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки его совершения, дающая представление о преступлении, личности его субъекта и иных обстоятельствах, об определенной преступной деятельности и имеющая своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [3, с. 36—37]. Подход автора к рассмотрению криминалистической характеристики как системы данных о преступлении, имеющей своим назначением обеспечение успешного решения задач раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, представляется достаточно обоснованным.

Обратимся к энциклопедической литературе. Система — это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образую-

щих определенную целостность, единство [4, с. 1225]. Таким образом, система объединяет в единое целое взаимосвязанные элементы. Именно такой подход и должен быть положен в основу определения криминалистической характеристики. Ее построение должно соответствовать смыслу, вкладываемому в слово «характеристика», т. е. описание характерных, отличительных качеств, черт, свойств [4, с. 1455], и выходить за рамки этого толкования не следует.

Дополнительно, аргументируя тезис о наличии взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики преступлений Н. П. Яблоков обращает внимание на необходимость ее разработки и применения в расследовании: «Зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указывать на существование другого, еще не установленного элемента и определить направление и средства его поиска» [5, с. 12]. Действительно, в условиях информационного дефицита исследуемая система позволяет за счет устойчивой взаимозависимости элементов выдвигать версии относительно неустановленных обстоятельств.

Однако в 2001 г. Р. С. Белкин ставит под сомнение необходимость разработки криминалистической характеристики преступлений, указывая, что она, «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [6, с. 223]. О скоротечности данного вывода говорить не приходится. В 1987 г. выходит научная статья «Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления)» [7, с. 56—58] под авторством Р. С. Белкина, И. Е. Быховского и А. В. Дулова, в которой обращено внимание на некоторые проблемы, негативным образом сказывающиеся на криминалистической характеристике преступлений. К таковым авторы отнесли: произвольное толкование содержания исследуемой категории; завышенное представление о ее практической значимости; бессистемный характер изложения элементов криминалистической характеристики и др. Полагаем, что с момента опубликования данной статьи, содержащей указания на такие недостатки, можно считать новым этапом в развитии такой категории, как криминалистическая характеристика преступлений. Интересной в этом плане является позиция О. Я. Баева, который отмечал, что до появления работы, споры между учеными велись в основном по вопросам о дефиниции, уровнях, структуре и элементном составе; само же существование криминалистической характеристики под сомнение не ставилось [8, с. 19].

По нашему мнению, кроме проблем, обозначенных ранее, определенную роль в дискредитации идеи криминалистической характеристики, как инструмента, полезного для применения в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, сыграло чрезмерное ее смешение

с криминологической характеристикой преступления, которое иногда допускается в работах некоторых исследователей.

Сегодня ученых-криминалистов, исходя из занимаемых позиций, относительно рассматриваемой проблемы, можно распределить на три группы. Ученые — представители первой группы, предлагали заменить использование понятия «криминалистическая характеристика преступления» на другие (В. Я. Колдин, А. Ф. Лубин, О. В. Чельшева, С. Н. Чурилов и др.). Так, А. Ф. Лубин, исследовавший в криминалистическом плане механизм преступной деятельности, пришел к выводу, что закономерности механизма образуют в совокупности криминалистическую характеристику преступной деятельности [9, с. 97]. Практическое применение категории «механизм преступной деятельности» позволит «воссоздать изучаемый объект таким образом, чтобы в конструкции обнаруживались закономерности путей такой реконструкции» [10, с. 29]. Согласно позиции названного ученого, методика криминалистического исследования механизма преступления нуждается в «коренном переосмыслении и „опережающем“ развитии», а термин «криминалистическая характеристика» не отражает корреляционные элементные связи и закономерных связей количественных показателей. В категории — «криминалистическая характеристика» А. Ф. Лубин отмечает «ограниченность традиционного методологического подхода к ее формированию: приверженность к элементному описанию; выявление только частоты встречаемости системных элементов; разрыв с версионной структурой (системой типовых версий)» [10, с. 28].

Под механизмом преступной деятельности А. Ф. Лубин понимает: «методологическую категорию, выражающую закономерности теоретического построения и экспериментальной проверки модельной иерархической системы корреляционных отношений структурных элементов, в целях последующего формирования типовых версий и корректировки типовых методик исследования преступлений» [10, с. 30].

Уточняя позицию А. Ф. Лубина, О. В. Чельшева указывает на то, что криминалистическую характеристику составляют «сведения о закономерностях механизма преступления» [11, с. 13].

Исследуя криминалистическую характеристику преступления, Чурилов С. Н. обращает внимание: «можно констатировать, что в рамках рассматриваемого понятия пока нет удовлетворительного решения многих ключевых вопросов... Не поддаются положительному решению вопросы о структуре криминалистической характеристики и ее значении в формировании частных криминалистических методик» [12, с. 44]. Ученый предлагает заменить криминалистическую характеристику преступления на механизм преступления, при этом в структуре последнего выделяет три основных причинно-следственных звена, согласующихся с этапами подготовки, совершения и сокрытия умышленного преступления [12, с. 46].

Другое видение механизма преступления разработал И. В. Веренич, определяя криминалистическое учение о механизме преступления как «сис-

тему научных положений о закономерностях формирования и функционирования механизма преступления, обусловленных ими криминалистически значимых признаках и свойствах деятельности и иных поведенческих актах участников преступного события — как прямых, так и косвенных, и закономерностях возникновения информации о преступлении и его участниках» [13, с. 130]. Согласно мнению ученого, механизм преступления формируется из трех этапов: начального, основного, заключительного. Каждый этап — это звенья единой цепи. В то же время любой из них может рассматриваться в качестве целостного, относительно самостоятельного процесса. Этапу формирования механизма преступления соответствуют определенные процессы взаимодействия прямых и косвенных участников преступного события между собой и с окружающей средой, что, в свою очередь, закономерно обуславливает образование соответствующих материальных и интеллектуальных следов.

Были также предложения заменить криминалистическую характеристику преступлений на типовую информационную модель преступления (преступной деятельности), под которой авторы учебного пособия понимают информационную систему, построенную на основе обобщения представительного массива уголовных дел определенной категории, отражающую закономерные связи между существенными для раскрытия и расследования элементами программно-целевого комплекса, способа действия преступника, механизма расследуемого события, обстановки преступления и особенностями личности преступника и служащую для выдвижения типовых следственных версий [14, с. 128—144; 15].

Ко второй группе мы отнесли ученых, допускающих совместное сосуществование и развитие рассматриваемых криминалистических категорий (А. М. Кустов, И. В. Веренич, В. М. Прошин) [13]. Так, почти одновременно с А. Ф. Лубиным А. М. Кустов обращает внимание, что каждый типичный механизм преступления должен иметь свою характеристику [16, с. 111]. Ученый полагает, что механизм преступления — это «система процессов взаимодействия участников преступления, как прямых, так и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки» [17, с. 13]. При этом А. М. Кустов не противопоставляет рассматриваемые криминалистические категории, а считает их самостоятельными, имеющими право на существование и развитие.

Третья группа ученых выступила в защиту понятия «криминалистическая характеристика преступлений» (О. Я. Баев, И. А. Возгрин, В. Д. Зеленский, Е. П. Ищенко, Н. П. Яблоков, А. Г. Филиппов и др.).

Так, О. Я. Баев предпринимает меры по усилению «работоспособности» криминалистической характеристики отдельных видов преступлений предлагая проводить углубленное исследование лиц, совершающих преступления отдельных видов путем создания обобщенных криминалистических портретов [18, с. 14].

Полагаем, верным будет согласиться с И. А. Возгриным, который указывает: «несмотря на столь отрицательную оценку криминалистической характеристики преступлений профессором Р. С. Белкиным, из нее вытекает и конструктивная задача, заключающаяся не в отказе от этой криминалистической категории, а в более глубоком ее исследовании, исключении всего лишнего, необоснованного и наполнении реальным содержанием, обеспечивающим реальную работу следователей по расследованию отдельных видов преступлений» [19, с. 38].

Изучив типовую информационную модель преступления (преступной деятельности) и сопоставив ее с криминалистической характеристикой преступлений, Н. П. Яблоков пишет: «иногда криминалистическую характеристику преступления именуют типовой информационной моделью преступления, что не меняет сущности этого понятия» [20, с. 60]. Обстоятельное сравнение криминалистической характеристики преступлений с понятием, сущностью и требованиями, предъявляемыми к типовой модели преступной деятельности, приводит отдельных ученых к мнению о том, что данные криминалистические категории «по существу совпадают» [21, с. 42]. Мы разделяем данную позицию.

Результаты исследований, проведенных Н. А. Подольным, показали, что «следователи стремятся усмотреть между информацией, которая стала им известна в ходе расследования, и еще не известными фактами и обстоятельствами преступления связь, которая ими кладется в основу плана расследования конкретного преступления. А это значит, что следователи при расследовании преступлений используют криминалистическую характеристику именно как конструкцию, с помощью которой устанавливаются взаимосвязи и взаимозависимости между различного рода факторами и обстоятельствами, имеющими отношение к расследуемому преступлению» [22, с. 32].

Полагаем, что криминалистическая характеристика, как первичная база аккумулирования информации о преступлении, преследует несколько целей: создание возможности обоснованного предположения об иных, входящих в её состав элементах; структурирование полученных сведений; определение содержания элементов, исходя из особенностей, присущих определенному виду (группе) преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой систему криминалистически значимых сведений о наиболее существенных признаках и свойствах противоправных деяний, проявляющихся в присущих ей структурных элементах. При этом ее структура позволяет выявить иерархию взаимозависимых и взаимообусловленных элементов данной системы.

Учитывая сказанное, криминалистическая характеристика преступлений является не только элементом частной методики расследования определенного вида (группы) преступлений, но и самостоятельной подсистемой. Использование таких сведений, безусловно, оказывает влияние на организацию и тактику расследования преступлений в целом.

Анализ существующих позиций и представленных учеными аргументов, позволяет сделать вывод о том, что, по сути, понятия «криминалистическая характеристика преступлений», «механизм преступной деятельности (механизм преступления)», «типовая криминалистическая информационная модель преступления (преступной деятельности)» не содержат существенных отличий.

Кроме того, обратим внимание на общее предназначение рассматриваемых криминалистических категорий:

— средство познания криминалистической сущности деятельности по подготовке, совершению и сокрытию преступлений;

— информационная основа формирования частных криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений;

— информационная основа формулирования версий и организация расследования конкретного вида преступлений.

Таким образом, полагаем, что мнения об отказе от использования понятия «криминалистическая характеристика преступлений» преждевременны. Однако целесообразно продолжать исследовать ее типичные структурные элементы, выявлять имеющие криминалистическое значение признаки и свойства, знание о которых может быть применено в практической деятельности. Согласимся с позицией А. А. Бессонова о том, что в данном случае вполне применимо правило «Бритвы Оккама»: «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости» [23, с. 24]. Из чего вытекает ряд вопросов, который нам представляется дискуссионным: Нуждается ли криминалистическая наука в одновременном существовании нескольких, столь близких по смыслу понятий? Признать их синонимичными либо найти и обозначить грани, которые сделают их самостоятельными, различными криминалистическими категориями?

Данная статья не претендует на окончательное решение столь важного и сложного вопроса, а служит приглашением к дискуссии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Колесниченко. — Харьков, 1967. — 16 с.
2. Коновалова В. Е., Колесниченко А. Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики / В. Е. Коновалова, А. Н. Колесниченко // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. — М., 1984. — С. 7—16.
3. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. — М., 1999. — 718 с.
4. Советский энциклопедический словарь. — М., 1980. — 1629 с.
5. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / Н. П. Яблоков. — М., 2000. — 371 с.
6. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. — М., 2001. — 240 с.
7. Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) / Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов // Социалистическая законность. — 1987. — № 9. — С. 56—58.

8. Баев О. Я. И все же: реальность или иллюзия (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) / О. Я. Баев // Вестник криминалистики. — 2002. — Вып. 1. — С. 19—23.
9. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования / А. Ф. Лубин. — Н. Новгород, 1997. — 337 с.
10. Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: автореф. дис... д-ра юрид. наук / А. Ф. Лубин. — Н. Новгород, 1997. — 53 с.
11. Чельшьева О. В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика / О. В. Чельшьева // Вестник криминалистики. — М., 2004. — Вып. 2. — С. 11—17.
12. Чурилов С. Н. Криминалистическое понятие, ставшее неприемлемым. Вестник криминалистики / С. Н. Чурилов; Отв. ред. А. Г. Филиппов. — Вып. 3. — М., 2006. — С. 43—49.
13. Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая теория механизма преступления: моногр. / И. В. Веренич, А. М. Кустов, В. М. Прошин; Под науч. ред. А. М. Кустова, 2014. — 640 с.
14. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / Под ред. В. Я. Колдина. — М., 1989. — 184 с.
15. Ищенко И. П., Колдин В. Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования / И. П. Ищенко, В. Я. Колдин // Правоведение. — 2006. — № 6. — С. 128—144.
16. Кустов А. М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления / А. М. Кустов. — М., 1997. — 227 с.
17. Кустов А. М. Криминалистическое учение о механизме преступления: автореф. дис... д-ра юрид. наук / А. М. Кустов. — М., 1997. — 35 с.
18. Баев О. Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы / О. Я. Баев // Вестник криминалистики. — 2000. — Вып. 1. — С. 5—15.
19. Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография / И. А. Возгрин. — СПб, 2003. — 475 с.
20. Криминалистика: учеб. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. — М., 2005. — 781 с.
21. Захаров Г. К. Три тезиса о криминалистической характеристике преступления. Вестник криминалистики / Г. К. Захаров; Отв. ред. А. Г. Филиппов. — М., 2006. — Вып. 3. — С. 37—42.
22. Подольный Н. А. Криминалистическая характеристика преступлений и корреляционные связи между ее элементами / Н. А. Подольный // Следователь. — 2009. — № 1. — С. 31—34.
23. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений: моногр. / А. А. Бессонов. — М., 2016. — 251 с.

УДК 343.985

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10042

Елена Игоревна Третьякова,

доцент кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент;

Ольга Викторовна Трубкина,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Иркутского института (филиала)

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России)

кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Аннотация. Состав мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) имеет семилетнюю историю существования. Но уже этот непродолжительный период времени позволяет оценить эффективность ее применения. О том, что процесс правоприменения был затруднен, свидетельствует скорое ее изменение. Но и сегодняшняя конструкция статьи 159.3 УК РФ не избавила органы предварительного расследования от трудностей, которые возникают в процессе доказывания. В настоящей статье авторы постарались на основе правоприменительной практики определить основные проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа и предложить пути их устранения.

Ключевые слова: мошенничество, электронные средства платежа, мошенничество с использованием электронных средств платежа, расследование, проблемы расследования.

Elena Igorevna Tretyakova,

Associate Professor of the Department of Criminalistics

of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia

Candidate of Law, Associate Professor;

Olga Viktorovna Trubkina,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

of the Irkutsk Institute (branch)

of the All-Russian State University of Justice

Candidate of Law, Associate Professor

LEGAL PROBLEMS OF THE FRAUD INVESTIGATION USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT

Abstract. Corpus delicti using electronic payment means (article 159.3 of the criminal code of the Russian Federation) has a seven-year history. But this short period allows us to evaluate the effectiveness of its application. The rapidly

changing of the process of law enforcement demonstrates that this process was difficult. But even today's article 159.3 of the criminal code of the Russian Federation has not spared the preliminary investigation bodies from the difficulties that arise in the process of proving. In this article, the authors have tried to determine the main problems of investigation of fraud using electronic means of payment based on law enforcement practice and suggest ways to eliminate them.

Keywords: fraud, electronic means of payment, fraud using electronic means of payment, investigation, investigation problems.

Электронная система расчетов становится в центре финансового обращения. Свое преимущество она очередной раз доказала в период возникшей в мире пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В период самоизоляции электронная система расчетов позволяла гражданам получать заработную плату, государственные выплаты, осуществлять различные платежи, приобретать товары через Интернет и осуществлять другие финансовые операции.

При всем разнообразии достоинств электронных денежных средств имеется весьма существенный недостаток — это отсутствие должной системы защиты, что делает их уязвимыми перед преступными посягательствами.

Уголовно-правовая охрана собственности граждан от хищений с использованием электронных средств платежа осуществляется посредством, прежде всего, ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа» и с недавнего времени ст. 158 ч. 3 пп. «г» «Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3)». Подобные законодательные нововведения определили возникновение, как в научной среде, так и у правоприменителей, большого количества вопросов, которые до настоящего времени так и остаются без ответов. В этой связи совершенно уместно рассмотреть некоторые правовые проблемы расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Распространенность мошенничества приобретает угрожающие масштабы. Так, за период всего 2019 г. было зарегистрировано 16 119 мошенничеств с использованием электронных средств платежа, а за 4 месяца 2020 г. (январь — апрель) уже половина прошлогоднего показателя — 8547 таких преступлений. При этом процент раскрываемости не достигает и 50 %, а процент привлеченных к уголовной ответственности лиц — и того меньше. Естественно, данная ситуация отчасти связана с «молодостью» рассматриваемой нормы и только формирующейся научно-обоснованной методикой расследования данного преступления.

Вопросы структуры частной криминалистической методики расследования преступления не раз подвергались научным обсуждениям [1, 2], в результате чего происходило ее расширение или же, наоборот, — сужение.

Современные научные исследования [3, 4, 5] представляют структуру частной методики следующего содержания:

- криминалистическая характеристика преступления;
- организация расследования преступления (особенности возбуждения уголовного дела, типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования, алгоритм деятельности следователя);
- тактика производства отдельных следственных действий (первоначальных, последующих).

Все эти элементы частной методики расследования преступления в конечном итоге направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию и перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

Основными из указанных в ст. 73 УПК РФ обстоятельствами являются обстоятельства, характеризующие преступное событие, т. е., в чем выражались действия преступника. Проблемы установления данного обстоятельства связаны с конструкцией рассматриваемого состава преступления.

Деяние рассматриваемого состава преступления выражается в совершении мошенничества, при этом в отличие от других составов мошенничества, в которых в диспозиции прямо указывается на признаки преступления, подлежащие установлению следователем в ходе предварительного расследования, в данной диспозиции такого описания нет.

В этой связи существенным подспорьем в определении признаков состава преступления выступают нормы постановления Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором говорится, что: действия лица следует квалифицировать по статье 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Казалось бы, в указанном постановлении Пленума достаточно четко определены действия, образующие состав преступления. Однако не все так просто. В 2018 г. рассматриваемая норма подверглась изменению и, во-первых, платежная карта, как средство совершения преступления, заменена на электронное средство платежа, что значительно расширило пределы действия рассматриваемой нормы, однако только в теории и, во-вторых, ст. 158 УК РФ дополнена подпунктом «г», который предусматривает ответственность за совершение тайного хищения чужого имущества с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3), что образует конкуренцию рассматриваемых норм.

В этой связи постановление Пленума содержит указание: если же лицо похитило денежные средства, воспользовавшись персональными данными владельца платежной карты (пин-кодом), то действия преступника должны быть квалифицированы как кража.

Как квалификация происходит в судебно-следственной практике?

Так, гр. Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах: гр. Б. показал, что в ночь с 28 на 29 июня 2019 г. проходил рядом с домом Потерпевшего № 1 и увидел у него мотороллер. Подойдя ближе к мотороллеру, он увидел ключи в замке зажигания и решил прокатиться на нем. Доехав до кафе «Вегас», он оставил мотороллер на стоянке и зашел в кафе, где пробыл какое-то время и решил ехать домой. Пока он ехал домой, мотороллер начал глохнуть, поэтому гр. Б. остановился у заправки и решил посмотреть, что есть в бардачке. В нем он обнаружил портмоне черного цвета, в котором лежала банковская карта «И» на имя ***1 А. А. Гр. Б. знал на ней пин-код, т. к. ранее, когда с ***1 А. А. употребляли спиртные напитки, последний отправлял его в магазин и давал ему эту карту, говоря пин-код. Поэтому гр. Б. заехал на заправку, где заправил мотороллер, используя карту ***1 А. А. Сначала в первый раз он заправил мотороллер на 2 л примерно на 80 руб. и при оплате понял, что на ней есть денежные средства, которые можно потратить в своих целях. В связи с этим он поехал дальше в центр *** и решил приобрести спиртное, заехал в кафе «...» в ***, где и стал употреблять спиртное. При этом расплачивался карточкой, принадлежащей ***1 А. А. На данную карту он совершил около семь или восемь покупок пива, покупал только себе и только пиво, пока на ней не закончились деньги. Последний платеж им был совершен около 06.00 часов 29.06.2019. После этого карту он положил обратно в бумажник в бардачок мотороллера.

Или же, гр. М. совершил кражу, т. е. тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину (пп. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ), с банковского счета, при следующих обстоятельствах: 28.07.2019 гр. М., имея единый продолжаемый умысел, направленный на тайное хищение денежных средств, действуя из корыстных побуждений, используя принадлежащую ФИО6 банковскую карту ПАО «Сбербанк» № с бесконтактной технологией оплаты, оплатил покупки с банковского счета № указанной банковской карты в магазинах «Пятерочка», «М-стиль» и др. на общую сумму 12 263 руб. 99 коп., распорядился ими по своему усмотрению, чем причинил потерпевшему значительный ущерб на указанную сумму.

Одинаковые по объективной стороне деяния квалифицированы по-разному. Подобное разнообразие правоприменительной практики рассматриваемого состава преступления свидетельствует об отсутствии единого пони-

мания признаков данного преступления. В первом случае суд признал наличие обмана в действиях подсудимого, а во втором — его отсутствие. А какая же на самом деле правильная квалификация рассматриваемого деяния?

Данная проблема широко освещена специалистами в области уголовного права. Однако и там единого мнения по данному вопросу не сформировано. Так, одна группа специалистов настаивает на наличии в действиях преступника пассивного обмана работника торговой организации [6, 7] другая — на отсутствии в действиях преступника обмана, только потому, что обман в традиционной его форме должен быть направлен на собственника имущества, а не на третье лицо и к тому же операторы по переводу денежных средств не обязаны проверять законность правообладания платежным средством [8, 9, 10, 11, 12].

Скорее всего, получить ответ на вопрос, следует ли в рассматриваемом составе преступления понимать обман в общепринятом уголовно-правовом смысле и может ли он быть направлен на третье лицо, на уровне научных исследований вряд ли получится, здесь требуются более подробные законодательные разъяснения и изменения.

Однако пока их нет, расследование рассматриваемого преступления значительно осложнено. Наблюдается формализм в установлении обмана как признака преступного деяния. Так, в обвинительных заключениях по статье 159.3 УК РФ используются следующие формулировки: «выдавая себя владельцем указанной карты, при оплате товара предъявил работнику магазина; совершил хищение путем обмана при этом представителей торговых организаций, применяющих для безналичных расчетов электронные терминалы, путем умолчания о незаконном владении платежных карт при предъявлении этих карт, якобы принадлежащих ему на законных основаниях». При этом не многим отличаются формулировки и при краже: «завладев указанной банковской картой, ... в продолжение своих действий, направленных на тайное хищение денежных средств с банковского счета №, с корыстной целью тайно похитил денежные средства в сумме ..., путем предъявления указанной банковской карты для оплаты товаров в кинотеатре. Вместе с тем во всех случаях преступник предъявил электронное средство платежа третьему лицу, а следовательно, по умолчанию использовал пассивную форму обмана. Но при этом квалификация разная. Такая ситуация стала возможной из-за казуистичности рассматриваемых уголовных норм.

Таким образом, правоприменительная практика, свидетельствует о наличии правовых проблем расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа, которые возникают в связи с противоречивой конструкцией состава преступления и отсутствия в ее содержании полного раскрытия всех признаков.

В связи с этим, невзирая на существующую, хоть и не продолжительную судебную практику, окончательно сформировать научно-обоснованную

методику расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа затруднительно, поскольку ее обогащение должно происходить за счет единой, с точки зрения понимания состава преступления, правоприменительной практики.

В этой связи для эффективности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа требуется целенаправленное совершенствование норм уголовного законодательства в этой части.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Голунский С. А., Шавер Б. М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / С. А. Голунский, Б. М. Шавер. — М., 1939. — 372 с.
2. Абрамин В. Н. Общие положения криминалистической методики / В. Н. Абрамин. — М.: Воен. ин-т, 1983. — С. 12, 13.
3. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук / Э. Д. Нугаева. — Уфа, 2018. — 269 с.
4. Малянова К. П. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук / К. П. Малянова. — Ростов н/Д., 2018. — 264 с.
5. Бодунова К. Г. Расследование мошенничества при получении выплат в форме субсидий в сфере малого и среднего предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук / К. Г. Бодунова. — М., 2020. — 255 с.
6. Яни П. С. Специальные виды мошенничества / П. С. Яни // Законность. — 2015. — № 5. — С. 42—46.
7. Степанов М. В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159.1—159.6 УК РФ: метод. рек. / М. В. Степанов. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. — 23 с.
8. Складов С. В. К вопросу о конкуренции норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, и мошенничество с использованием электронных средств платежа / С. В. Складов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 4 (72). — С. 17—22.
9. Боровых Л. В., Корепанова Л. А. Проблема квалификации хищения с использованием банковских карт / Л. В. Боровых, Л. А. Корепанова // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 82—87.
10. Тимошин Н. В. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: рекомендации по применению / Н. В. Тимошин // Уголовный процесс. — 2013. — № 1. — С. 10—15.
11. Саблина Т. И., Никитенко И. В. Мошенничество с использованием платежных карт: вопросы теории, законодательства и практики его применения / Т. И. Саблина, И. В. Никитенко // Молодой ученый. — 2017. — № 48 (182). — С. 274—276. [Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/archive/182/46757/> (дата обращения: 20.06.2020).
12. Лихолетов А. О. Проблемы разграничения мошенничества / А. О. Лихолетов // Российская юстиция. — 2017. — № 6. — С. 35—37.

УДК 343.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10043

Алексей Константинович Шеметов,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Екатеринбургского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации;

Виталий Федорович Васюков,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (Университет);
профессор кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
доктор юридических наук, доцент

О РОЛИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАЗОБЛАЧЕНИИ ИНСЦЕНИРОВОК САМОУБИЙСТВ

Аннотация: Разоблачение инсценировок преступлений всегда занимало умы ученых и практиков. Высокий интерес названной тематики обуславливается как практической, так и теоретической значимостью самой указанной категории криминалистических знаний, особой сложностью разоблачения, выявления ее признаков в проблемных условиях острого дефицита сведений о произошедшем событии. Путем инсценировки могут скрываться различные интересующие следователя обстоятельства. Зачастую субъекты преступления стараются завуалировать действительный характер преступного деяния. Все это делает актуальной выявление инсценировок уже на самой ранней стадии расследования уголовного дела. А эффективная деятельность в этом направлении способствует повышению результативности уголовного судопроизводства, соблюдению кратчайших сроков установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Основные признаки инсценировок кроются в материальных отображениях выполняемых действий, сохраняются на объективных носителях, исследование которых реализуется в рамках производства осмотра места происшествия и объектов, в нем располагающихся.

Ключевые слова: инсценировка самоубийства, расследование, следователь, осмотр места происшествия, противодействие расследованию.

Alexey Konstantinovich Shemetov,
senior lecturer of the Department of Criminalistics
of the Yekaterinburg branch of the Moscow Academy
of Investigative Committee of the Russia;

Vitaliy Fedorovich Vasyukov,

Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics
of the Moscow State Institute of International Relations (University);
Professor of the Department of Criminalistics
and preliminary investigation in internal affairs agencies
of the Oryol law Institute of the MIA of Russia
named after V. V. Lukyanov,
Doctor of Law, Associate Professor

ON THE ROLE OF CRIME SCENE SEARCH IN EXPOSING OF FAKING SUICIDES

Abstract. Exposing of faking crimes has always occupied the minds of scientists and practitioners.

The high interest of this topic is due to both the practical and theoretical significance of the specified category of forensic knowledge, the particular complexity of exposing, identifying its features in the problematic conditions of an acute shortage of information about the event. Various circumstances of interest to the investigator may be concealed by staging. Often, the subjects of the crime try to disguise the actual nature of the criminal act. All this makes it relevant to identify dramatizations at the earliest stage of the criminal investigation. And effective activities in this direction contribute to improving the effectiveness of criminal proceedings, compliance with the shortest possible time to establish all the circumstances to be proved.

The main signs of dramatizations are hidden in the material representations of various actions and are stored on objective media, the study of which is implemented as a part of crime scene search and objects located in it.

Keywords: faking suicide, investigation, investigator, examination of the scene, counteraction to the investigation

При проверке сообщений об обнаружении трупа в тех или иных условиях следователь зачастую сталкивается с необходимостью разрешения проблемных ситуаций. Несомненно, этому способствует ряд объективных факторов. В подавляющем большинстве случаев убийства совершаются в условиях неочевидности, а возможные очевидцы произошедшего при их наличии сами оказываются вовлеченными в процесс наступления смерти потерпевшего. Все это ведет к острому дефициту исходных данных о характере события, участвующих в нем лицах и иных элементах, а основным источником информации становится объективная обстановка, в которой и произошла гибель потерпевшего.

Сложные ситуации названного толка формируются в том числе и в условиях сообщения о самоубийстве потерпевшего, труп которого обнаружен

родственниками или сторонними лицами. В указанных условиях следователь всегда, даже при кажущихся ему очевидными признаках самостоятельного лишения себя жизни самым потерпевшим, должен выдвигать контрверсию о том, что имело место умышленное лишение жизни жертвы, замаскированное под суицид.

По данным некоторых исследователей, лишь в 14 % случаев субъекты преступлений прибегают к инсценировкам [1, с. 51]. В такие цифры верится с трудом. Во-первых, деятельность подобного рода носит латентный характер, а успешно проведенные операции так и не попадают в статистику. Во-вторых, в аналогичные показатели, вероятно, включаются все разнообразные способы противодействия расследованию, богатый арсенал которых не позволяет использовать эти обобщения.

Вопросу разоблачения инсценировок самоубийств в криминалистической литературе давно уделялось значительное внимание. Вопросам разоблачения инсценировок были посвящены труды В. П. Бахина, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгрина, В. К. Гавло, В. Н. Карагодина, И. М. Лузгина, Г. Н. Мудьюгина, В. А. Образцова, В. А. Овечкина и др.

Несмотря на столь серьезную проработку рассматриваемой тематики, разоблачение инсценировок самоубийств до сих пор вызывает серьезные трудности. Во многом это обуславливается неготовностью некоторых следователей к ретроспективному анализу произошедшего события, моделированию в условиях осматриваемой обстановки тех событий, которые могли привести к гибели потерпевшего, способностям выдвижения и проверки версий в тех условиях, где происходили интересующие следователя события.

Значительное количество выводов может быть сделано из анализа самой обстановки места, которое выбрал для себя самоубийца. Вполне традиционным считается выполнение действий лицом в условиях, которые хорошо знакомы ему, являются привычной для него обстановкой. Данные об этих связях становятся известны следователю еще из первичного сообщения о месте, где обнаружен труп. Сведения об этом могут быть установлены также из показаний свидетелей, обнаруживших труп, характеризующих самого погибшего, проживающих в непосредственной близости с участком, где было найдено тело потерпевшего. Обстановка на месте гибели жертвы, содержание предполагаемых к выполнению действий также может указывать на знакомство с обстановкой самого потерпевшего, хорошую ориентацию в условиях, где производились операции по лишению себя жизни [2, с. 14].

Изучение объективных условий, самой структуры обстановки, в которой реализовывались акты, направленные на лишение жизни, позволяет ответить на вопрос об отсутствии или наличии возможности присутствия в этих условиях посторонних лиц, способных в разной степени участвовать в наступлении смерти потерпевшего. Например, наличие запорных устройств на дверном полотне, которые могли быть использованы лишь изнутри поме-

щения, ограничивает возможность участия в интересующем событии иных лиц, определяет характер действий самого суицидника.

В обстановке места произошедшего события часто находится и последнее обращение погибшего. В последнее время все чаще наблюдается отсутствие предсмертной записки либо оставление ее в электронном виде, передача посредством дистанционного общения. Особую распространенность такой способ передачи собственных мыслей находит в кругу несовершеннолетних, прибегающих к суициду. Возможен вариант и отложенной отправки таких сведений. В этих условиях в обстановке места обнаружения трупа данные о его отправки могут вовсе отсутствовать.

В случаях наличия на месте предполагаемого самоубийства предсмертного обращения оно подлежит детальному анализу. Для того чтобы положительно ответить на вопрос о наличии признаков суицида, требуется установить действительное авторство записей самому потерпевшему, отсутствие признаков воздействия на него со стороны сторонних лиц. Так, например, обращается внимание на используемые в письме обороты, словосочетания, которые могут быть нехарактерными для самого погибшего, круга лиц, к которому он относится, несоответствие формулировок, используемых в записке, состоянию самоубийцы. Следует учитывать, что распространенным является излишняя эмоциональность обращения, использование в нем ярких, резких формулировок, обвинений конкретных лиц и иных признаков специфического психологического состояния автора письма.

На особое состояние самоубийцы может указывать и способ изготовления послания. Так, для наиболее эмоциональных авторов характерно изготовление таких обращений в значительном масштабе, с использованием собственной крови и т. д. Все это учитывается при проверке состояния, в котором находился погибший, возможности выполнения им указанных действий до приведения задуманного к логическому завершению.

Зачастую авторы посланий такого рода используют для изготовления предсмертной записки материалы и средства, отысканные ими на месте самоубийства. Следы подобных подготовительных манипуляций также подлежат моделированию и проверке возможности их выполнения самим потерпевшим.

Судебно-следственной практике известны случаи заблаговременной подготовки к самостоятельному лишению жизни, выполнения сложных предшествующих операций, значительного периода времени их осуществления. Но даже в этих случаях следы выполнения названных действий самим потерпевшим могут быть отысканы на месте происшествия.

При разоблачении инсценировок самоубийств при производстве осмотра места обнаружения трупа нельзя обойтись без моделирования предполагаемых действий, необходимых к выполнению со стороны суицидника. В проверяемые события должны включаться акты, предшествовавшие наступле-

нию смерти, включающие в себя основные действия, направленные на достижение состояния смерти, а также те из них, которые имели место быть после наступления смерти потерпевшего (например, действия сторонних лиц, обнаруживших труп потерпевшего).

В подготовительные действия, моделируемые следователем в условиях осматриваемой обстановки, включается не только лишь изготовление потерпевшим предсмертной записки, но и подыскание им требуемых материалов и средств, которые он использовал для самоубийства, орудий, применяемых им, перемещение предметов обстановки на нужные участки, взаимное использование их для подготовки к суициду и т. д.

Например, использование такого способа самоубийства как причинение себе огнестрельных ранений требует заблаговременного подыскания самого оружия, приведение его в состояние готовности к производству выстрела, в ряде ситуаций предполагает подбор дополнительных предметов, позволяющих причинить ранение самому себе и т. д. Использования в качестве суицида самоповешения предполагает необходимость поиска материала петли, её монтаж на возвышенных конструкциях, иные дополнительные действия облегчающие реализацию самоубийства. Самостоятельное падение с высоты требует от суицидника выполнения действий, направленных на размещение его на значительной высоте, преодоления для этого оградительных конструкций, использования дополнительных приспособлений и др.

При этом следует учитывать способности выполняющего названные акты субъекта, его особое психоэмоциональное состояние, условия, в которых он реализует названные операции.

В ряде ситуаций выполнение этих действий обусловливается физической развитостью потерпевшего, его несовершеннолетним (пожилым) возрастом, особенностями его психики и т. д.

Сами акты, направленные на лишение себя жизни, также обусловлены избранным потерпевшим способом самоубийства, имеющимися у него средствами достижения цели, свойствами личности суицидника и другими факторами.

Модели указанных действий должны учитывать названные обстоятельства, подталкивать к выдвижению следователем конкретных предположений о вероятных следах выполняемых действий, местах их обнаружения, взаимного расположения друг относительно друга, локализации на конкретных носителях, форме, размерах, агрегатном состоянии этих отображений.

В некоторых случаях в подобной деятельности помощь следователю могут оказывать сведущие лица, привлекаемые им в производство осмотра места происшествия и трупа, обнаруженного на нем. Так, судебный медик может оказать содействие в моделировании действий, следы которых остались в виде травм, ранений, следов выделений организма на теле потерпевшего, его одежде, предметах, располагающихся возле трупа.

Модели предполагаемых действий должны включать в себя не только характер производимых актов, но и их последовательность, используемые при этом предметы, способ обращения с ними и т. д.

Существенную помощь при этом должен оказывать и специалист в области криминалистики, также привлекаемый следователем при производстве указанного следственного действия.

Значительное количество авторов справедливо включает в признаки инсценировок наличие «негативных обстоятельств».

В «Руководстве для судебных следователей» Г. Гросса они определяются как «отрицательные данные». Чуть позже в учебной литературе неоднократно предпринимались попытки конкретизации названного понятия, определения роли этих «лишних предметов», «несообразности» с объемом выясняемых следователем сведений. В целом, не углубляясь в дискуссии подобного рода, следует согласиться с тем, что под негативными обстоятельствами должны пониматься обстоятельства, противоречащие представлению об обычном ходе и признаках события, сложившемуся на основе осмотра места происшествия [3, с. 16].

Отысканию при этом подлежат не только признаки, обычно характерные для самоубийства, но и свойственные избранному потерпевшим способу лишения себя жизни, характеру производимых им действий, обстановке, в которой они производились.

Поиск негативных отображений моделируемого события позволяет не только опровергать выдвинутое предположение, но и отыскивать следы выполнения инсценируемых действий на определенных объектах, выдвигать предположения о субъектах, прибегающих к подобному способу сокрытия преступления. Особую актуальность это приобретает в условиях разоблачения инсценировок, заранее не подготовленных субъектами их реализации. В этих условиях лицо, не имеющее возможности заранее планировать инсценируемые действия, вынуждено действовать ретроспективно, самостоятельно моделируя воссоздаваемое событие. Это подталкивает к значительному образованию противоречивых отражений, которые не могли образоваться в реальных условиях. Несколько сложнее обстоит ситуация в условиях выявления инсценировок планируемых заблаговременно. В данном случае все манипуляции заранее продумываются, подготавливаются субъектом преступления, включаются в подготовку к противоправным актам.

Негативные обстоятельства могут быть разделены на две самостоятельные группы. Первая из них связана с наличием на месте происшествия следов, которые не могли образоваться при моделируемом следователем событии самоубийства, вторая — с отсутствием необходимых при именно таком течении события следов произошедшего.

Так, например, обнаружение следов посмертного причинения повреждения в виде странгуляционной борозды, ее множественный характер свиде-

тельствует о сокрытии путем инсценировки убийства путем удушения, т. к. следы такого рода не могли образоваться при самостоятельном причинении смерти. Отсутствие же следов на поверхности площадки отталкивания, с которой совершил последний шаг потерпевший, также служит основанием для выдвижения версии об искусственно созданных условиях, наблюдаемых следователем.

Следует учитывать, что обнаружение негативных обстоятельств далеко не всегда опровергает событие целиком, противореча при этом лишь реализации отдельных актов. Стало быть, оценка факторов такого рода должна носить характер комплексного анализа, в который включаются не только названные противоречия, но и установленные следователем реальные фактические данные [4, с. 118].

Разоблачение инсценировок самоубийств предполагает выдвижение конкретных предположений о том, в чем заключались действия самого субъекта, пытающегося завуалировать действительный характер произошедшего события.

Действия такого рода могут быть разнообразными. Так, зачастую в целях инсценировки уничтожаются следы, предметы, меняется положение отдельных объектов (в том числе трупа), причиняются посмертные повреждения. Таким образом, деятельность следователя по разоблачению искусственно созданных условий может осуществляться в направлении поисков следов, отражающих такие действия.

При выдвижении версии об инсценировке обстановки места происшествия, утаивании или создании с этой целью следов события должны выясняться предполагаемые субъекты этих актов и мотивы, которые двигали ими.

Одновременно с этим следует помнить, что воздействие на материальные объекты может быть осуществлено не только действиями отдельных лиц, совершивших преступное деяние, но и силами природы, а также действиями посторонних участников, которым ничего не известно о преступлении либо о действиях, его скрывающих, и такое воздействие, хотя и может создавать искусственную систему, несущую недостоверную информацию о происшедшем, но в данном случае не может являться инсценировкой в криминальном смысле [5, с. 85]. Таким образом, неотъемлемым признаком, отделяющим инсценировку от других случаев воздействия на материальные объекты, является мотив и цель заинтересованного лица.

Версии о личности субъектов инсценировки могут отталкиваться от типичных представлений о том, что к сокрытию такого рода обычно прибегают лица, хорошо знакомые с потерпевшим, близкие, родственники погибшего. Учитывая известные данные об этих лицах, конкретизируются модели, составляемые следователем, реализация которых могла привести к образованию обнаруженных следов [6, с. 45].

Данные об участии в этом виде деятельности определенных лиц могут быть получены в ходе оперативно-розыскных действий, проводимых по поручению следователя в момент производства осмотра места происшествия.

Указанная версионная деятельность проверяется при исследовании объективной обстановки осматриваемого места обнаружения трупа, отдельных объектов, имеющих там.

Таким образом, деятельность следователя на месте происшествия при изобличении инсценировки самоубийства обладает серьезной спецификой. При этом требуется учитывать всю совокупность не только выявленных при исследовании объективной обстановки следов события, произошедшего в этих условиях, но и тех отражений, которые должны были остаться при выполнении действий, приведших к наступлению смерти потерпевшего. Одновременно учитывается особое психоэмоциональное состояние погибшего, порой серьезно усложняющее объем и содержание выполняемых операций. Не стоит забывать и о том, что предположения такого рода не ограничиваются только лишь поиском подтверждающих или опровергающих его обстоятельств, но и версиями о том, кто и с какой целью скрывал действительные обстоятельства наступления смерти потерпевшего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Малышкин П. В. Вопросы детерминации преступных инсценировок / П. В. Малышкин // Следователь. — 2009. — № 3. — С. 50—53.
2. Мошкин С. В. Понятие инсценировки в криминалистике / С. В. Мошкин // Роль науки в развитии общества. — 2014. — № 10. — С. 11—17.
3. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной и судебной практике / Р. С. Белкин. — М., 1964. — 223 с.
4. Луценко О. А. Значение негативных обстоятельств в расследовании преступлений / О. А. Луценко // Науки и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 12 (79). — С. 116—119.
5. Федотенков Д. Г. Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений / Д. Г. Федотенков // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. — Чита: Мол. учен, 2014. — С. 83—86.
6. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. — Свердловск: Издательство Уральского университета, 1992. — 175 с.

УДК 343.985.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10044

Инна Александровна Яцкина,

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОПАГАНДОЙ ЭКСТРЕМИЗМА, И ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ ИХ РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В работе с позиций криминалистического научного инструментария рассмотрена сущность преступлений, связанных с пропагандой экстремизма. Автор полагает, что они выступают своеобразным идеологическим «локомотивом», создавая деструктивную атмосферу среди самых различных слоев населения путем средств манипулятивного психологического воздействия. Их массовое совершение закономерно способствует нарастанию в обществе социальной напряженности, активизации различных неформальных течений, молодежных субкультур, враждебно настроенных по отношению к представителям иных социальных групп. Учитывая, что именно доказывание экстремистских побуждений вызывает немало вопросов на практике, автор рассматривает особенности производства отдельных следственных действий (осмотра, освидетельствования, обыска и выемки) с учетом данной проблемы и представляет соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская идеология, преступность, преступления экстремистской направленности, пропаганда, экстремистские побуждения, мотивы, ненависть и вражда, расследование, следственные действия, предметы, документы, личность.

Inna Alexandrovna Yatskina,

adjunct of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

CRIMINALISTIC NATURE OF CRIMES RELATED TO EXTREMIST PROPAGANDA AND FEATURES OF VARIOUS INVESTIGATIVE ACTIONS DURING THE INVESTIGATION

Abstract. In this work, the essence of crimes related to the promotion of extremism is considered from the standpoint of forensic scientific tools. The author believes that they act as a kind of ideological "engine", creating a destructive atmosphere among various segments of the population by means of manipulative psychological influence. Their mass commission naturally contributes to the growth of social tension in society, the activation of various informal movements, youth subcultures that are hostile to representatives of other social groups. Given

that it is the proof of extremist motives that raises many questions in practice, the author considers the specifics of the production of individual investigative actions (inspection, examination, search and seizure) taking into account this problem and provides appropriate recommendations.

Keywords: extremism, extremist ideology, crime, crimes of extremist orientation, propaganda, extremist motives, motives, hatred and hostility, investigation, investigative actions, objects, documents, personality.

Разнообразие преступлений экстремистской направленности как закономерное следствие многоаспектного деструктивного явления экстремизма формирует потребность в их систематизации. На основе изучения научной литературы, отражающей сущность экстремизма [1, с. 3—9; 2, с. 40—45; 3, с. 115—118; 4, с. 94—97; 5, с. 151—154], а также проведенного автором эмпирического анализа преступлений указанной категории, представляется целесообразным поддержать идею о разработке их криминалистической классификации [6, с. 31—35; 7, с. 5—10], которая, в свою очередь, выступает методологической предпосылкой для разработки частных криминалистических методик [8, с. 3—10; 9, с. 17—23], максимально точно ориентированных на учет криминалистически значимых особенностей конкретной группы деяний. Дифференцируя экстремистские деяния по различным криминалистически значимым элементам, влияющим на формирование механизма преступления, исследовательский интерес автора привлекла группа деяний, связанных с пропагандой экстремизма. К таким деяниям мы склонны относить, прежде всего, преступления, предусмотренные ст.ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 280.1 УК РФ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства). Сущность этих деяний проявляется в том, что, отражая с различной степенью интенсивности популяризацию (распространение) экстремистской идеологии, расширяя географию ее влияния на население, находя новых последователей, казалось бы, сами по себе такие действия не являют собой насильственные акции. Однако именно они выступают их своеобразным идеологическим «локомотивом», создавая деструктивную и нездоровую атмосферу среди самых различных слоев населения, путем средств манипулятивного психологического воздействия (а именно подмены и искажения базовых моральных ценностей под видом «просвещения», нахождения «истинной сущности», характерной эмоционально-насыщенной подачи такой информации, рассчитанной на обязательный психологический «отклик» и т. д.). Именно массовое совершение подобных деяний закономерно способствует такому эффекту, как нарастание в обществе социальной напряженности [10, с. 59—63], активизация различных неформальных течений, молодежных суб-

культур, враждебно настроенных по отношению к представителям иных социальных групп, субъективно определяемых ими как «источник всего социального зла», «корень всех бед», либо по иным причинам заслуживающих всяческого порицания: от ограничения прав «на законодательном уровне» либо депортации из России до физического истребления. В наиболее жесткой форме такие деяния содержат призывы к государственному перевороту, насильственной смене государственного строя, террору в отношении высших должностных лиц государственно-властных органов и т. д. Проведенный нами эмпирический анализ позволил не только увидеть специфическую криминалистическую сущность деяний, связанных с пропагандой экстремизма, но и проследить влияние данных деяний на сознание лиц, поддавшихся влиянию активистов, совершающих непосредственные нападения на представителей «презираемой» социальной группы. А именно: материалы уголовных дел о преступлениях, носящих групповой и серийный характер, позволяют проанализировать путь прихода обвиняемых к экстремистским убеждениям под влиянием так называемых агитаторов, которые в дальнейшем проявились в реальных нападениях на представителей «презираемой группы» с причинением вреда здоровью различной степени тяжести, вплоть до убийства.

С другой стороны, привлекаемые к ответственности лица, зачастую не отрицая факта совершения насильственных действий (особенно если они были задержаны на месте происшествия либо в непосредственной близости от него с характерными следами преступления), пытаются убедить следствие и суд в отсутствии у них экстремистских побуждений, в совершении насилия на почве бытового конфликта, а то и защиты якобы от неправомерных действий пострадавших. Например, Ф., испытывая ненависть и вражду к лицам кавказской национальности и выражая через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» призывы к осуществлению экстремистской деятельности, разработал схему по завлечению потенциальных жертв для последующей физической расправы с ними. Ключевой особенностью такой схемы явилась публикация объявления о предоставлении сексуальных услуг лицам кавказской национальности от имени несовершеннолетней соучастницы (указав ее телефон). Откликнувшихся на такое объявление ожидала, кроме выступившей в качестве «приманки» соучастницы, группа агрессивно настроенных вооруженных лиц, внезапно набрасывающихся на жертву. Таким образом, соучастники совершили серию аналогичных деяний, один из пострадавших молодых людей был убит, иным — причинен вред здоровью различной степени тяжести. Не отрицая факты конфликта и драк с пострадавшими, соучастники пытались выдавать себя в качестве «защитников половой неприкосновенности несовершеннолетней»¹.

¹ Апелляционное определение по уголовному делу № 50-АПУ19-7 от 29.10.2019. Верховный суд Российской Федерации.

Таким образом, в подобных ситуациях можно говорить не только о самих по себе агитационно-пропагандистских преступлениях экстремистской направленности, но и о наступивших в связи с ними тяжких последствиях. Но доказывание наличия в действиях обвиняемых наличия пропаганды экстремизма есть тщательный и кропотливый труд следователя во взаимодействии с оперативными подразделениями, требующий не только хорошего знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и тактически обоснованного выбора и применения криминалистических приемов и рекомендаций в ходе осуществления отдельных следственных действий и тактических операций.

Традиционно одним из информативных следственных действий по делам о рассматриваемых категориях преступлений выступает осмотр, обладающий определенной спецификой. Типичными видами осмотра по делам о преступлениях, связанных с пропагандой экстремизма, должны выступать:

— осмотр места происшествия (которым могут являться: места проведения агитации в виде непосредственного выражения публичных призывов, тематических шоу-мероприятий, открытых митингов или пикетов либо подпольных собраний, мест репетиций экстремистских акций);

— осмотр жилища лиц, участвовавших в проведении мероприятий по пропаганде экстремизма;

— смотр предметов и (или) документов:

а) изъятого компьютерного средства, содержащего в своей памяти виртуальные следы подготовки (создания, редактирования, копирования с экстремистских сайтов, рассылки реальным или потенциальным последователям) текстовых, наглядно-изобразительных (фотоснимков, рисунков, схем), видеоматериалов экстремистского содержания;

б) изъятого средства копировально-множительной техники, использованного для изготовления и тиражирования экстремистских материалов, предназначенных для распространения и пропаганды;

в) тематических сайтов или отдельных страниц пользователей, содержащих экстремистские материалы;

г) скриншотов страниц пользователей в социальных сетях, их переписки;

д) материалов, полученных в результате проведения следственных действий и (или) оперативно-розыскных мероприятий по контролю телекоммуникационных контактов, непосредственному наблюдению с использованием технических средств, обследованию компьютерных средств, оперативному эксперименту (в виде электронных носителей аудиоинформации, а также стенограмм их расшифровки). При этом, если осматриваются материалы, полученные в результате следственных действий, то такой осмотр выступает обособленным этапом проведения соответствующего следственного действия (ст.ст. 186, 186.1 УК РФ);

е) предметов непосредственной наглядной агитации: листовок, журналов, газет, книг, различных предметов, указывающих на символическую принадлежность к характерной субкультуре (от одежды до специфических талисманов), предметов, предназначенных для использования в качестве оружия, иных предметов, использованных в процессе проведения агитационных мероприятий.

Существенным ресурсом для формирования доказательственной информации выступает освидетельствование активистов и членов экстремистских формирований, имеющих на теле характерную символику (в виде татуировок, сакральных амулетов, украшений, носильных вещей, прочих сопутствующих предметов) в соответствии со ст. 179 УПК РФ. Учитывая некоторые несовершенства при регламентации ст. 179 УПК РФ, обладающие потенциальной конфликтогенностью ситуации (в части участия в проведении этого следственного действия следователя, врача и (или) иного специалиста, а также понятых), необходимо, планируя это следственное действия на основе имеющейся исходной информации, диагностировать цель данного следственного действия, наиболее вероятную локализацию на теле человека следов и иных свойств и признаков, имеющих значение для расследования.

Напомним, что, согласно положениям ст. 179 УПК РФ, при производстве освидетельствования лицом другого пола по отношению к следователю, если освидетельствование связано с обнажением, следователь не присутствует, а освидетельствование производит врач. При этом участие понятых не требуется (но и не исключается полностью, если следователь примет решение о необходимости их присутствия). Также, если освидетельствование сопровождается обнажением, то фото-, видеосъемка может проводиться только с согласия освидетельствуемого лица.

Однако врач, хотя и является незаинтересованным лицом в результатах расследования, тем не менее, не застрахован от попыток освидетельствуемого вступить с ним в неделовой контакт. К тому же врач, который, исходя из буквального прочтения указанной нормы, должен проводить это следственное действие в полном объеме (а не только его рабочий этап), не является специалистом именно в сфере производства процессуальных действий.

Более того, не всегда обнажение связано с поиском на теле человека каких-либо анатомических особенностей. Иногда значимость приобретают, например, не столько наличие татуировок или иных нанесенных изображений как таковых, а их конкретное описание и значение (в том числе сакральный смысл), которые позволяют установить и процессуально зафиксировать не только приверженность освидетельствуемого к определенному неформальному течению, но и его роль в данной группе, а также иные значимые обстоятельства. Поэтому, помимо врача, не меньшую значимость может приобретать участие других специалистов (философов, историков, культурологов, этнографов и т. д.).

Учитывая вышеизложенное, выразим следующую рекомендацию. Если освидетельствование гипотетически может потребовать обнажения лица, то представляется, что необходимо изначально не перекладывать проведение этого следственного действия на врача, а поручить субъекту расследования одного пола с освидетельствуемым (входящему в состав следственной группы либо действующему в соответствии с отдельным поручением). Если изначально следственная группа не предусматривала лиц соответствующего пола, то руководитель следственного органа, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, вправе изменить состав такой группы либо передать уголовное дело другому следователю, а равно принять дело к своему производству. Кроме того, традиционно за следователем сохранены полномочия по даче органам дознания отдельных поручений о производстве отдельных следственных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Помимо врача, необходимо приглашать для участия в освидетельствовании и других компетентных специалистов, а также понятых, разумеется, — с соблюдением процессуальных гарантий половой неприкосновенности личности. Лицу целесообразно предложить фото- и видеосъемку данного следственного действия, приняв необходимые меры по соблюдению принципа уважения чести и достоинства личности, минимизирующего доступ участников уголовного судопроизводства к подобным материалам по морально-этическим соображениям, а также визуальной фиксации лишь той информации, которая имеет непосредственное значение для доказывания.

Говоря о предметах и документах как носителях доказательственной информации, отметим поливариантность источников их поступления в распоряжение следователя: результаты оперативно-розыскной деятельности, материалы, изъятые в ходе предварительной проверки в соответствии со ст. 144 УПК РФ, обыск, выемка. Отмечая соответствие производства обыска и выемки по делам о преступлениях обозначенной категории уголовно-процессуальным и нормам и общим криминалистическим рекомендациям [11, с. 16–21], напомним, что традиционно выбор между обыском и выемкой зависит от степени информационной определенности и конфликтности текущей следственной ситуации.

Поскольку проведение выемки, в сравнении с обыском, отличается большей процессуальной и тактической экономией, то выбор этого следственного действия актуален для ситуаций, характеризующихся полной известностью относительно:

- конкретного наименования и свойств предметов и документов, необходимых для доказывания;
- их местонахождения не только по конкретному адресу, но и в строго определенном месте в ведении конкретных лиц;
- присутствия на месте проведения выемки лица, в ведении которого имеются необходимые для расследования предметы и документы;

— исключения либо крайне низкой вероятности экстренного возникновения ситуации противодействия расследованию либо иных обстоятельств, требующих поисковых действий (перехода информационно определенной и бесконфликтной следственной ситуации в информационно неопределенную и (или) в конфликтную ситуацию).

Практически изъятие указанных материалов путем выемки возможно в отношении:

— свидетелей: очевидцев экстремистских акций, готовых добровольно предоставить в распоряжение следственных органов экстремистские материалы, полученные у активистов; пользователей социальных сетей, наблюдавших признаки экстремистской пропаганды; сотрудников правоохранительных органов, осуществлявших пресечение и раскрытие данных деяний в оперативно-розыскном либо административно-правовом режиме;

— потерпевших (представителей социальных групп, в отношении которых подозреваемыми или обвиняемыми выражается агрессия на почве экстремистских побуждений);

— подозреваемых, обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве либо добровольно ставших на путь содействия следствию в раскрытии преступления.

Соответственно, выбор обыска оптимален при отсутствии перечисленных выше условий:

— наличии лиц, скрывающихся от расследования и (или) утаивающих значимые для расследования предметы и (или) документы, орудия и средства преступления, а равно намеревающиеся их уничтожить;

— наличие лишь обоснованных данных (а не исчерпывающе точной информации) о местонахождении необходимых объектов;

— наличие информации о высокой вероятности оказания сопротивления следственно-оперативной группе.

С другой стороны, оба следственных действия, а не только обыск, могут осуществляться с учетом фактора внезапности, если этого требуют условия ситуации. Например, свидетелей по определенным причинам тактического характера иногда целесообразно оставлять вне ведения относительно планируемых мероприятий (в том числе выемки), во избежание нежелательного случайного или целенаправленного информирования ими либо членами их семьи лиц, интересы которых противоречат интересам расследования.

В иных случаях предварительное сообщение о месте и времени проведения выемки или обыска (в сочетании с оперативным наблюдением) могут послужить элементом тактической операции, побуждающей лиц, осуществляющих явное или скрытое противодействие расследованию, активизировать свою деятельность, чем проявить свои истинные намерения, позволив, таким образом, обнаружить ценную доказательственную информацию.

Кроме того, планируя и осуществляя обыск и выемку при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, следует учитывать их тактический потенциал в плане различной степени соотношения элементов деятельности, осуществляемой добровольно или принудительно. Оба следственных действия предусматривают сочетание добровольной и принудительной деятельности. Добровольный характер, как при обыске, так и при выемке, присущ инициативной выдаче предметов, документов, орудий и средств преступлений, т. е. непосредственно экстремистских материалов (листовок, плакатов, журналов, книг), электронных носителей соответствующей информации (смартфонов, компьютерных средств, съемных дисков) и т. д. Также элементы добровольно осуществляемых действий при обыске проявляются в свободном допуске членов следственно-оперативной группы владельцем помещения на данную территорию, открывании всех мест хранения, включая тайники, предоставлении для обозрения интернет-ресурсов, содержания электронной переписки и т. д. Это не требует, при наличии оснований доверять данному лицу, принудительного вскрытия всех хранилищ, а также обеспечения доступа к информации, находящейся на компьютерном средстве, оснащенном средствами защиты. С другой стороны, если есть основания полагать, что добровольная выдача искомых предметов (например, нескольких листовок) выступает средством сокрытия более тяжкого преступления (например, материалов, указывающих на организованный и серийный характер агитационной деятельности), то факт добровольной выдачи не связывает следователя либо дознавателя с обязательным отказом от дальнейших активных поисковых действий.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что сущность пропаганды экстремизма реализуется в соответствующей специфике производства следственных действий, выступающих процессуальными и тактическими средствами раскрытия и расследования указанных деяний, комплекс рекомендаций по совершенствованию которых был представлен в настоящей работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Головин А. Ю., Аристархова Т. А. Сущность экстремизма и особенности его проявления в молодежной среде / А. Ю. Головин, Т. А. Аристархова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2013. — № 3—2. — С. 3—9.
2. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3 (31). — С. 40—45.
3. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 8. — С. 115—118.

4. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Черные дыры в российском законодательстве. — 2015. — № 4. — С. 94—97.

5. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 2 (25). — С. 151—154.

6. Варданян А. В., Кулешов Р. В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Правовое государство: теория и практика. — 2015. — № 4 (42). — С. 31—35.

7. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Российский следователь. — 2015. — № 21. — С. 5—10.

8. Головин А. Ю. Проблемы и пути совершенствования методик расследования отдельных видов преступлений / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2014. — № 3—2. — С. 3—10.

9. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования / А. В. Варданян, О. В. Айвазова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 1—2. — С. 17—23.

10. Варданян А. В., Кулешов Р. В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности / А. В. Варданян, Р. В. Кулешов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 2 (25). — С. 59—63.

11. Варданян А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов / А. В. Варданян // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2019. — С. 16—21.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10045

Александра Алексеевна Емельянова,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических и научных кадров

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

К ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Аннотация. Частью уголовного судопроизводства является государственное принуждение, как неотъемлемый элемент обеспечения эффективного производства по уголовному делу. Особо остро перед государством в этой связи встает вопрос о должном обеспечении прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступных деяний. Количество совершенных несовершеннолетними лицами преступлений за последние несколько лет сократилось, однако данный социальный фактор, несомненно, был и остается основной проблемой как для российского государства, так и для мирового сообщества. Контингент несовершеннолетних бывает разный, они могут совершать преступления от менее тяжких до особо тяжких. Следовательно, дознавателю необходимо тщательным образом подходить к вопросам, связанным с принятием процессуальных решений, особенно, когда их предстоит принимать на этапе избрания конкретной меры уголовно-процессуального принуждения по каждому отдельно взятому уголовному делу. Наиболее ответственно с точки зрения избрания мер пресечения должностными лицами, ведущими предварительное расследование, стоит подходить при избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу. Её избрание и дальнейшее применение таит в себе ряд проблемных вопросов, требующих незамедлительного разрешения.

Ключевые слова: заключение под стражу; несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый; исключительные случаи; общепризнанные принципы и нормы международного права; дифференциация.

Aleksandra Alekseevna Emelyanova,

adjunct faculty of training

of scientific-pedagogical and scientific personnel

Moscow University of the MIA of the Russian named after V. Y. Kikot

ON THE ISSUE OF THE DETENTION OF A JUVENILE SUSPECT, ACCUSED

Abstract. Government coercion is part of criminal proceedings as an integral component of ensuring of effective criminal proceedings. The question of en-

sureing the rights, freedoms and legitimate interests of juvenile suspects accused of criminal acts is particularly acute before the State in this regard. The number of crimes committed by minors has decreased over the past few years, but this social factor has without doubt been and continues to be the main problem both for Russian society and for the State as a whole. The number of minors varies, and they can commit crimes from less serious to particularly serious. The investigator and the person conducting the initial inquiry should carefully consider the issues related to the adoption of procedural decisions, especially when they are to be taken at the stage of the election of a specific measure of criminal procedure in each individual criminal case. The most responsible preventive measures for officials conducting preliminary investigations should be taken when choosing a preventive measure such as detention. Its election and further application includes a number of problematic issues requiring immediate resolution.

Keywords: detention; minor suspect, defendant; exceptional cases; universally recognized principles and norms of international law; differentiation.

Преступность среди несовершеннолетних — это одна из главных проблем не только российского общества, но и зарубежных государств. К сожалению, подростки в силу своих особенностей психоэмоционального, физического, духовного, интеллектуального развития в наибольшей степени подвержены не только положительному, но и негативному влиянию со стороны ближайшего окружения, с которым они общаются, средств массовой информации, всемирной сети «Интернет».

Дети являются основой развития современного общества на пути модернизации, совершенствования, продуктивного использования накопленных и добываемых ресурсов. Государство активно стремится защищать права, свободы и законные интересы подрастающего поколения, разрабатывая соответствующие эффективные механизмы их обеспечения.

Статистические данные за 2019 г., в сравнении с данными прошлых нескольких лет в целом по стране, позволяют проследить тенденцию в направлении снижения количества преступлений, совершённых несовершеннолетними и при их соучастии (всего 41,5 тыс. — 3,9 % от числа предварительно расследованных преступлений). В то же время можно выделить ряд регионов с наибольшим удельным весом совершённых ими преступлений: Республика Карелия (8,3 %), Республика Тыва (8,1 %), Ненецкий АО (7,2 %), Псковская область и Вологодская область (6,5 %) ¹.

Как показывает статистика, в основном несовершеннолетними совершаются такие виды преступлений, как: убийство, покушение на убийство; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; изнасилование или поку-

¹ О состоянии преступности в России за январь — декабрь 2019 г.: ежемесячный сборник [Электронный ресурс]. — URL: file:///C:/Users/thefa (дата обращения: 30.04.2020).

шение на изнасилование; хулиганство; разбой; грабеж; кража; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ.

Выявляя и задерживая лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, должностным лицам, ведущим предварительное расследование в форме предварительного следствия, а также дознания, следует с максимальной точностью и аккуратностью подходить к вопросу, связанному с принятием решения об избрании меры пресечения.

В связи с чем указанным должностным лицам следует руководствоваться не только уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, но и общепризнанными принципами и нормами международного права (например, Минимальные стандартные правила ООН (Пекинские правила), Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы и др.), т. к. они представляют собой отправные основополагающие положения в сфере охраны и защиты прав и законных интересов личности несовершеннолетнего. Так, например, в п. 13 Пекинских правил прописывается: «Содержание под стражей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени»; «Содержание под стражей до суда по возможности заменяется другими альтернативными мерами»¹.

При этом в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 № 103-ФЗ установлено, что условия содержания несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых под стражей, должны исключать угрозу жизни и здоровью несовершеннолетнего [1, с. 21].

Принятие следователем, дознавателем процессуального решения, связанного с избранием той или иной меры принуждения — выступает составной частью их деятельности, направленной на эффективное расследование совершённых преступлений, в частности, несовершеннолетними.

Раздел IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) закрепил перечень мер процессуального принуждения. Однако не все из них применимы непосредственно к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым. Так, применению не подлежат: «Наблюдение командования воинской части» (ст. 104 УПК РФ) (в силу недостижения призывного возраста — 18 лет); «Временное отстранение от должности» (ст. 114 УПК РФ) (в силу незанятия несовершеннолетним государственной долж-

¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 нояб. 1985 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 13.02.2020).

ности, или должности по специальности, с которой связано вменяемое лицу преступление); «Наложение ареста на имущество» (ст. 115 УПК РФ) (несмотря на то, что лица в возрасте от 14 до 18 лет вправе при наличии письменного согласия законных представителей совершать сделки, однако право собственности возникает лишь с 18 лет¹); «Денежное взыскание» (ст. 117 УПК РФ) (в силу ст. 111 УПК РФ денежное взыскание не указывается среди мер принуждения, применяемых к подозреваемым, обвиняемым).

Наиболее строгой из мер пресечения, как составной части мер процессуального принуждения, выступает заключение под стражу. По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ более половины представляемых в суд ходатайств удовлетворяются (так, в 2019 г. судами общей юрисдикции из представленных 1 156 ходатайств удовлетворено 833). Имеют место и случаи удовлетворения ходатайств о заключении под стражу в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой тяжести². Это связано, как правило, с повторным совершением подростком преступления, невозможностью избрания иной, более мягкой меры пресечения.

Строгость данной меры проявляется в том, что она в наибольшей степени затрагивает предусмотренное Конституцией РФ право несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), т. е. фактически лишает их такового.

Всё уголовно-процессуальное законодательство строится на основополагающих началах (принципах) уголовного судопроизводства. В этой связи принцип неприкосновенности по своему содержанию закрепляет возможность ограничения указанных выше прав, но на строго определенный уголовно-процессуальным законом срок (ст. 109 УПК РФ).

Конституционный суд РФ обращает внимание на то, что заключение под стражу допустимо лишь тогда, когда есть реальная возможность назначения лицу, подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, реального наказания в виде лишения свободы³.

¹ Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении восемнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации).

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.02.2020).

³ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» [Электронный ресурс]. — URL:

В связи с указанным выше процессуальными гарантиями законности и обоснованности принимаемого решения выступают: избрание и применение заключения под стражу к несовершеннолетним только по судебному решению (ч. 2 ст. 22 Конституции; п.п. 1, 2 ч. 2 ст. 29 УПК РФ); невозможность применения иной, более мягкой меры пресечения; применяется в связи с совершением преступлений средней тяжести, однако в исключительных случаях.

Несмотря на дифференцированный подход к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, закрепленный законодателем в главе 50 УПК РФ, в части, касающейся избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, каких-либо особенностей отдельно не выделено.

Применение заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых возможно лишь по судебному решению, с заявлением соответствующего ходатайства следователем перед руководителем следственного органа, а также дознавателем перед прокурором в случае совершения несовершеннолетним тяжкого и особо тяжкого преступления.

Однако в исключительных случаях возможны ситуации, когда следователем, дознавателем в ходе производства предварительного расследования может быть принято процессуальное решение, связанное с избранием заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести. При этом указанным должностным лицам надлежит учитывать положения части 6 статьи 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые¹.

Необходимо отметить, что перечень исключительных случаев законодателем определен лишь в отношении лиц, достигших возраста 18 лет (применение заключения под стражу в общем порядке). К таковым можно отнести: данные о том, что подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, в связи с чем может скрыться от органов, ведущих предварительное расследование; личность лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, не установлена; подозреваемым, обвиняемым нарушена ранее избранная мера пресе-

<https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21122000-n-296-o-ob/> (дата обращения: 15.02.2020).

¹ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 15.02.2020).

чения; а также факт того, что подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов, ведущих предварительное расследование, или от суда.

В уголовно-процессуальной науке имеются различные взгляды по вопросу определения набора исключительных случаев (обстоятельств).

Так, С. В. Тетюев и И. А. Макаренко считают, что применительно к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, в целях благопритствования процессуальному положению указанных лиц в ходе уголовного судопроизводства, следует все же учитывать обстоятельства (исключительные случаи), которые закреплены в ч. 1 ст. 108 УПК РФ [2, с. 197; 3, с. 85].

И. Л. Петрухин к таким случаям относит следующие: бродяжнический образ жизни несовершеннолетнего, употребление наркотических средств, связь с криминальной средой, наличие судимости и др. [4, с. 80]

Ф. Багаутдинов, считает, что к перечню исключительных обстоятельств стоит отнести такие факты: несовершеннолетний ранее совершал преступления, либо привлекался к уголовной ответственности; несовершеннолетнего необходимо изолировать от общества (например, несовершеннолетний ведет антисоциальный образ жизни и т. п.) [5, с. 43].

Н. Г. Нарбикова в качестве исключительных рассматривает следующие обстоятельства: отсутствие должного контроля со стороны родителей и иных законных представителей; наркомания или токсикомания, которой страдает несовершеннолетний; отсутствие постоянного местожительства; совершение преступления группой лиц [6].

Очевидно, что дать исчерпывающий перечень обстоятельств, относимых к исключительным случаям, невозможно, в силу многообразия возникающих и протекающих общественных отношений.

Однако нельзя не согласиться с мнением Е. В. Мищенко, который считает, что перечень исключительных обстоятельств может быть неограниченным, но путем закрепления именно всех «возможных» случаев, будет обеспечена охрана прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а именно: несовершеннолетний повторно совершил преступление; у него отсутствует постоянное место жительства; преступление совершено группой лиц; несовершеннолетний страдает наркоманией или токсикоманией; отсутствует должный контроль за несовершеннолетним со стороны родителей или иных законных представителей [7, с. 143].

На наш взгляд, в каждом конкретном случае принятия следователем, дознавателем процессуального решения, связанного с ходатайством об избрании в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, совершившего преступление средней тяжести, меры пресечения, связанной с заключением под стражу, надлежит учитывать помимо обстоятельств, связанных с отсутствием у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого постоянного места жительства, данных о его личности, нарушением несовершеннолетним ранее избранной меры пресечения, с сокрытием несовер-

шеннолетнего от органов предварительного расследования или от суда, следующие:

- повторное совершение несовершеннолетним лицом преступления различной степени тяжести, ни за одно из которых он не был привлечен к уголовной ответственности;
- совершение преступлений группой лиц, где ведущую роль играет именно сам несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый);
- несовершеннолетний имеет круг общения в преступной среде;
- употребление наркотических средств или психотропных веществ;
- бродяжничество;
- направленность умысла, дерзость, агрессивность преступных действий и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Основы уголовного судопроизводства*: учеб. для бакалавров / Под ред. В. А. Давыдова, В. В. Ершовой. — М.: РГУП, 2017. — 444 с.
2. *Тетюев С. В.* Актуальные вопросы избрания меры пресечения «Заключение под стражу» в отношении несовершеннолетнего / С. В. Тетюев // Вестник ОмГУ. Серия. Право, 2008. — № 1. — С. 197—201.
3. *Макаренко И. А.* К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних / И. А. Макаренко // Уголовное право. — 2007. — № 2. — 85—88.
4. *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин; отв. ред. И. Б. Михайловская; АН СССР, Ин-т государства и права. — М.: Наука, 1989. — 256 с.
5. *Багаутдинов Ф.* Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия / Ф. Багаутдинов // Российская юстиция. — 2002. — № 9. — С. 43—45.
6. *Нарбикова Н. Г.* Меры пресечения, связанные с ограничением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Г. Нарбикова. — Челябинск, 2005. — 22 с.
7. *Мищенко Е. В.* Права человека и гражданина в производстве по отдельным категориям уголовных дел / Е. В. Мищенко. — Оренбург, 2010. — 167 с.

УДК 343.137.5

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10046

Тамара Николаевна Михайлова,

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат педагогических наук;

Олег Павлович Грибунов,

заместитель начальника
Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе),
доктор юридических наук, профессор

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ЮВЕНАЛЬНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье представлен исторический экскурс развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц. Раскрывается история возникновения и развития ювенальных судов в России, начиная с конца XIX в. Проведенное исследование позволило выделить ряд важных этапов, правовой границей которых сегодня является УК РФ и УПК РФ. На основе использования историко-правового и сравнительно-правового методов исследования установлено, что на сегодняшний день создана надежная правовая база для перспективного развития собственной модели ювенального судопроизводства в России.

Ключевые слова: несовершеннолетний, малолетний, историческая периодизация, дифференцированное судопроизводство, производство по делам несовершеннолетних, специализированный суд, ювенальная юстиция.

Tamara Nikolaevna Mikhailova,

Associate professor, Department of Criminal Procedure
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical sciences

Oleg Pavlovich Gribunov,

Deputy Chief of East-Siberian Institute of the MIA of Russia for Science,
Doctor of Law, Professor

EVOLUTION OF THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR JUVENILE COURT PROCEEDINGS IN RUSSIA

Abstract. The article presents a historical excursus of the development of domestic criminal procedure legislation governing criminal proceedings against minors. It shows the history of the emergence and development of juvenile courts in Russia, since the late 19th century. A recent study made it possible to identify a

number of important stages, the legal border of which is today the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure. Based on the use of historical and comparative legal research methods, it has been established that today a reliable legal framework has been created for the future development of our own model of juvenile justice in Russia.

Keywords: minor, juvenile, historical periodization, differential proceedings, juvenile proceedings, specialized court, juvenile justice.

Современный уголовный процесс сам по себе не может быть правильно осмыслен вне связи с прежними этапами его развития. В противном случае останутся нераскрытыми глубинные механизмы, образовавшиеся когда-то давно, но действующие сегодня и в значительной мере определяющие будущее

А. И. Александров¹

Рассматривая этапы исторического возникновения и развития дифференцированного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, следует отметить, что изначально в нашем государстве несовершеннолетие преступника не рассматривалось в качестве основания для выделения его как субъекта особого производства. Долгое время ребенок воспринимался наравне со взрослым, и только к концу XVIII в. стали появляться первые зачатки мыслей о детстве как особом периоде жизни человека, развития его личности, требующего особого внимания со стороны общества и государства.

Первые шаги, направленные на определение правового положения несовершеннолетнего, были сделаны только в конце XIX в. в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., нормы которого запрещали несовершеннолетним до 14 лет свидетельствовать под присягой. Кроме того, именно в Уставе впервые появилось правило об обязательном участии по делам несовершеннолетних родителей, опекунов и иных законных представителей несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства [1]. В данный период времени особо подчеркивалось, что закон должен иметь ориентированную сугубо исправительную цель, а наказание следует рассматривать не в качестве возмездия за содеянное, а как залог лучшего будущего для подростка. Уголовное судопроизводство должно восприниматься в качестве средства исправления дурных зачатков и развития добрых качеств личности несовершенно-

¹ Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А. И. Александров. — СПб., 2003. — С. 126.

нолетнего [2, с. 284]. Как охарактеризовал в своих исследованиях И. Я. Фойницкий: «для лиц с недоразвившимся сознанием, особой восприимчивостью, неустойчивыми чертами характера, направленными на подражание окружающим, общий порядок уголовного судопроизводства наравне со взрослыми лицами сопряжен со многими опасностями и может повлечь необратимые последствия» [3, с. 504].

В целом данный период времени можно охарактеризовать негативной тенденцией роста преступности несовершеннолетних лиц, поскольку большинство детей оказалось в неблагоприятной среде, достаточно активно использовался тяжелый детский труд, процветало бродяжничество, попрошайничество и детская проституция. В свете этого широкое распространение получают общественные организации (приюты, школы, реформатории и т. д.), деятельность которых вязана с благотворительностью, охраной и защитой детей от жестокого обращения со стороны взрослых, а также с созданием благоприятных условий для их воспитания и обучения. Все это не могло не обратить на себя внимание законодателя и побудить его к созданию системы ювенальной юстиции в отечественном уголовно-процессуальном праве.

2 июня 1897 г. под влиянием Съезда представителей русских исправительных учреждений был принят закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположения об их наказуемости»¹, который внес изменения в такие процессуальные акты, как: Устав уголовного судопроизводства, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Учреждение судебных установлений. Именно с приведением в жизнь данного закона, по мнению А. М. Рубашевой, была разорвана связь с формальным подходом к подростку, уделено особо пристальное внимание его исправлению и воспитанию со стороны государства и общества [4, с. 4]. Вышеуказанный закон предусмотрел особые условия для производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц: выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетних лиц в отдельное производство; особенности избрания меры пресечения в форме отдачи под ответственный надзор законных представителей или лиц, изъявивших на это желание; обязательное участие защитника; участие законных представителей по усмотрению суда; ограничение принципа открытости судебного разбирательства; возможность рассмотрения уголовного дела в отсутствие несовершеннолетнего подсудимого и др. [5, с. 409—410]. Согласно положениям данного закона, уголовно-правовые санкции дифференцировались по следующим возрастным группам: от 10 до 14 лет, от 14 до 17 лет, от 17 до 21 года. В качестве наиболее распространенных наказаний применялись: помещение в исправительные колонии или

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 17. — СПб., 1900. — Ст. 14233.

приюты для несовершеннолетних преступников, помещение в монастыри вероисповедания, в крайних случаях — тюремное заключение (особые помещения при тюрьмах).

Кроме того, появилась норма, регламентирующая «производство по делам несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением». Согласно данному положению, если в процессе уголовного судопроизводства устанавливалось, что несовершеннолетний совершил преступление в состоянии невменяемости или без разумения, то такое производство по общему правилу подлежало прекращению в силу специфики возраста и психологического состояния преступного лица. Определение вменяемого или невменяемого состояния несовершеннолетнего проводилось путем его освидетельствования со стороны сведущих лиц, обладающих специальными знаниями в области медицины, психологии и педагогики. Кроме того, дополнительно могло учитываться и мнение других свидетелей, обладающих информацией о несовершеннолетнем. По мнению Е. В. Марковичевой, именно эти нормы явились предпосылкой появления в отечественном уголовно-процессуальном праве механизма освобождения несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности в связи с его отставанием в развитии [6, с. 1435].

Достаточно устоявшейся правовой позицией в научных кругах является мнение о том, что именно Закон 1987 г. послужил основой для становления дифференцированной формы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в России и нормативной базой создания и деятельности специализированных судей по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними лицами. Однако, при всех положительных моментах, вышеуказанный закон не получил должной реализации на практике. Вместо предусмотренных мер наказания воспитательного воздействия и исправительного характера к несовершеннолетним подсудимым зачастую применялось тюремное заключение, причем в одной камере со взрослыми [7, с. 385]. Большинство вопросов производства по уголовным делам так и осталось неурегулированным и было отдано на усмотрение судей, которые, к сожалению, на тот этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства не всегда обладали должной квалификацией. При этом, как отмечает в своих исследованиях Н. В. Давыдов «возможности обжалования судебных решений, вынесенных по делам несовершеннолетних, были крайне ограниченными» [8, с. 78—79]. Вопрос о коренном преобразовании законодательства о малолетних и несовершеннолетних преступниках так и продолжал оставаться вопросом, требующем неотложного решения [9, с. 72—73].

В 1910 г. в городе Санкт-Петербург начал действовать первый в отечественной истории суд по делам несовершеннолетних, образованный по инициативе общества Санкт-Петербургского патроната и специально соз-

данной для целей создания специализированного суда для несовершеннолетних комиссии под руководством И. Я. Фойницкого. Начав свою активную деятельность подобного рода суды были созданы и в других городах, получив такие названия, как: «суд малолетних», «суд несовершеннолетних», «детский суд», «подростковый суд», «особый суд», «дифференцированный суд» и т. д. Уголовные дела в специализированных судах рассматривались единолично мировыми судьями, избираемыми населением, проживающим в судебном округе. Инициативу создания подобного рода мировых судей поддержал Санкт-Петербургский съезд мировых судей, который назначил первым мировым судьей по делам несовершеннолетних Н. А. Окунева — одного их разработчиков идеи создания судов для несовершеннолетних в отечественном уголовном судопроизводстве [10, с. 525—542]. В указанных судах рассматривались дела трех категорий:

- 1) дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними;
- 2) дела о преступлениях, в которых несовершеннолетние были признаны потерпевшими;
- 3) дела в отношении родителей несовершеннолетнего, невыполняющих должным образом свою обязанность по воспитанию ребенка, жестоком с ним обращении, детской проституции и т. д. [11, с. 2498].

Основным принципом деятельности судов для несовершеннолетних было признание и уважение ребенка как отдельно взятой личности и члена общества [12, с. 232].

Зачастую у мировых судей по делам несовершеннолетних судебный процесс заканчивался вынесением решения о применении к последнему мер воспитательного воздействия, главнейшей составляющей которых явилось создание системы организации попечения над несовершеннолетними преступниками. На попечителей ложилась обязанность присмотра и помощи несовершеннолетнему правонарушителю по предписанию суда. При этом попечителем мог стать как штатный попечитель, так и представитель правозащитной организации или иное заслуживающее доверие лицо.

В своих исследованиях восстановительного правосудия по делам несовершеннолетних Э. Б. Мельникова отметила историческую особенность возникновения системы отечественной ювенальной юстиции, которая, по ее мнению, заключается в том, что изначально суд по делам несовершеннолетних создавался как суд, решающий две основные задачи в государстве и обществе: защита прав детей, подростков и уголовного преследование несовершеннолетних преступников [13, с. 98]. При этом уголовное преследование было направлено на извлечение несовершеннолетнего правонарушителя из неблагоприятной, преступной среды и применение к нему главным образом не наказания, а попечительных мер воспитательного воздействия. Тем не менее, невзирая на свою положительную тенденцию к гуманистическому развитию, система созданных на тот момент специальных ювенальных судов

просуществовала недолго: по решению государственных властей в 1918 г. они прекратили свою деятельность.

Следующий этап развития уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних начался в январе 1918 г. В этот период был принят Декрет «О комиссиях по делам несовершеннолетних», в соответствии с положениями которого деятельность ювенальных судов по рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте до 17 лет, была возложена на специальные комиссии по делам несовершеннолетних, принимавшие решения в соответствии с разработанными инструкциями. Как отмечает в своих исследованиях П. И. Люблинский, «данного вида инструкции содержали достаточно общие и размытые положения, не содержа конкретные постановлений относительно осуществления производства по делам несовершеннолетних» [14, с. 172]. Действительно, анализ Инструкции о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних¹, опубликованной 30 июля 1920 г., показал преобладание в ней медико-психолого-педагогической направленности её деятельности. В большей степени в её содержании нашел отражение опыт судов для несовершеннолетних царской России по деятельности организаций социальных служб, изучающих личность несовершеннолетнего правонарушителя. Комиссии по делам несовершеннолетних находились в ведении Народного комиссариата общественного призрения и включали в себя представителей трех ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции. Комиссия была правомочна заседать при наличии трех представителей вышеуказанных ведомств, причем один из них в обязательном порядке должен был быть врачом [15]. Согласно положениям Декрета, комиссии должны были также пересматривать все дела, оконченные в судах решением об осуждении несовершеннолетнего. Таким образом, был создан чисто педагогический и, в некоторой степени, апелляционный орган, основной задачей которого выступало не наказание, а воспитание и исправление несовершеннолетнего правонарушителя. Данного рода комиссии по делам несовершеннолетних просуществовали вплоть до 1935 г. [16, с. 104—108]. В период их деятельности появилась новая система применяемых в отношении несовершеннолетних преступников мер — меры медико-педагогического характера. Такая мера наказания, как тюремное заключение, к несовершеннолетним на практике не применялась. В целом следует отметить, что в данный период времени государство уделяло значительное внимание созданию различных общественных организаций и комиссий, деятельность которых была направлена на борьбу с беспризорностью, бродяжничеством и защиту детей. Достаточно активно действовали

¹ Инструкция Комиссия по делам о несовершеннолетних: постановление Наркомпроса РСФСР, Накомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 30.07.1920 // Собрание узаконений РСФСР. — 1920. — № 100. — № 68.

и развивались такие организации, как Лига спасения детей, Совет защиты детей и др. В мае 1919 г. был принят Декрет «О бесплатном питании детей», в соответствии с положениями которого было запрещено назначение и применение телесных наказаний и тюремного заключения для малолетних правонарушителей общественного порядка [17, с. 229].

Преобразование судебной системы по делам несовершеннолетних продолжилось в 1920 г., когда стала очевидной необходимость создания судебных форм защиты прав и интересов несовершеннолетних, принятием особого Декрета «О суде над несовершеннолетними». В соответствии с положениями данного Декрета, уголовные дела о тяжких преступлениях, совершённых несовершеннолетними лицами в возрасте от 14 до 18 лет, были переданы на рассмотрение в народный суд. В этом же году постановлением Наркомата образования была создана специальная детская милиция. Таким образом, именно в данный период времени была создана новая модель осуществления производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, которая в большей степени имела ориентир на осуществление дифференцированной юридической охраны прав и интересов детей и подростков и выступала эффективным средством в борьбе с советскими несовершеннолетними правонарушителями.

4 марта 1920 г. Советом народных комиссаров было принято новое постановление, в соответствии с которым возраст несовершеннолетия был повышен с 17 до 18 лет [18, с. 28—29]. На комиссии по делам несовершеннолетних было возложено рассмотрение общественно-опасных деяний, совершённых несовершеннолетними, и решение вопроса о применении к ним мер медико-педагогического воздействия. В случае невозможности применения к несовершеннолетнему правонарушителю указанных мер дело передавалось на рассмотрение в народный суд. Как отмечает в своих исследованиях Э. Б. Мельникова: «суд несовершеннолетних данного периода времени отличали такие специфические черты, как: широкая предметная подсудность (судьи рассматривали как уголовные, так и административные дела разных категорий), закрытый характер судебного разбирательства (максимальное обеспечение конфиденциальности судебного разбирательства), отсутствие формального обвинительного акта (воспитательная функция суда была направлена не на доказывание виновности несовершеннолетнего, а на проведение с ним профилактической беседы, направленной на полное признание им своей вины и раскаяние перед обществом и государством), упрощенная форма уголовного судопроизводства, отсутствие формальной судебной процедуры, применение в качестве основной меры воздействия — попечительного надзора за несовершеннолетним правонарушителем [19, с. 38].

В 1922 г. был принят новый УК РСФСР, которым был снижен возраст несовершеннолетних, дела о которых находились в ведении комиссии, до 16 лет. Уголовные дела в отношении несовершеннолетних в возрасте от 16

до 18 лет могли рассматривать только народные суды, в которых в качестве обвинителей выступали представители комиссии по делам несовершеннолетних. В УПК РСФСР 1922 г. была предусмотрена очень важная норма, указывающая на обязательность установления возраста подсудимого и, в случае отсутствия подтверждающих документов, возможность установления возраста лица путем прохождения последним медицинского освидетельствования. Кроме того, в законе появилось первое указание на лиц, которые могли быть привлечены в качестве законных представителей по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. При этом законом не было предусмотрено их обязательное участие в судебном процессе, данный вопрос был полностью передан на усмотрение суда. Во всех случаях совершения уголовно-наказуемого деяния несовершеннолетним в соучастии с совершеннолетними лицами уголовное дело подлежало выделению в отдельное производство. Данный этап развития уголовно-процессуального законодательства характеризуется несвойственной нынешнему этапу развития уголовного судопроизводства России полного подчинения суда (народного суда) административному органу (комиссии по делам несовершеннолетних) при решении вопроса о привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Указанный период времени можно с уверенностью охарактеризовать как существование модели административной системы ювенальной юстиции российского государства.

Следующий этап развития ювенальной юстиции связан с ориентацией в сторону карательного направления, которое охватывает период истории, начиная с 1935 г. вплоть до 1951 г. В данный период времени правовой статус несовершеннолетнего подвергся существенным изменениям, в целом положение несовершеннолетних было ухудшено. 7 апреля 1935 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»¹, в преамбуле которого подчеркивалась главная задача советского государства — ликвидация преступности среди несовершеннолетних, что определило новые принципы и подходы рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних преступников.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. по ряду преступлений возраст привлечения лица к уголовной ответственности был снижен до 12 лет. Вместе с комиссиями по делам несовершеннолетних были отменены все возможные меры медико-педагогического характера с вероятностью применения к несовершеннолетним преступникам всех видов мер наказания, предусмотренных действовавшим на тот момент уголовным законодательством. После издания постановления в крупных городах были созданы специа-

¹ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 № 3/598 // Собр. законодательства СССР. — 1935. — № 19. — Ст. 155.

лизированные народные суды для рассмотрения уголовных дел о несовершеннолетних, полномочия которых спустя три года перешли к районным народным судам.

Несовершеннолетие лица вновь перестало рассматриваться в качестве смягчающего обстоятельства, при судах стали создаваться специальные камеры для несовершеннолетних. Главным ориентиром данного периода времени явилась борьба с преступностью несовершеннолетних путем ужесточения норм как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства. Производство в отношении несовершеннолетних было максимально приближено к производству в отношении взрослых лиц, что, в соответствии с нормами международного законодательства, уже тогда являлось крайне неприемлемым. В качестве меры воспитательного и устрашающего характера было рекомендовано судам проведение серии показательных судебных процессов в отношении несовершеннолетних преступников.

Основы уголовного судопроизводства СССР, принятые в 1958 г., частично сменили карательный характер уголовного судопроизводства в сторону смягчения положения несовершеннолетнего, обозначив определенную специфику производства как на досудебных, так и в рамках судебных стадий уголовного процесса. Тем не менее многие неурегулированные вопросы так и не нашли своего отражения в положениях закона и остались на усмотрение суда.

Положительной вехой в развитии современной модели правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних явилось принятие в 1960 г. УК РСФСР и УПК РСФСР. Указом Президиума Верховного совета СССР от 3 июня 1967 г.¹ была восстановлена работа комиссий по делам несовершеннолетних. Кроме того, был создан новый институт общественных воспитателей. УК РСФСР предусматривал норму, позволяющую освободить несовершеннолетнего преступника от привлечения к уголовной ответственности и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия. Компетенция суда общей юрисдикции, как правило, распространялась на тяжкие преступления, совершённые несовершеннолетними, достигшими возраста 14 лет. На комиссии была возложена обязанность рассмотрения административных правонарушений несовершеннолетних, аморальных поступков лиц, не достигших возраста 14 лет (в некоторых случаях — 16 лет).

В УПК РСФСР появилась отдельная глава, которая закрепила особое место производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних как специфической формы судопроизводства. После длительного периода карательной уголовной политики несовершеннолетним были предоставлены

¹ Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних: указ Президиума Верховного совета РСФСР от 03.06.1967 б/н // Ведомости ВС РСФСР. — 1967. — № 23. — Ст. 536.

дополнительные гарантии по реализации их прав и защите законных интересов. На практике реализовывался принцип двойного представительства несовершеннолетнего преступника (обязательное присутствие защитника и законного представителя). Закрепляется возможность приглашения на судебный процесс работника педагогической организации. Обозначается расширенный предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних путем включения в него личностно-характеризующего материала. Устанавливается обязательность производства предварительного следствия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Помимо этого, в целом уголовно-процессуальные нормы были направлены на снижение отрицательного воздействия на психологическое положение несовершеннолетнего преступника и в большей степени, носили воспитательную функцию. Таким образом, в УПК РСФСР впервые так явно проявилась гуманистическая направленность дифференцированной формы судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц.

Одобренная в 1991 г. Верховным Советом РСФСР Концепция судебной реформы закрепила необходимость создания в отечественном судопроизводстве системы судов ювенальной юстиции¹. При этом правовая реформа 90-х гг. XX столетия утвердила общепризнанные нормы и принципы международного права в качестве составной части правовой системы Российской Федерации, в соответствии с которыми были разработаны и приняты УК РФ 1996 г. и УПК РФ 2001 г. В целом, нормы указанных нормативно-правовых актов направлены на снижение карательного потенциала уголовного судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, о чем свидетельствует тот факт, что на первое место поставлено применение судами принудительных мер воспитательного характера, и только уже потом — наказания. На воспитательный характер правосудия указывает в своих разъяснениях и Пленум Верховного суда РФ.

Для реализации международных стандартов в области правосудия несовершеннолетних 24 июля 1998 г. был принят ФЗ № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», которым были введены ключевые для российской ювенальной юстиции понятия, например, «социальная реабилитация ребенка».

24 июня 1999 г. был принят ФЗ № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», определяющий принципы и цели деятельности органов и учреждений системы профилактики.

Сегодня для рассмотрения и разрешения уголовного дела, в котором обвиняется несовершеннолетний, применяются соответствующие нормы, из-

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости ВС РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.

ложенные в отдельной главе 50 УПК РФ. При этом, действующее российское судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних не является автономным от общей системы правосудия и регулируется общими принципами уголовного процесса. Говоря о значимости размещения главы 50 УПК РФ в разделе XVI «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел», Л. М. Голубева отмечает, что «подобный подход к соотношению общего и особенного в судопроизводстве по делам несовершеннолетних позволяет правильно конструировать соответствующие правовые нормы, учитывая при этом их специфичность и социальную значимость, и в конечном счете обеспечить оптимальное взаимодействие данной подсистемы с системой уголовного судопроизводства в целом» [20, с. 215].

Безусловно, действие УПК РФ является этапом развития нового современного ювенального судопроизводства России. По сравнению с предыдущим уголовно-процессуальным законодательством, в нем особо подчеркнута и выделена дифференцированная форма уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних лиц. Тем не менее почти двадцатилетний период его действия выявил и ряд вопросов, которые требуют дальнейшего нормативного урегулирования. Об этом свидетельствуют постоянно вносимые изменения, в том числе и в нормы, касающиеся несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Современными учеными и практиками однозначно признается необходимая потребность российского общества в учреждении отдельных судов по делам несовершеннолетних и системы социальных служб, содействующих суду в его деятельности. При этом ориентир должен быть взят на создание восстановительной, а не карательной системы ювенальной юстиции, которая бы несла в себе основополагающие принципы, закрепленные в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, направленные на создание дружественного по отношению к ребенку уголовного, административного и гражданского судопроизводства. Эволюция отечественного уголовно-процессуального законодательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, правовой границей которого на сегодняшний день является УК РФ и УПК РФ, создала надежную правовую базу для перспективного развития собственной модели ювенального судопроизводства в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шрамченко М. П. Устав уголовного судопроизводства (Св. зак. Т. XVI, ч. 1, по прод. 1906, 1908—1910) Изд. 6-е испр. и доп. / М. П. Шрамченко, В. П. Ширков. — СПб, 1913. — 1368 с.
2. Чистяков О. И. Российское законодательство X—XX вв.: в 9 тт. Т. 8. / О. И. Чистяков. — М.: Юрид. лит., 1991. — 496 с.
3. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 тт. Т. 2. / И. Я. Фойницкий. — СПб, 1996. — 607 с.

4. Рубашева А. М. Суд для малолетних и общество / А. М. Рубашева. — М., 1912. — 15 с.
5. Исакова Т. В. Генезис правовой регламентации особенностей судебного разбирательства уголовных дел в отношении несовершеннолетних в дореволюционной России / Т. В. Исакова // Черные дыры в российском законодательстве. — 2007. — № 4. — С. 409—410.
6. Марковичева Е. В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава уголовного Судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ / Е. В. Марковичева // Актуальные проблемы уголовного процесса. — 2014. — № 7 (44). — С. 1433—1439.
7. Заменгоф М. К. Меры пресечения и наказания, применяемые к юным преступникам // Дети-преступники: сб. ст. / Под ред. М. Н. Гернета. — М., 2000. — С. 383—411.
8. Давыдов Н. В. Уголовный суд в России / Н. В. Давыдов. — М., 1918. — 206 с.
9. Чарыхов Х. М. Учение о факторах преступности. Социологическая школа в науке уголовного права / Х. М. Чарыхов. — М., 1910. — 167 с.
10. Бочаров Ю. Н. Первые особые суды по делам о малолетних в России // Дети-преступники: сб. ст. / Под ред. М. Н. Гернета. — М. 2000. — 617 с.
11. Исакова Т. В. Краткий очерк развития ювенального уголовного судопроизводства в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства Российской империи до современных реалий / Т. В. Исакова // Актуальные проблемы уголовного процесса. — 2014. — № 11 (48). — С. 2497—2503.
12. Емельянов А. Преступность несовершеннолетних по мировым участкам г. Москвы // Дети-преступники: сб. ст. / Под ред. М. Н. Гернета. — М.: Изд-во «В. И. Знаменский и К», 1912. — 550 с.
13. Мельникова Э. Б. Восстановительный аспект правосудия по делам о несовершеннолетних / Э. Б. Мельникова. — М., 2003. — 103 с.
14. Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки / П. И. Люблинский. — М., 1923. — 294 с.
15. Зилов С. А. Детское право // Энциклопедия государства и права. Т. 1. / Под ред. П. Стучки. — М., 1925. — 444 с.
16. Машинская Н. В. Развитие уголовно-процессуального законодательства о досудебном производстве по делам несовершеннолетних в советский период / Н. В. Машинская // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 8. — С. 104—108.
17. Славко А. А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти / А. А. Славко // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 3. — С. 229—234.
18. Виленский С. С. Дети ГУЛАГа: 1918—1956 (Россия. XX век. Документы) / С. С. Виленский и др. — М., 2002. — 628 с.
19. Мельникова Э. Б. Будет ли в России ювенальная юстиция? Научно-практический комментарий / Э. Б. Мельникова // Российская юстиция. — 1998. — № 11. — С. 38—40.
20. Голубева Л. М. Судебное рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних (вопросы теории и практики) / Л. М. Голубева. — Фрунзе ИЛИМ, 1981. — 330 с.

УДК 343.14

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10047

Сергей Борисович Россинский,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, доцент

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОТЕРПЕВШИЙ СУБЪЕКТОМ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ?

Аннотация. Настоящей статьей автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвящённых проблемам теории, законодательного регулирования и практики познания и доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Методологически отталкиваясь от общих философских закономерностей познания людьми объективной реальности и логического обоснования своих умозаключений, одновременно принимая во внимание причины, побудившие законодателя ввести статус потерпевшего в систему уголовно-процессуального регулирования, автор приходит к выводу, что данный участник является полноценным субъектом доказывания по уголовному делу, для чего наделен широкими, но в то же время советующими своему статусу ипредназначению правовыми возможностями.

Ключевые слова: исследование доказательств, представление доказательств, обоснование процессуального решения, оценка доказательств, уголовно-процессуальное доказывание.

Sergey Borisovich Rossinskiy,

Professor of the Criminal Procedure Department of the Moscow

State Kutafin Law University,

Doctor of Law, Associate Professor

IS A VICTIM A SUBJECT OF CRIMINAL EVIDENCE?

Abstract. In this article, the author continues the cycle of his scientific publications, which are devoted to the problems of theory, legal regulation and the practice of knowing and proving the circumstances of a criminal case.

The author methodologically builds on the general philosophical laws of people's knowledge of objective reality and the logical justification of their conclusions.

At the same time, the author takes into account the reasons that prompted the introduction of victim status in the criminal procedure law.

As a result, the author comes to the conclusion that the victim is a full-fledged subject of evidence in a criminal case, and therefore he is endowed with broad legal capabilities that correspond to his status and purpose.

Keywords: investigation of evidence, justification of the procedural decision, assessment of evidence, submission of evidence, criminal procedure evidence.

Различные проблемы теории уголовно-процессуального доказывания и обусловленные ими трудности в нормативно-правовом регулировании соответствующих уголовно-процессуальных правоотношений традиционно представляли и продолжают представлять особую актуальность и интерес для научных исследований, порождая множество дискуссий. На сегодняшний день практически ни одна из этих проблем так и не получила окончательного разрешения.

На этом фоне одним из самых острых и обсуждаемых вопросов является вопрос о субъектах доказывания, т. е. участниках уголовного судопроизводства, наделенных определенными полномочиями или правомочиями, позволяющими работать с доказательствами, в той или иной степени воздействовать на формирование доказательственной базы и, таким образом, влиять на характер и содержание принимаемых юрисдикционных правоприменительных решений. По этому поводу в уголовно-процессуальной науке существуют два основных подхода.

Широкий подход предполагает включение в число субъектов доказывания всех участников уголовного судопроизводства, так или иначе задействованных в получении доказательственной информации, ее исследовании, проверке, оценке и (или) использовании для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 37]. Вместе с тем ошибочно полагать, что высказанные в данном направлении точки зрения составляют какую-то общую, унифицированную позицию полных единомышленников. Широкий подход к пониманию субъектов доказывания носит весьма условный характер и имеет большую вариативность. Например, некоторые авторы относят к субъектам доказывания только лиц, играющих в уголовном процессе не разовую (эпизодическую), а постоянную, длительную роль [2, с. 75]. Традиционной для данного подхода также является дискуссия об эксперте как субъекте доказывания [3, с. 25—28] и т. д.

Сторонники узкого подхода понимают под субъектами доказывания лишь тех участников уголовно-процессуальной деятельности, которые наделены государственно-властными юрисдикционными полномочиями, позволяющими самостоятельно формировать новые доказательства, принимать решения о приобщении к уголовному делу представленных доказательств или, наоборот, о признании доказательств недопустимыми, а также издавать на основе имеющихся доказательств различные правоприменительные акты (органы дознания, следователя, прокурора и суд) [4, с. 35—36; 5, с. 472]. Хотя и здесь существуют варианты. Например, встречаются мнения об исключе-

нии из числа субъектов доказывания суда, являющегося не более чем независимым арбитром в споре сторон [6, с. 14—15] и т. д.

Замысел настоящей статьи не охватывает рассмотрение всех дискуссий, ведущихся этом сегменте уголовно-процессуальной науки. Также не хотелось бы подробно останавливаться на анализе каждого из участников уголовного судопроизводства, дабы высказать свое мнение относительно того, является ли он субъектом доказывания или нет. Реализация столь крупного и амбициозного научного проекта в рамках сравнительно небольшой публикации просто невозможна. Более разумным представляется сконцентрировать внимание лишь на одном из участников уголовно-процессуальной деятельности — на потерпевшем. Хотя при этом необходимо учитывать, что потерпевший не наделен каким-то особым, уникальным статусом, и его правовые возможности, как в досудебном, так и в судебном производстве, во многом (по крайней мере, в какой-то части) совпадают с возможностями других субъектов, преследующих в уголовном деле личный, представляемый или защищаемый интерес (подозреваемого, обвиняемого, защитника, субъектов производства по гражданскому иску и пр.). Поэтому высказанные в статье суждения в некотором роде приемлемы и для указанных лиц.

Забегая вперед, сразу хотелось бы обратить внимание на то, что широкий подход к пониманию субъектов доказывания представляется более разумным и справедливым, поскольку максимально отражает преемственность доказывания по отношению к объективно существующим законам гносеологии и формальной логики, т. е. позволяет в предельно допустимой степени гармонизировать уголовно-процессуальную теорию с реальными жизненными потребностями правоприменительной практики. И, таким образом, потерпевшего следует признавать полноценным субъектом доказывания со всеми вытекающими из этого последствиями. Подобный тезис обуславливается, по крайней мере, двумя основными причинами.

Во-первых, общепризнанно, что доказывание предполагает не просто частный механизм уголовного судопроизводства, а занимает в нем особое, ключевое положение (является «душой» процесса [7, с. 12], заметно отличаясь от остальных процедур, входящих в его содержание. Ведь потребность в доказывании является основной причиной, предопределяющей как само существование, так и порядок реализации подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений. Ученые-процессуалисты уже неоднократно подчеркивали, что положения теории доказывания и нормы доказательственного права самым тесным образом связаны со всем уголовным судопроизводством, переплетены с его задачами, принципами, полномочиями следственных и судебных органов, взаимодействуют с системой процессуальных гарантий, правами вовлеченных в уголовное дело лиц и т. д. [8, с. 4; 9, с. 5 и т. д.]. Именно необходимость доказывания различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, детерминирует многоэтапный и многоаспектный порядок предварительного расследования и судебного

разбирательства, характеризующийся достаточно длительными сроками, сложными юридическими процедурами и большим количеством участвующих субъектов. В противном случае (если на мгновение предположить возможность существования какой-то чудесной способности человека, например, судьи, изначально знать все необходимые обстоятельства, связанные с совершением преступления) производство по любому уголовному делу сводилось бы лишь к постановлению приговора.

И в этой связи возникает закономерный вопрос: если не участием в доказывании, то чем тогда вообще была вызвана надобность во введении статуса потерпевшего в сферу уголовно-процессуального регулирования? Может быть, необходимостью получить от данного лица показания об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела? Нет, это не так, поскольку подобная задача прекрасно решается без признания лица потерпевшим, а посредством допроса свидетеля, кстати, проводимого в тождественном правовом режиме (ст. 187—191 УПК РФ). Возможно, правом лица на компенсацию нанесенного преступлением ущерба, вытекающим из ст. 52 Конституции РФ и ч. 4 ст. 11 УПК РФ? Нет, это тоже далеко не так, потому как причинный вред подлежит возмещению независимо от участия данного лица в уголовном судопроизводстве. Согласно указанной конституционной норме компенсация причиненного ущерба является обязанностью государства и в силу прямого действия Конституции РФ не может ставиться в зависимость от наделения лица формальным уголовно-процессуальным статусом. Кстати сказать, весьма примечательно, что развивающая данное положение ч. 3 ст. 42 УПК РФ вообще не находится в каком-либо системном единстве с иными частями той же статьи, закрепляющими права и обязанности потерпевшего; она существует как бы сама по себе и структурно включается в ст. 42 УПК РФ лишь для обеспечения системности уголовно-процессуального законодательства.

Представляется, что потребность в существовании статуса потерпевшего (не самого человека, пострадавшего от преступления, а процессуального статуса, предполагающего совокупность правомочий) обусловлена ничем иным как возможностью обеспечения его участия в уголовном преследовании и доступа к правосудию, что также вытекает из упомянутой ст. 52 Конституции РФ. Смысл всех его прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ (разве что, за исключением тех, которые тождественны правам свидетеля в части дачи показаний), сводится именно к возможности принимать наряду с органами предварительного расследования и прокурором участие в реализации функции обвинения и своими активными действиями влиять на изобличение обвиняемого (подозреваемого) в инкриминируемом ему преступлении или на возникновение иных неблагоприятных для него последствий. А наличием долгой и сложной процедуры уголовного преследования, как уже отмечалось выше, существующий механизм уголовной юрисдикции, обязан именно необходимости доказывания тех или иных обстоятельств, имеющих значение

для дела, поскольку в противном случае он сводился бы лишь к вынесению судебного акта, связанного с реализацией уголовного закона (обвинительного (оправдательного) приговора, постановления о применении принудительной меры медицинского характера и пр.).

Во-вторых, уголовно-процессуальное доказывание предполагает не сугубо правовую, а комплексную, синтетическую природу, основанную на философских закономерностях гносеологии и формальной логики, определяющих сущность познания различных сведений и обоснования соответствующих решений. В науке уже давно сложилось понимание доказывания как сложного комплекса познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [10, с. 92; 1, с. 32—33; 11, с. 299; 12, с. 17 и т. д.]. Хотя при этом все же следует обратить внимание, что дискуссия о сущности доказывания пока не завершена, и отдельные ученые высказывают иные точки зрения [13, с. 14—15].

Доказывание нельзя рассматривать только как процессуальное познание, только как основание правоприменителем принимаемого решения или, наоборот, только как направление логических посылов внешнему адресату (правоприменителю) с одной лишь целью — убедить его в правильности собственного тезиса и ошибочности позиции процессуального оппонента. Любой вывод, тем более связанный с установлением обстоятельств уголовного дела, не может появиться из ниоткуда; он всегда основывается на предварительном познании различных сведений, позволяющих соответствующему субъекту вначале сформировать свое собственное видение проблемы и правовых способов ее разрешения, а уж затем — постараться убедить в этом иных лиц.

Ввиду все тех же единых закономерностей гносеологии и формальной логики эти механизмы пронизывают деятельность любых участников уголовного судопроизводства независимо от возложенных на них функций. И познавательный (познавательно-удостоверительный), и аргументационно-логический этапы доказывания свойственны как государственным органам (должностным лицам), так и заинтересованным участникам процесса.

Потерпевший, как полноценный субъект уголовного судопроизводства со стороны обвинения, желая принимать активное участие в уголовном преследовании, тоже не является исключением. Хотя при этом механизмы его познавательной или аргументационно-логической деятельности, конечно, отличаются от соответствующих механизмов, присущих работе дознавателя, следователя, прокурора либо суда, поскольку обусловлены совершенно иным предназначением и особенностями его процессуального статуса.

Например, осуществляемое потерпевшим познание обстоятельств уголовного дела вообще не характеризуется жесткой формализацией и проводится в достаточно свободном режиме. Но это вовсе не означает его отсутствия. Например, потерпевший на разных этапах предварительного расследо-

вания и судебного разбирательства вправе знакомиться с различными материалами уголовного дела, в частности, с изданными по делу судебными и следственными актами, с протоколами следственных действий, с приобщенными к уголовному делу материалами оперативно-розыскных мероприятий, с постановлениями о назначении судебной экспертизы и заключениями эксперта (сообщениями о невозможности дать экспертное заключение), а также протоколом его допроса, с вещественными доказательствами, иными документами, заявленными по уголовному делу ходатайствами и поданными жалобами и т. д. Кроме того, потерпевший имеет право участвовать в судебном заседании первой и последующих инстанций, лично воспринимая исследуемую судом информацию, задавая вопросы другим субъектам уголовного судопроизводства и пр. Из смысла закона вытекает и еще одна познавательная возможность потерпевшего — предварительно ознакомиться с предметами и документами, которые он, согласно п. 4 ч. 2 ст. 42, в системном единстве с ч. 2 ст. 86 УПК РФ вправе представлять для приобщения к уголовному делу. В противном случае, т. е., не осознавая познавательную ценность или бесполезность данных объектов, потерпевший просто не сможет выбрать правильную тактику своего участия в уголовном преследовании и понять, стоит ли вообще представлять их дознавателю, следователю или суду.

Аргументационно-логический аспект доказывания применительно к деятельности потерпевшего носит в первую очередь «экспортный» характер и сводится к обоснованию им своих позиций перед дознавателем, следователем, судом посредством ранее накопленной информации. В частности, потерпевший имеет право заявлять различные ходатайства, приносить жалобы, участвовать в обсуждении иных ходатайств и жалоб, выступать в судебных прениях, используя свои устные либо письменные аргументационно-логические способности и навыки, пытаться убедить субъекта правоприменения в разумности и справедливости высказываемых им аргументов и доводов, а также в ошибочности других аргументов и доводов, противоречащих его интересам. В п. 11 постановления Пленума Верховного суда от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» специально обращается внимание на то, что потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования. При этом суду следует учитывать доводы потерпевшего по вопросам, которыми затрагиваются его права и законные интересы, и дать им мотивированную оценку при принятии судебного решения.

На наш взгляд, потерпевший в определенном смысле выступает и субъектом оценки доказательств, поскольку «экспорт» своей позиции в адрес дознавателя, следователя, суда невозможен без предварительной интеграции накопленных (познанных) сведений в соответствующие доводы и аргументы.

Правда, подобная «внутренняя» (как бы собственная) оценка не имеет юридических последствий, т. к. указанный участник не наделен государственно-властными полномочиями по принятию юрисдикционных решений. Но, тем не менее, игнорировать факт ее существования — значит попросту опровергать общие законы гносеологии и формальной логики, данные людям «свыше» и не зависящие ни от какой процессуальной формы.

Таким образом, на основании всего изложенного мы приходим к выводу о том, что потерпевший является полноценным субъектом доказывания по уголовному делу и наряду с иными участниками уголовного судопроизводства (дознавателем, следователем, прокурором, судом, а также защитником, подозреваемым, обвиняемым и другим заинтересованными лицами) обладает широкими, но при этом советующими своему статусу и предназначению процессуальными возможностями для полноценного восприятия (познания) необходимой информации, ее анализа, оценки, формирования на её основе доводов и аргументов, а также их «эксперта» в адрес правоприменителей в целях оказания влияния на характер и содержание принимаемых юрисдикционных решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. — М.: Юрист, 2009. — 175 с.
2. Лазарева В. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособ. / В. А. Лазарева. — М.: Высш. образование, 2009. — 344 с.
3. Кудрявцева А. В. Является ли эксперт субъектом доказывания / А. В. Кудрявцева // Российский судья. — 2005. — № 6. — С. 25—28.
4. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ / В. И. Зажицкий. — СПб: Юрид. центр «Пресс», 2015. — 439 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2016. — 1278 с.
6. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Л. А. Татаров. — Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. — 29 с.
7. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2015. — 110 с.
8. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз. — Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. — 106 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.
10. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. — М.: Юрид. лит., 1964. — 179 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — Т. 1. / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2008. — 240 с.
13. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Татаров. — Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. — 29 с.

Информация для авторов

1. Сборник научных трудов «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук. Выходит четыре раза в год.

2. Все публикуемые материалы проходят рецензирование.

3. Сборник имеет свой раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.

4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет главный редактор.

5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.

6. Научный материал (статья) должен быть оригинальным (ранее не опубликованным).

7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.

8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала; заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.

9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегию не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.

10. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.

11. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.

12. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

13. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

14. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии в соответствии с тематикой его научной деятельности. К рецензированию также могут быть сотрудники образовательных организаций МВД России, а также других образовательных организаций Российской Федерации. Рецензентами не могут быть научные руководители авторов статей.

15. Члены редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала. Рецензии хранятся в редакции пять лет.

16. Заседание редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

17. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

18. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

19. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения.

20. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

21. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

22. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам:

Для опубликования научных статей и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные научные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей (пример оформления научной статьи):

1. Требования к объёму статей:

Минимальный объём — семь страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

2. Требования к оформлению печатного текста:

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 14 кегль.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: **все по 2,5 см.**

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Тире типографское (длинное): проставляется с помощью клавиш Alt+0151 или Alt+Ctrl+ «цифровой минус» в правой части клавиатуры.

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Оформление перечней осуществляется вручную. Список использованных источников и литературы (библиографические ссылки) нумеровать также вручную.

Фотографии, рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и представляются отдельными файлами на электронном носителе в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм). Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации **не предоставлять** как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать). Обязательно наличие подписей под рисунками, названий таблиц.

В заглавии пристатейного списка литературы (он должен быть пронумерован) используют словосочетание «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ» и помещают его непосредственно после текста статьи. Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], либо [2, с. 46; 5, с. 113]). В списке использованных источников и литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи из журналов и размещаются **в порядке упоминания в тексте**.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники указываются в постраничных сносках и в **списке литературы не дублируются**. Для сносок используется шрифт Times New Roman (Сур), **размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1**. Если сведения о нормативно-правовых актах полностью приводятся в тексте (т. е. полное название закона/кодекса, дата принятия, номер — Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 № 114-ФЗ), то сноска на них не даётся.

Список использованной литературы оформляется как «Библиографические ссылки» в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5—2008.

В конце текста, материалы должны быть обязательно подписаны автором (соавторами) следующим образом: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети «Интернет» не возражаю».

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Оригинальность текста должна составлять **не менее 65 %**.

Корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВСИ МВД России.

В начале статьи автор указывает **индекс универсальной десятичной классификации (УДК)**. После этого (без интервала) располагаются данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Далее (через один интервал) размещается название статьи: выравнивание по центру, начертание — полужирное, используются заглавные буквы.

После названия статьи (через один интервал) размещается аннотация (**не менее 500 знаков**, включая пробелы). Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в её заглавии; включать малоинформативные формулировки; содержать сведения, отсутствующие в основном тексте (оформлять аннотацию необходимо так, как указано в примере статьи). Затем указываются ключевые слова (без интервала): **5—10 слов, характеризующие проблематику статьи, с красной строки, светлым курсивом, через запятую.**

Далее (через один интервал) дублируются на английском языке данные автора (оформлять личные данные необходимо так, как указано в примере статьи): имя, отчество, фамилия, должность, место работы, учёная степень, учёное звание, (через один интервал) название статьи, аннотация и ключевые слова (убедительная просьба при переводе текста на английский язык **не использовать** онлайн-переводчики, т. к. они некорректно переводят текст, что снижает общее качество работы).

Затем располагается текст статьи (через один интервал), после чего (через один интервал) следуют библиографические ссылки.

3. Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), по которым журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

12.00.09 Уголовный процесс.

12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. **Отзыв не является рецензией, а лишь помогает рецензенту в работе по оценке научной новизны и значимости результатов исследования.**

5. Требование к соблюдению режима секретности:

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала:

Статья представляется в редакцию в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии, соответствующей бумажному варианту. Электронная версия может быть направлена в редакцию по электронной почте kvsz@list.ru.

Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении автором(-ами) правил оформления статьи и наличия всех сопроводительных документов. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала. В случае отклонения статьи от публикации редакция направляет автору мотивированный отказ. Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых материалов и не возвращает рукописи.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

КРИМИНАЛИСТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Сборник научных трудов

№ 2 (14) 2020

Редактор
А. В. Андреев

Перевод
Н. С. Новолодская

Компьютерная вёрстка
А. А. Шаевич, Е. И. Третьякова, А. В. Андреев

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, 110